

ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6 (54) 2019

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Бабаев Б.Д. (Иваново, Россия)

Чекмарев В.В. (Кострома, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Вахрушева Н.А. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Корняков В.И. (Ярославль, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Липов В.В. (Харьков, Украина)

Мелиховский В.М. (Ярославль, Россия)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: (4852) 44-12-50

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: vagordeev@rambler.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гордеев В.А. Теоретическая экономия: следующий шаг развития	4
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Вахрушева Н.А., Корняков В.И. Альпидовская М.Л. Экономическое развитие социума, его направление	10
Попов А.В. Концептуальные основы изучения процесса трансформации занятости	18
Субетто А.И. Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечества на земле	27

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЯГТУ О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Булавко О.А. Цифровизация с низкого старта.....	44
Соловых Н.Н., Королева И.В., Стомпелева Е.С. Цифровая экономика: новый технологический уклад и смена парадигмы экономического развития	46

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Матризаев Б.Д. Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики	53
--	----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Никифорова Ю.М. Анализ теоретических аспектов в подходах к пониманию понятия, сущности и структуры интеллектуального капитала	63
--	----

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Позднякова У.А. Обзор книги Б.С. Сержи (B.S. Sergi) и У.А. Барнетта (W.A. Barnett) «Современные финансы и развитие азиатско-тихоокеанского региона» (“Asia-pacific contemporary finance and development”)	79
Родина Г.А. Отзыв на статью А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы»	82

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ РАЗВИТИЯ

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление»,
действительный член Академии философии хозяйства, зарубежный полный член Академии Metaepistemia Universum,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vgordeev@rambler.ru

Аннотация: В работе осуществлен редакторский обзор статей шестого (пятьдесят четвертого) номера журнала. Показано, что каждая из них в той или иной мере вносит определенный вклад в обеспечение очередного шага разработки и развития теоретической экономики. Так, в этих работах содержатся дополнительные аргументы в пользу присущих нашей концепции полиметодологического подхода и приоритета развитию классической политэкономии в исследовании сущностно-содержательного аспекта рассматриваемых категорий. Таким образом, сделан следующий шаг в разработке и развитии теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях. Следовательно, содержание данного номера и выступает таким шагом.

Ключевые слова: теоретическая экономика; полиметодологический подход; приоритет развитию классической политэкономии в исследовании сущностно-содержательного аспекта рассматриваемых категорий; новый парадигмальный мейнстрим в экономических исследованиях; цифровая экономика; новая индустриализация.

JEL: A13; A14

THEORETICAL ECONOMY: THE NEXT STEP OF DEVELOPMENT

Valery Gordeev, doctor of Economics,
chief editor of the journal Theoretical Economics,
Yaroslavl state technical University
Yaroslavl, Russian Federation

Abstract: An editorial review of the articles of the sixth (fifty fourth deep) issue of the journal was made. It is shown that each of them in one way or another makes a certain contribution to ensuring the next step in the development and development of theoretical economy. So, these works contain additional arguments in favor of the polymetodological approach inherent in our concept and the development priority of classical political economy in the study of the substantive aspect of the categories under consideration. Thus, the next step has been taken in the development and development of theoretical economy as a new paradigm mainstream in economic research. Thus, the content of this number and acts as such a step.

Keywords: theoretical economy; polymetodological approach; priority to the development of classical political economy in the study of the essential content of the categories under consideration; new paradigm mainstream in economic research.

Здравствуйтесь, уважаемый читатель!

Представляем Вам очередной, шестой (пятьдесят четвертый), номер нашего журнала, который,

на наш взгляд, содержит очередной шаг разработки и развития нашей концепции теоретической экономики. Мы призываем Вас, уважаемый читатель, к продолжению нашей взаимной постоянной работы с Вами над освоением и дальнейшим развитием теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях!

Сначала традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономики», где опубликовано три работы. Они представляют, по нашему мнению, интерес с точки зрения разработки и развития нашей концепции.

Во-первых, статья под названием «Экономическое развитие социума, его направление». Её написали три автора: Вахрушева Наталья Андреевна, кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Экономика и управление», г. Ярославль, Российская Федерация; Корняков Василий Иванович, доктор экономических наук, профессор, Ярославский филиал Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина, г. Ярославль, Российская Федерация; Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация. Все эти трое авторов являются членами редколлегии нашего журнала и не в первый раз выступают на его страницах в таком соавторстве [см., например: 1]. В очередной работе, представленной сейчас, они обращают внимание на то, что человек, его разум и мозг, нерукотворная данность социума, производства, сфер воспроизводства, экономики – порождения и силы Природы. Очевидна полная зависимость жизни человека от естественных воды, воздуха, света, пищи. Авторы поясняют, что Природа увенчала всю свою значимость весьма действенными, естественными, непрерывно функционирующими механизмами сохранения и самосохранения всего живого и человечества (вовлекающих каждую живую особь и каждого человека). Причина современного кризиса этой системы, постарение населения развитых стран, экологическая катастрофа не заключается в «безразличии» Природы. Это сами люди, считают авторы, действуют против себя, подавляют естественные механизмы своего благополучия и спасения, вынуждая Природу к отчаянным, разрушительным мерам самозащиты, восстановления разрушаемых естественных порядков.

Во-вторых, в этой рубрике представлена работа под названием «Концептуальные основы изучения процесса трансформации занятости». Её написал впервые выступающий в нашем журнале Попов Андрей Васильевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда, Российская Федерация). В его статье предпринята попытка обобщить подходы к изучению трансформации занятости как процесса глубоких (радикальных) преобразований социально-экономических отношений, приводящих к качественным изменениям сложившихся практик участия населения в общественно полезной деятельности. Для достижения поставленной цели в работе использованы традиционные общенаучные методы (анализ и синтез, сравнение и обобщение) с применением принципов системного и комплексного подходов. В ходе анализа зарубежных и отечественных источников было выделено 6 подходов к изучению трансформационных процессов в сфере занятости: системный, отраслевой, институциональный, организационно-правовой, компетентностный и мотивационно-ценностный. Каждое из предложенных направлений по-своему характеризует сущность рассматриваемого явления, акцентируя внимание на структурных сдвигах в занятости населения, эволюции общественных институтов, изменении отношения общества к труду и т.д. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в углублении проблематики изучения трансформации трудовых отношений с позиции различных концепций.

В-третьих, в этой рубрике представлена работа под названием «Ноосферизм – новая система сохранения и развития человечества на Земле». Её автор – Субетто Александр Иванович – доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный

деятель науки Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации, вице-президент Петровской академии наук и искусств, президент Ноосферной общественной академии наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация). Читателям нашего журнала Александр Иванович хорошо известен как активный автор, последовательно развивающий свою ноосферную теорию [см., например: 2; 3; 4; 5;]. В его новой статье раскрывается сущность ноосферизма как категории, научно-мировоззренческой системы и как научной стратегии выхода человечества из экологического тупика стихийной истории – из состояния первой фазы глобальной экологической катастрофы. Показано, что человечество переживает эпоху великого эволюционного перелома как эпоху родов действительного, ноосферного разума и ноосферно-социалистического прорыва. XXI век станет веком победы ноосферизма как новой системы сохранения и развития человечества.

Затем Вашему вниманию в очередной раз представляется рубрика под названием «Конференция в ЯГТУ о цифровой экономике». В данном номере в этой рубрике мы знакомим Вас с двумя материалами. Во-первых, материал под названием «Цифровизация с низкого старта», который представила Булавко Ольга Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» (г. Самара, Российская Федерация). В тезисах её доклада выявлены инструменты инновационного развития. Они основаны на цифровых и информационных технологиях. Эти технологии позволяют сместить вектор ресурсного обеспечения в сторону высокотехнологичных отраслей. Автором рассмотрены различные подходы относительно определения «цифровая экономика». Показано, что при формировании элементов новой экономической политики прослеживается сильная взаимосвязь темпов экономического развития от доли в ВВП инвестиций в человеческий и основной капитал.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется работа под названием «Цифровая экономика: новый технологический уклад и смена парадигмы экономического развития». Её подготовили трое авторов из Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация): Соловых Надежда Николаевна, кандидат экономических наук, профессор; Королева Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, доцент и Стомпелева Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель. Актуальность тематики исследования, по их мнению, обусловлена тем, что в настоящее время вызывают большой интерес процессы, связанные с формированием и развитием цифровой экономики. Причем экономическая значимость цифровых технологий общепризнана, но её влияние на социально-экономическое развитие оценивается неоднозначно. Целью данного исследования является осмысление влияния цифровой экономики на реализацию экономических интересов субъектов экономики. С использованием аналитического метода, методов системного, сравнительного и ситуационного анализа в статье выделяются и анализируются основные социально-экономические противоречия, возникающие при реализации экономических интересов в условиях цифровой экономики, как на национальном, так и мировом уровнях хозяйственных систем. Делается вывод о том, что процессы формирования глобального цифрового пространства актуализируют вопросы международного сотрудничества, направленного на согласование действий по решению общих проблем в области цифровой экономики, а также на урегулирование имеющихся и потенциальных проблем социально-экономической дифференциации при развитии глобального информационного общества.

В следующей рубрике – «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект» – публикуется которая называется «Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики». Её автор – Матризаев Бахадыр Джуманиязович, кандидат экономических наук, доцент департамента «Экономическая теория» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», (г. Москва, Российская

Федерация). Общеизвестно, отмечает он, что политика в области науки, техники и инноваций (НТИ) формируется постоянными условиями, которые проистекают из исторического контекста. Два из них определяются как сосуществующие и доминирующие в современных дискуссиях по инновационной политике. Первый комплекс условий определяется как начавшийся после Второй мировой войны, с институционализации государственной поддержки науки и НИОКР с презумпцией того, что это будет способствовать росту и устранению рыночных сбоев в предоставлении новых знаний частным сектором. Второй комплекс условий возник в 1980-х годах в процессе мировой глобализации и последовательным смещением акцента на конкурентоспособности, которая формируется национальными системами инноваций для создания знаний и их коммерциализации. Политика в области НТИ сосредоточена на налаживании связей, кластеров и сетей, а также на стимулировании обмена опытом между элементами систем и создании благоприятных условий для предпринимательства. Третий комплекс условий связан с современными социальными и экологическими проблемами, такими, как цели устойчивого развития в новом тысячелетии и призывами к трансформационным изменениям, что определенно отличается от двух предыдущих. К трансформационным изменениям относятся изменения социально-технической системы согласно их концептуализации в литературе по устойчивому развитию. В данной работе исследуется природа этой третьей системы с целью выявления его ключевых особенностей и его потенциала для изучения двух предыдущих систем. При этом автор полагает, что все три системы актуальны для разработки эффективной инновационной политики, однако изучение вариантов трансформационной инновационной политики должно быть приоритетом.

Вторая статья этой рубрики называется «Особенности персонального бренда преподавателя вуза». В качестве её авторов выступает трое специалистов: во-первых, Сухов Владимир Дмитриевич, кандидат химических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», кафедра «Управление предприятием», (г. Ярославль, Российская Федерация); во-вторых, Сухов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, руководитель проекта Sukhov Group, официальный спикер Google, основатель агентства персонального интернет-маркетинга Halley, тоже из Ярославля; в-третьих, Киселев Александр Александрович, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление предприятием», ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». В их работе раскрыто понятие персонального бренда преподавателя. Показано, что персональный бренд дает возможность определять свои ценности и найти свое призвание в образовании. Наличие персонального бренда, утверждают авторы, позволит преподавателю взаимодействовать со своей целевой аудиторией и добиться, чтобы оно было эффективным, позволит преподавателю войти в систему современных маркетинговых технологий и коммуникаций, находить свои внутренние предпосылки и социальный капитал. Бренд преподавателя, убеждают авторы, позволит преподавателю более успешно заниматься своей профессиональной деятельностью, используя такие маркетинговые инструменты, как публикация статей, видеоконтакты, интернет-технологии, ведение блога.

Далее в этом номере следует рубрика «Творчество молодых исследователей». В ней Вашему вниманию представлена статья под названием «Анализ теоретических аспектов в подходах к пониманию понятия, сущности и структуры интеллектуального капитала». Её подготовила Никифорова Юлия Михайловна, аспирант кафедры «Экономики и управления предприятиями и производственными комплексами» СПбГЭУ («Санкт-Петербургского государственного экономического университета»). В данной статье рассмотрена значимость интеллектуального капитала (далее ИК) с точки зрения концепции управления стоимостью фирмы. Проанализированы теоретические аспекты в подходах к формулированию трактовок ИК, объяснению сущности и установлению его структурных элементов. Благодаря анализу раскрыта сущность ИК как ресурса, потенциала и результата, одновременно выступающих формациями производства и воспроизводства данного капитала. На каждой стадии

капиталу присущи свои отличительные признаки, для ИК – ресурса характерен факт наличия, для ИК – потенциала возможность получения полезного эффекта, а ИК – результат изображен в виде актива, наделенного стоимостью. Разобраны наиболее известные в научной литературе подходы к структуризации ИК и выявлены новые компоненты ИК: духовный капитал, социальный, культурно-нравственный и креативный капитал. В работе обсуждена структура ИК относительно объекта и целей исследования (типа компаний), а также определена важность управления ИК в данного рода фирмах. Предложена новая структура ИК в целях управления капиталом и увеличения стоимости компании, благодаря взаимосвязи составных компонентов человеческого (далее ЧК) и структурного (далее СК) капиталов. Конкретизированы элементы структуры ИК и выявлен в структурном капитале новый составной элемент – ценностный капитал, выраженный через ценности компании: миссию, цели, вид деятельности, продукцию, услуги, имидж, корпоративную культуру и т.д.

В рубрике «Рецензии, отклики» публикуется в этом номере два материала. Во-первых, работа под названием «Обзор книги Б.С. Сержи (B.S. Sergy) и У.А. Барнетта (W.A. Barnett) «Современные финансы и развитие Азиатско-Тихоокеанского региона» (“Asia-Pacific contemporary finance and development”). Её написала Позднякова Ульяна Александровна, кандидат экономических наук, директор АНО «Институт научных коммуникаций» (г. Волгоград, Российская Федерация). Здесь представлен обзор книги Б.С. Сержи (B.S. Sergi) и У.А. Барнетта (W.A. Barnett) «Современные финансы и развитие азиатско-тихоокеанского региона» (“Asia-pacific contemporary finance and development”). В 14 главах книги, авторами которых стали ведущие мировые ученые-эксперты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, раскрыты основные секреты экономического успеха стран данного региона. Отдельное внимание в книге уделено вопросам партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского с Россией. Предложены три наиболее перспективных направления партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского региона с Россией (на примере стран Центральной Азии и Китая): сбыт готовой азиатской продукции в России через систему электронной торговли, привлечение частных российских инвестиций в реализацию перспективных инновационных проектов в азиатских странах, а также налаживание транснационального сотрудничества предпринимательства. Обоснованы преимущества для обеих сторон партнерства, а также предложены авторские рекомендации для системной реализации данных направлений.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется работа под названием «Отзыв на статью А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы». Её написала Родина Галина Алексеевна, доктор экономических наук, профессор, (Ярославский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»), заместитель главного редактора нашего журнала. В её отзыве рассматривается статья А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы», напечатанная в журнале «Теоретическая экономика» № 3 (51) 2019 года. В ней А.А. Ананьев анализирует препятствия, мешающие поступательному развитию предприятий отечественного машиностроения в современных условиях хозяйствования. В рецензии даётся оценка основных положений и выводов статьи. При этом высказывается собственная авторская позиция рецензента по рассматриваемым проблемам.

Таково основное содержание материалов представленного номера. Как видите, в нем, действительно, представлены материалы, выступающие очередным шагом в разработке и развитии теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в экономических исследованиях, чем мы занимаемся вот уже девятый год, взаимодействуя с Вами, уважаемый читатель.

В заключение позвольте высказать традиционное для завершения рубрики главного редактора пожелание: Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альпидовская М.Л. В чем могла бы состоять смена модели российской экономики / М.Л. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 6. – С. 8-15. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>
2. Субетто А.И. Онтологическая ложь бытия капиталократии и её развенчание в XXI веке (что происходит с человечеством и Россией в начале XXI века) / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2015. – № 3. – С. 15-24. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>
3. Субетто А.И. Ноосферизм XXI века как диалектическое снятие марксизма-ленинизма XX века / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 6. – С. 12-26. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>
4. Субетто А.И. «Как не ломалась сталь» (автобиографическая исповедь настоящего коммуниста) / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2018. – № 1. – С. 128-137. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>
5. Субетто А.И. Великий эволюционный перелом – переход человечеством в эпоху ноосферной истории / А.И. Субетто // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. – № 2. – С. 14-21. [Электронный ресурс] – Режим доступа к журн. свободный: <http://theoreticaleconomy.ystu.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИУМА, ЕГО НАПРАВЛЕНИЕ

Вахрушева Наталья Андреевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»
кафедра Экономика и управление
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: ashatan1985@mail.ru

Корняков Василий Иванович

доктор экономических наук, профессор,
Ярославский филиал Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: vikorn1@rambler.ru

Альпидовская Марина Леонидовна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Департамента экономической теории
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: morskaya67@bk.ru

Аннотация: Человек, его разум и мозг, нерукотворная данность социума, производства, сфер воспроизводства, экономики – порождения и силы Природы. Очевидна полная зависимость жизни человека от естественных воды, воздуха, света, пищи. Авторы поясняют, что Природа увенчала всю свою значимость весьма действенными естественными непрерывно функционирующими механизмами сохранения и самосохранения всего живого и человечества (вовлекающих каждую живую особь и каждого человека). Причина современного кризиса этой системы, постарение населения развитых стран, экологическая катастрофа не заключается в «безразличии» Природы. Это сами люди действуют против себя, подавляют естественные механизмы своего благополучия и спасения, вынуждая Природу к отчаянным, разрушительным мерам самозащиты, восстановления разрушаемых естественных порядков.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, совокупный общественный продукт, Природа, производительность, подразделения общественного воспроизводства, инфляция, ресурсы.

JEL: J21, O14, O49

ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY, ITS DIRECTION

Vakhrusheva Natalia Andreevna
Candidate of Economic Sciences, Docent
Yaroslavl state technical university
Yaroslavl , Russian Federation

Kornyakov Vasily Ivanovic
Ph.D., Full Professor
Yaroslavl branch of the Leningrad state University named after A.S. Pushkin
Yaroslavl , Russian Federation

Alpidovskaya Marina Leonidovna
Ph.D., Full Professor
Professor of the Department of Economic Theory of the FSBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation»

Moscow, Russian Federation

Abstract: The person, his mind and a brain, not made by hand reality of society, production, spheres of reproduction, economy are generations and forces of nature. The complete dependence of human life from natural waters, air, light, food is obvious. Authors explain that the Nature topped all the importance with very effective natural continuously functioning mechanisms of preservation and self-preservation of all live and the mankind (involving each live individual and each person). The reason of modern crisis of this system, a snaseleniye of the developed countries, environmental disaster does not consist in «indifference» of the Nature. People act against themselves, suppress natural mechanisms of the wellbeing and rescue, compelling the Nature to desperate, destructive measures of self-defense, restoration of the destroyed natural orders.

Keywords: public reproduction, cumulative public product, Nature, productivity, divisions of public reproduction, inflation, resources.

О нейтральности и безразличии Природы. Человек и его органы, его разум и мозг, нерукотворная данность социума, производства, сфер воспроизводства, экономики – порождения и силы Природы. Всем очевидна полная зависимость жизни человека от естественных воды, воздуха, света, пищи. Хорошо известны и всем видимые, значимые воздействия на социум, людей погоды, климата, географической среды. Благодаря А.Л. Чижевскому и его последователям выявляется и невидимая судьбоносная роль солнечных циклов в генезисе человечества и даже в крупнейших, поворотных событиях его социальной истории. Но все эти факты как будто бы не затрагивают безусловной нейтральности Природы относительно повседневной сиюминутной жизни людей, их сообществ, стран. Если не учитывать погодных, климатических событий и процессов, землетрясений и т.п., то Природа явно, видимо в неё как будто не вмешивается. Всё решают правительства, сообщества людей и сами люди. Отсюда широко распространённый тезис о нейтральности, даже безразличии Природы относительно как индивидуального, так и общественного человека, к примеру: «Природа нейтральна. Для неё человеческая жизнь такая же по значению, как и существование блохи, цветка и микроба. Она вообще не оценивает и не наблюдает за тем, что творит, и что с нами всеми происходит. Она не может обладать никакими из человеческих качеств: она не мудрая, не внимательная, не справедливая... это все наше, человеческое, и только. Хотя, пожалуй, есть единственное «человеческое», которое к природе-таки применимо, — это абсолютное безразличие. Не более того» [19].

Полагаем, в этих достаточно широко распространённых идеях есть моменты истины, но в целом они несправедливы, не соответствуют действительности. И им противостоят не только строки поэзии («Не то, что мните вы, Природа, не слепок, не бездушный лик...»), но и немало фактов генезиса человека, человечества, а также фундаментальное открытие С.А. Подолинского в раскрытии П.Г. Кузнецова.

О фактах противоположного значения. Прежде всего это бесспорный факт общего генезиса нашей планеты к созданию разумной жизни, общественного человека. Несомненен «подвиг» Природы по нацеленному созданию, развитию жизни, её восхождению к человеческим мозгу, разуму с преодолением в «биографии» Земли ряда несовместимых с ними глобальных катастроф. Какие тут «нейтральность», «абсолютное безразличие», когда имела место длящаяся почти четыре миллиарда лет непрекращающаяся настоящая-напряжённая борьба природных сил за появление и утверждение homo sapiens и социума?

Природа увенчала свой успех весьма действенными естественными непрерывно функционирующими механизмами сохранения и самосохранения всего живого и человечества (вовлекающих каждую живую особь и каждого человека), которые, конечно, тоже не могут характеризоваться как «нейтральные». Современный кризис этой системы, постарение населения развитых стран, экологическая катастрофа – никак не от «безразличия» Природы. Это сами люди действуют против себя, подавляют естественные механизмы своего благополучия и спасения,

вынуждая Природу к отчаянным, разрушительным мерам самозащиты, восстановления разрушаемых естественных порядков.

В «нейтральных» обиходных отношениях встречаются естественные отношения и эффекты, не только лишённые «безразличия» (тем более «абсолютного»), но и самоочевидно выраженно защищающие, оберегающие, развивающие «человека разумного». Приведём примеры.

Надёжно установлен и хорошо известен факт, что в годы больших войн в воюющих странах рождаются преимущественно мальчишки. Есть несколько теорий, объясняющих этот феномен, но в любом случае невозможно отрицать участие Природы, которая, оказывается, и наблюдает, и оценивает, и даже по-своему вмешивается в то, что творится.

Или факты, относящиеся к гениям. Это признанный «дар небес». Они «вбрасываются» в социум, несомненно, Природой. Их появление, рождение чаще всего неожиданно, необъяснимо. Их мышление принципиально отличается даже от больших талантов, а их жизненный удел – фундаментальные открытия, становящиеся ступенями, вехами духовного и материального восхождения человечества. Причём их прославленные деяния совершаются скорее таинственно, чем соответственно предписаниям многочисленных методик: например, во сне, силами не столько сознания, сколько подсознания. Что это, как не специфический природный метод придания направления развитию социума? Никак не вмешивающийся в прозу обыденной жизни, и тем не менее меняющий её, но как? Только лишь расстилая перед её субъектами новых путей-дорог, по которым они уже сами, своими волей-разумом должны пойти. Становится видимой особая противоречивая целостность естественно-исторического процесса всего развития человечества, которую не назовёшь исчерпывающе исследованной. С одной стороны, Природа определяет человечеству все его пути-дороги, и иначе, нежели ими, человечество восходить не может. Протivoестественные действия губительны. Но, с другой стороны, в то же самое время человечество должно продвигаться вперёд только своими собственными усилиями и разумом, не рассчитывая на какую бы то ни было поддержку кого бы то ни было. Вполне очевидны и диалектический характер противоречия, и общий метод его положительного разрешения как истинного источника развития социума.

Общее впечатление таково, что, никак не нейтрально, действительно участвуя в обиходной повседневной жизни людей, де-факто управляя ей, Природа тем не менее этим участием обычно всё же не доходит, не «спускается» до конкретной человеческой личности, индивидуальности и имеет дело сразу с данным поколением людей. Одним из первых это с присущей ему глубиной и точностью зафиксировал А.С. Пушкин: «...На жизненных браздах Мгновенной жатвой Поколенья, По тайной воле провиденья, Восходят, зреют и падут; Другие им вослед идут». Да, так и происходит. Это Природа («провиденье») для чего-то (???«по тайной воле») и одаряет жизнью, и жёстко-беспощадно лишает её поколение за поколением. Поколение за поколением становится для Природы чем-то вроде выработанной пустой породы, и это несмотря на вкрапления алмазов Ньютонов и Пушкиных. Но почему же так? (Настоящая публикация – попытка ответов на встающие вопросы).

Основание для выводов. Основание для ответов (до сих пор недооцениваемое наукой) появилось почти 150 лет назад. В 1880 году С.А. Подолинский опубликовал свою работу «Труд человека и его отношение к распределению энергии» (положительно оценённую К. Марксом), обнародовавшую его фундаментальное открытие. Оно заключалось в доказательном, на основе бесспорных расчётов, фактических данных, обнаружении поразительного факта мощнейших естественных подпитки, «подкачки», природного умножения той самой физиологической энергии рабочей силы, с которой экономисты соотносили и соотносят материальную субстанцию стоимости. Оказалось, что в современном С.А. Подолинскому сельскохозяйственном производстве (его продукции) 96-98% той энергии, которая всегда соотносилась только с живым трудом, генетически-фактически ему не принадлежит, им не рождена, является прямым «вливанием» (благодаря фотосинтезу) сил Природы. Почему сельскохозяйственное производство, его живой человеческий труд, а потому и живой труд в

целом не растрчивают, а увеличивают энергетические ресурсы, которыми располагает человечество.

Открытие Подолинского явно лежит на магистрали уже упомянутого общего патроната Природы над развитием человека, социума. Оно проявляет, что Природа решающим образом вмешалась и повседневно вмешивается в генезис человека и человечества, создала, обеспечила им вырыв из почти нулевой производительности в производительность труда, позволившие ему существовать, развиваться как *homo sapiens* в реальном историко-экономическом социуме. Без этого участия Природы наша сегодняшняя производительность труда оказалась бы ничтожной, о современном социуме не могло бы быть и речи. И свой грант человечеству природа вот уже тысячи лет повторяет и даже наращивает повседневно-ежегодно. Но в то же время факт таков, что этой нашей нынешней, казалось бы, уже такой продвинутой Природой производительности всё ещё не хватает даже для более-менее нормального обеспечения многих стран и земной цивилизации в целом. Хотя жизненных средств на планете производится достаточно, почти половина её населения голодает или недоедает (ввиду невозможности их приобрести): цены слишком высоки, то есть производительность ещё недостаточна. К тому же развёртывается судьбоносный кризис человечества. Цивилизация задыхается от целого клубка глобальных проблем, действие которых смыкается вокруг неё во всё более обозначющуюся угрозу её приближающейся гибели.

Итак, надёжно устанавливаются как тысячелетиями длящаяся повседневная определяющая, решающая «накачка» Природой производительности труда, так и её незавершённость, недостаточность для нормального бытия социума. Это фактическое содержание эффекта Подолинского, можно сказать, материально обозначает его принадлежность более общему генеральному глобальному-космическому процессу, составной частью которого он является. Известный исследователь П.Г. Кузнецов, как нам представляется, научно и убедительно, в итоге многолетних размышлений определил этот генеральный процесс. В космической системе Солнце-Земля Природа для пока закрытых для нас целей создаёт универсальную, руководимую разумом космическую производительную силу живого человеческого труда, для чего на Земле и были ею созданы в качестве естественных сил разумная жизнь в социуме, экономика, общественное воспроизводство и т.д. В такой постановке становятся понятнее, обретают смысл и общая незавершённость эффекта Подолинского, и некоторые другие процессы, соотносимые с темой данной публикации.

Это, например, уже отмеченный подход «поколений» Природы к человечеству, людям. Конечно же, ей нет дела до индивидуальности. Но ей ой как нужна производительность всей массы работников и её непрерывная замена производительностью новой массы по мере истощения ресурса первой: безлично, беспощадно и функционально, прямо по А.С. Пушкину. «Нейтральность» Природы оказывается моментом её кровной заинтересованности в производительности всего живого человеческого труда.

Но особого внимания требует выявленная естественная необходимость, императивная неизбежность продолжения, усиления восхождения, дальнейшего взлёта производительности труда. Разум социума образован индивидуальностями, которые для Природы, мы видели, малозначащи. И Природа совсем не спешит вербально сообщать им о своих намерениях. Эффект Подолинского – не её откровение, а неожиданная находка энтузиаста. Выше уже говорилось о диалектическом противоречии развития социума: Природа полагает ему его единственно верные дороги, пути, но поколения движутся по ним только своими собственными усилиями. Всё вышесказанное приводит к убеждению, что эффект Подолинского – далеко не единственное, чем Природа движет, «подталкивает» человечество к своим космическим целям. Но чем ещё, – мы от неё никогда не услышим. И, несомненно, уже простёртые ею системные дороги нам надо искать самим.

Но к реформированию отечественной экономики данный методологический подход вот уже почти десятилетий не применяется. Начиная с «реформ Косыгина», идёт практически непрерывный поиск эмпирических улучшений в пробуксовывающем народном хозяйстве без

какой-либо сверки с логикой установлений Природы (об этом все эти годы вообще не было речи). И он, слепой поиск (де-факто методом проб и ошибок), мог бы одинаково безрезультатно идти ещё столько же, если бы не усугубляющаяся отчаянная ситуация безресурсья (ресурсов категорически недостаёт ни на повышение жизненного уровня народа, ни на инвестиции, ни на повышение производительности труда). Если бы он был ориентирован на поиск именно естественно-социальных структур инкубации производительности живого труда, итоги могли бы быть иными. Природа изощрена, её «заготовки» чаще всего неожиданны для людей, не предвидимы ими, поэтому людям лучше не пытаться обнаружить их тем или иным перебором вариантов. Вместо этого, им надо бы дотошно исследовать самые успешные из реальных, действительно происшедших процессов: а не раскрылись, не обнажились ли в них её тайны.

С этой стороны отечественная послевоенная экономическая история чрезвычайно благоприятна для исследований, поиска. Она образована пятнадцатилетним (1945-1960) триумфальным взлётом на вершину второй экономики планеты и мгновенно (по историческим меркам), сменившим его медленным последующим упорным-непрерывным сползанием с этой вершины, длящимся до настоящего времени. Сами факты, их конфигурация доказывают: 1) в пятидесятые действовали неповторимые мощные подъёмные силы, почему-то вдруг рывком раз и навсегда отставленные, отменённые и никогда не прибывающие в действии; 2) за шестьдесят последующих лет ни одна из реформаций (включая формационный переход) не могла сравниться по действенности, эффективности с экономическим инструментарием пятидесятых. Вывод: с большой вероятностью следует ожидать, что в «триумфальном» (Г. Ханин) подъёме пятидесятых (точнее, 1945-1960) годов действия социума вывели его как раз к естественно-социальным структурам, созданным Природой как дополнение и продолжение эффекта Подолинского, и социум (команда И.В. Сталина) действовал в основном соответственно логике этих структур.

О логике особого участия Природы в жизни социума, в повышении производительности труда. Действительно, в этом подъёме наш социум следовал уникальной, никогда более им не применённой впоследствии логике. Её исходным, главным и обобщающим мероприятием было снижение цен соответственно повышениям производительности труда (экономика снижающихся цен ЭСЦ). Сталинская ЭСЦ в экономической литературе рассматривается ограниченно, – только лишь как один из методов повышения благосостояния народа, то есть потребительно. А в действительности это решающий как раз производительный (не потребительский) выбор социума: снижение цен как денежное выражение уменьшения затрат – самое достоверно-надёжное удостоверение повышения производительности, и переход к ЭСЦ – постановка, поворот всей экономики под знамя её роста, поднятое и утверждённое И.В. Сталиным. Это есть полная согласованность действий общества с невидимым материальным природным наполнением и определённой самой Природой миссией производительности труда. Эта верховная акция пятидесятых – рост производительности и её отображение снижением цен – одновременно предпосылка и результат уникального механизма, соединённой (специфическим кругооборотом) «работы» трёх все хозяйственных естественно-социальных структур.

Первая структура – это сам непосредственный процесс производства с повышением производительности в облике снижения себестоимости, готовящей тем самым снижение цен. У нас эти показатели роста производительности – уменьшения себестоимости, цен – недооцениваются. Между тем снижение себестоимости – такой показатель роста производительности, который каждый работник видит и ощущает (причём во всей полноте его содержания) в самом себе, в жизнедеятельности своего организма, в его глубинах. Налицо уникальное прохождение (совмещённость, соединённость) запроса общества в личность работника, что принципиально облегчает его реализацию, – в сравнении, например, с показателем прибыли. Использованием этого показателя команда И.В. Сталина обеспечила советским заводам более высокие производительность и эффективность, нежели

та, что существовала на рубеже 60-х годов на европейских предприятиях. Но в пятидесятые годы возможности этого показателя всё же были использованы не в полной мере.

Показатель использовался без надлежащих премирования, вознаграждения за огромные успехи в его выполнении (были годы, когда в огромной стране на всём её протяжении себестоимость промышленной продукции уменьшалась на фантастические 5-6 процентов). Хотя Природа «заготовила» в этой структуре достаточный источник премирования: массу уменьшения себестоимости (динамическую ренту). Но требовалась неподъёмная для того времени масса расчётов, и команда Сталина всю динамическую ренту направляла на уменьшения розничных цен (вознаграждая ею всю страну), ничего не оставляя для премирования предприятий и работников. Думается, премирующий вариант применения данной структуры, ставший вполне реальным с успехами цифровизация экономики, был бы никак не менее успешным, чем «жесткий» сталинский.

Повышение производительности труда, «подкачанное» первой структурой, проходило (через понижения цен пятидесятых годов) во вторую, образованную уже не непосредственным процессом производства, а сферой общественного воспроизводства, ежегодными кругооборотами «производства средств производства для средств производства». Мы доказали (см., например [3]), что именно в ходе этих кругооборотов в структуре происходило обязательное, закономерное выведение (из её текущего производства) тех средств производства, которые обеспечивали занятость живого труда, сэкономленного повышением производительности на предприятиях первой структурой – кратное относительно высвобожденного живого труда (согласно органическому строению производства). Заново соединённые с высвобожденным живым трудом, они дополнительно (сверх уже достигнутого) умножали производительность. Действие этой структуры де-факто было обнаружено, признано важной основой хозяйствования, названо «экономией материальных затрат» (и под таким названием вошло в учебники того времени), и заявлено, наряду с ростом производительности труда, важнейшим интенсивным фактором роста национального дохода (сегодня его никто нигде не вспоминает).

Наконец, возросшая и умноженная производительность труда оказывалась в завершающей, третьей структуре, – воспроизводственной, как и вторая. Уменьшения цен, изменения значений воспроизводственной субстанции (в воспроизводственных совокупностях) влекут сдвиги в самой воспроизводственной структуре, в воспроизводственных пропорциях. В их числе – улучшение качества воспроизводственных пропорций: увеличение доли живого и сокращение доли овеществлённого труда, повышение эффективности производства (снижение его капиталоемкости и увеличение фондоотдачи). Эти изменения возвращались из второй и третьей структур обратно в первую. Её заводы оказывались в новых, более благоприятных условиях повышения производительности, получали возможность сохранения, даже наращивания высоких темпов роста производительности труда, направляя их опять во вторую и третью. И так все 15 лет: 1945-1960.

Но реализация этой логики этого уникального естественно-социального механизма требовала немалых, даже напряжённых усилий. И постсталинское руководство на рубеже шестидесятых годов вдруг по необъяснённым стране причинам тихохонько, без публикаций и обсуждений зашторенными административными решениями заменило ЭСЦ её противоположностью – проинфляционной экономикой. Рассмотренный выше механизм мгновенно как бы сгорел без следа, сменившись длительным сползанием к современному отсутствию ресурсов, к темпам роста производительности близким к нулю. Так что, участие Природы в повседневной жизни социума прекратилось?

Закончилось ли участие Природы в бытии социума? Конечно, нет. Сохраняется эффект Подолинского. Природа по-прежнему каждодневно обеспечивает само существование людей, социума, вливая в трудовую физиологическую энергию рабочей силы многократно превосходящую даровую невидимую естественную энергию, соединяя их. С этим никто ничего поделать не может. Трактовка этого факта очевидна: социум по-прежнему нужен Природе для реализации её целей. Но не по вине, не по инициативе Природы имело место постепенное ослабление, даже утрата

реального направленного движения экономики, открытого П.Г. Кузнецовым, хотя объективная, можно утверждать – императивная естественная установка на это движение, конечно, неизбежно сохранилась в виде незавершённости того же эффекта Подолинского.

Природа по-прежнему желает своих целей – космических высот производительности живого человеческого труда, но они достижимы лишь совершенно автономным самодействием её, Природы, социальных сил. Ею жёстко установлено, что образованный веществом и таинствами Природы разум может эффективно существовать и действовать как её, Природы, сила лишь полностью автономно-самостоятельно, даже находясь на её, Природы, субстанциональном «поводке» в её же, Природы, субстанциональных анфиладах людского бытия. Мудрая Природа сотворила этот порядок, конечно, не ради личностей людей, а опять же ради себя. Поскольку, чтобы разум и направляемая им производительная сила живого человеческого труда по максимуму, на пределе возможностей, наращивали творящие взаимодействия с миром, в который они волею Природы погружены, они вынуждены, они должны нерушимо руководствоваться знанием и пониманием российских ВДВ: «Никто кроме нас!» Только это создаёт ситуации отчаянных напряжения и опоры на собственные силы. И «безразличие» Природы, о котором сказано выше, оказывается...выражением и орудием её особо «кровной» заинтересованности в людях и их деятельности.

Стратегия Природы, по-видимому, здесь в том, чтобы, субстанционально (и незаметно!) наполнив производительность человеческого труда, дальнейшее её движение осуществлять автономной разумной деятельностью людей, определив и подготовив для них оптимальные способы инкубации роста производительности и «подбрасывая» их, людей, поколениям гениев (то есть запрограммировав фундаментальные открытия). Конечно, самодеятельность людей может выйти за пределы целевого промысла Природы, но не из её детерминанта. В РФ де-факто выбросили естественно-социальный механизм экономического подъёма 1945-1960 годов, но оказались опять же во власти сил Природы, только диаметрально противоположного окраса, вразумляющих («вечным кризисом», – термин современных СМИ) невольных отщепенцев: ну куда вас понесло... (подробнее об этих силах см. [1-5; 15-18]). Природа, конечно, победит и здесь: ведь диапазон её промысла измеряется поколениями (даже не одним-двумя), и обязательно придут достаточно зоркие руководители, которые смогут оценить, исправить сделанную в 1958 году ошибку.

Естественная дорога надёжного экономического успеха, став виртуальной, никуда не делась. И она непременно дожждётся своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н.А. Малый бизнес в системе общественного воспроизводства: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук – Ивановский государственный университет. – Иваново. 2012.
2. Алексеева Н.А. Возрастающее значение современного малого бизнеса в процессах осуществления общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2012. Т. 163. – С. 48 – 55.
3. Альпидовская М.А. Уроки истории: экономический подъём в послевоенные годы (1945–1960) / М.А. Альпидовская, Н.А. Вахрушева, В.И. Корняков // Ежемесячный научно-популярный и общественно-политический иллюстрированный журнал Энергия. – 2017. – № 5. С. 42-47.
4. Алексеева Н.А. О классическом уровне теории общественного воспроизводства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2011. – № 2 (17). – С. 8-17.
5. Алексеева Н.А. Дирижизм и воспроизводственный поворот / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Теоретическая экономика. – 2015. – № 1 (25). – С.24-35.

6. Алексеева, Н.А. Схемы, законы реализации: экономическая пластичность, более широкие действия и применения / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – № 7 (23). – 2014. – С. 33-45.
7. Алексеева Н.А. О тенденциях динамики органического строения капитала и производства / Н.А. Алексеева, В.И. Корняков // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. – 2012. – №3(19). – С. 12-24.
8. Алексеева Н.А. Совокупный общественный продукт как актуальная категория современной экономической науки / Н.А. Алексеева, Д.С. Вахрушев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. Т. 175. – С. 130.
9. Вахрушев Д.С. Теоретические аспекты процентной политики банка России в контексте проблематики взаимодействия государства и субъектов рынка / Д.С. Вахрушев // Теоретическая экономика. – 2012. – № 1 (7). – С. 32 – 37
10. Вахрушев Д.С. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов как путь устранения внутренних угроз экономической безопасности и совершенствования публичного управления / Д.С. Вахрушев, Е.В. Лаврова, С.А. Асриев // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. Т. 3. – № 2 (10). – С. 126 – 130.
11. Актуальные направления развития банковского дела: монография/колл. авторов; под ред. проф.Н.Э. Соколинской и доц.И.Е. Шакер-М.: РУСАЙНС. – 2016.
12. Вахрушев Д.С. Денежно-кредитное регулирование как элемент системы публичного управления в России: современные тенденции и противоречия / Д.С. Вахрушев, А.Е. Кальсин, А. Ю. Волков, О.Е. Полякова // Интернет-журнал Науковедение. – 2017. Т. 9.–№4. – С. 16.
13. Вахрушев Д.С. Сравнительный анализ кризисов 2008 и 2014 годов в контексте проблематики устойчивости отечественного рынка финансового капитала / Д.С. Вахрушев, Д.А. Терентьев // Интернет-журнал Науковедение. – 2015. Т. 7.– №3(28). – С. 11.
14. Вахрушев Д.С. Формирование адекватных институциональных условий деятельности венчурных фондов в стратегическом направлении развития инновационной деятельности в России / Д.С. Вахрушев, К.А. Кулебякин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 76-81.
15. Корняков В.И.Застраховаться от нео-неоиндустриализации / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. – 2013. – № 2 (86). – С. 121-126.
16. Корняков В.И. Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности российской экономики / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Философия хозяйства. – 2013. – № 2 (86). – С. 121 – 126.
17. Корняков В.И. Экономическое содержание объемных структур общественного воспроизводства / В.И. Корняков, Н.А. Алексеева // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. Т. 175. – С. 381.
18. Корняков В.И. Экономический подъем и стагнация как собственный выбор социума. Неизвестная роль инфляции /В.И. Корняков, Н.А. Вахрушева // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб.науч.тр./под ред. Б.Д. Бабаева, Е.Е. Николаевой. – № 13 (29). – 2017. – С. 44-59.
19. Степаненко Ю. Природа нейтральна. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://elvensoul.ru/o-neutralnosti-prirody/>].

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0010 «Институты воспроизводства человеческого капитала»

Попов Андрей Васильевич

кандидат экономических наук, доцент,
научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»,
г. Вологда, Российская Федерация.
E-mail: ai.porov@yahoo.com

Аннотация: В статье предпринята попытка обобщить подходы к изучению трансформации занятости как процесса глубоких (радикальных) преобразований социально-экономических отношений, приводящих к качественным изменениям сложившихся практик участия населения в общественно полезной деятельности. Для достижения поставленной цели в работе использованы традиционные общенаучные методы (анализ и синтез, сравнение и обобщение) с применением принципов системного и комплексного подходов. В ходе анализа зарубежных и отечественных источников было выделено 6 подходов к изучению трансформационных процессов в сфере занятости: системный, отраслевой, институциональный, организационно-правовой, компетентностный и мотивационно-ценностный. Каждое из предложенных направлений по-своему характеризует сущность рассматриваемого явления, акцентируя внимание на структурных сдвигах в занятости населения, эволюции общественных институтов, изменении отношения общества к труду и т.д. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в углублении проблематики изучения трансформации трудовых отношений с позиции различных концепций.

Ключевые слова: трансформация занятости; рынок труда; трудовые отношения; прекаризация; нестандартная занятость.

JEL: J20; E24

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF STUDYING THE PROCESS OF EMPLOYMENT TRANSFORMATION

Popov Andrei Vasilevich,
Candidate of Economic Sciences
Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences»
Vologda, Russian Federation

Abstract: The article seeks to summarize approaches to studying employment transformation as a process of profound changes of socio-economic relations leading to qualitative transformation in the existing practices of public participation in socially useful activities. In order to achieve the objective, the work was based on traditional general scientific methods (analysis and synthesis, comparison and synthesis) applying the principles of systemic and comprehensive approaches. During the analysis of foreign and domestic sources, the author identified 6 approaches to the study of transformational processes in the field of employment (systemic, sectoral, institutional, organizational-legal, competency-based and motivational-valued). Each of the proposed scientific movements in its own way characterizes the essence of the phenomenon focusing on the structural shifts in employment, evolution of social institutions, changes in the societal attitudes towards work, etc. Prospects for further research are to deepen the issues of studying the employment transformation from the perspective of various concepts.

Keywords: transformation of employment; labor market; labor relations; precarization; non-standard employment.

Введение

На протяжении многовековой истории человечества происходят постоянные изменения в различных областях жизнедеятельности, формирующие новый облик социума. В научной литературе

большую популярность получила концепция Э. Тоффлера, в соответствии с которой можно выделить три крупных стадии (волны) развития человечества: аграрная (доминировала с ок. 8000 гг. до н.э. по 1650-1750 гг. н.э.), индустриальная (до середины XX века) и постиндустриальная (в настоящее время) [1]. Каждый из обозначенных периодов характеризуется глубинными трансформациями в общественной жизни, которые принято связывать с сельскохозяйственной (первая волна), промышленной (вторая волна) и научно-технической (третья волна) революциями. О масштабах подобных изменений свидетельствуют фундаментальные сдвиги в экономике, социальной и духовной сферах, политике и т.д. В этом отношении менялось и отношение к труду как основе бытия человека.

В аграрном обществе большинство населения концентрировалось в сельском хозяйстве, где преобладали ручной труд и его естественная специализация, в результате чего полученная продукция преимущественно шла на собственное потребление. При этом занятость носила нерегулярный / сезонный характер и в основном осуществлялась в домохозяйствах, а сама работа воспринималась с позиции вынужденного зла [2, с. 6-8].

Переход к новому типу общества ознаменовался индустриализацией, в ходе которой бурное развитие получило промышленное производство, придя на смену аграрной экономике. Это привело к быстрой урбанизации и «перетоку» рабочей силы из сельской местности в города, из одних отраслей в другие. Распространение машинного производства способствовало резкому росту производительности труда, что позитивно сказалось на уровне и качестве жизни населения [3, с. 120]. Впоследствии и трудовая деятельность стала играть гораздо большую роль в жизни людей, нежели чем просто средство удовлетворения базовых человеческих потребностей. В то же время данный этап ассоциируется с закреплением такой социально-правовой нормы как «стандартная занятость», подразумевающей трудовые отношения на условиях полного рабочего дня с применением бессрочного трудового договора на предприятии или в организации, где руководство осуществляется непосредственно работодателем или назначенными им управленцами [4, с. 3-4].

Современный этап развития человечества во многом характеризуется неопределенностью в отношении перспектив сохранения привычной для прошлого периода модели занятости. Несмотря на то, что выпуск промышленной продукции в абсолютном выражении продолжает увеличиваться, численность занятых во вторичном секторе экономики постепенно сокращается, отдавая тем самым «пальму первенства» сфере услуг [5, с. 79-81]. Новые технологии (прежде всего, информационные) приводят к тому, что общество становится все более открытым: размываются границы между национальными и международными рынками труда, повышается трудовая мобильность населения, быстрыми темпами развиваются гибкие формы занятости (фриланс, телетруд, аутстаффинг и др.), происходит соединение трудовой и личной жизни [6] и т.д. Помимо этого, стремительная автоматизация производства приводит к качественным изменениям спроса на труд. Так, согласно расчетам К. Фрея и М.А. Осборна, около 47% занятых в США подвержены высокому риску безработицы, обусловленному «отмиранием» их профессий в ближайшие десятилетия [7, с. 268]. Прежде всего, это касается специалистов сферы транспорта и логистики, вспомогательного офисного и административного персонала, производственных работников. При этом многие эксперты склонны считать, что в новой социально-экономической парадигме данная проблема может быть решена посредством, например, введения безусловного базового дохода или упразднения наемного труда как такового [8]. С другой стороны, сам факт возникновения масштабной технологической безработицы в обозримом будущем ставится под сомнение и воспринимается не более чем просто теоретическое допущение [9].

Наблюдаемые в исторической ретроспективе и современных условиях трансформационные процессы в сфере занятости имеют важное значение для понимания их фундаментальной сущностной основы. Возникает закономерный вопрос: каким образом происходящие изменения затрагивают жизнедеятельность людей? Однозначной позиции в научной литературе на этот счет не сформировано. В этой связи в настоящем исследовании предпринята попытка обобщить подходы к изучению

трансформации занятости.

Основные результаты

В самом обобщенном виде под трансформацией занятости понимается процесс глубоких (радикальных) преобразований социально-экономических отношений, приводящий к качественным изменениям сложившихся практик участия населения в общественно полезной деятельности. Подобные фундаментальные сдвиги могут происходить как на глобальном уровне, затрагивая мировое сообщество в целом, так и на локальном. В частности, на рубеже XX-XXI веков в России началась трансформация трудовых отношений, обусловленная проведением в стране рыночных реформ [10, с. 28]. В этом случае можно говорить о революционном характере изменений, источником которых выступили действия органов власти. Напротив, эволюционный процесс связан с поступательным развитием человечества и переходом от одного типа общества к другому, в результате чего традиционная для этого времени модель занятости претерпевает необратимые трансформации [11, с. 125].

Важно понимать, что несмотря на важнейшее значение сферы занятости в жизни общества, ее состояние и развитие во многом определяется параметрами внешней среды. В некотором смысле, она выступает своеобразным отражением изменений в целостной социально-экономической системе. В связи с этим в научной литературе процесс трансформации трудовых отношений связывают с воздействием технологических, экономических, ценностных, культурных [12] и иных факторов, где главенствующая роль в большинстве своем отводится именно первой группе [13, с. 32; 14, с. 286-287; 15, с. 7]. Как правило, обоснование данной точки зрения кроется в определяющем влиянии результатов НТП на создание и ликвидацию рабочих мест в различных отраслях экономики, содержание и характер труда, качество человеческого капитала и т.д. Однако в зависимости от применяемого подхода к изучению трансформации занятости обозначенные акценты могут смениться в сторону других факторов. В ходе анализа научной литературы нами были выделены направления, получившие следующие условные названия: системный, отраслевой, институциональный, организационно-правовой, компетентностный и мотивационно-ценностный (табл. 1). Остановимся на каждом из них более подробно.

Системный подход к изучению трансформационных процессов в сфере занятости является наиболее комплексным по своей сущности. Он основан на интерпретации изменений с позиции крупных стадий человеческого развития и затрагивает максимально широкий спектр вопросов эволюции трудовых отношений (от базовых принципов взаимодействия между субъектами рынка труда до футурологических прогнозов будущего сферы занятости). В качестве методологической базы используются формационная (К. Маркс, Ф. Энгельс), цивилизационная (А. Тойнби, О.Шпенглер), волновая (Э. Тоффлер), постиндустриальная (Д. Белл) и другие концепции [12, с. 162]. В результате феномен трансформации занятости рассматривается в контексте фундаментальных сдвигов в экономике и обществе, что предполагает учет различных экстерналий во всем их многообразии. Например, если в рамках цивилизационной теории акцент делается, прежде всего, на последствиях социокультурной динамики, то в постиндустриальной – на изменениях социально-экономических условий хозяйствования.

Таблица 1 – Основные подходы к изучению трансформации занятости [составлено автором]

Название подхода	Сущность трансформации занятости
Системный	Комплексные изменения сферы занятости, протекающие в неразрывном единстве со стадиями общественного развития.
Отраслевой	Структурные сдвиги в занятости населения, представляющие «переток» рабочей силы из одних отраслей экономики в другие.

Институциональный	Эволюция общественных институтов (прежде всего, институтов рынка труда), приводящая к глубинным изменениям в характере трудовых отношений.
Организационно-правовой	Трансформация социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем.
Компетентностный	Изменение требований экономики к качественным характеристикам населения, способствующее преобразованию человеческого капитала.
Мотивационно-ценностный	Переосмысление места труда в жизни человека и общества, определяющее стратегии поведения населения на рынке труда.

В силу масштабности системного подхода большинство исследований либо носит общетеоретический характер, в которых отражены ретроспективные тенденции трансформации трудовых отношений, либо представляет собой преимущественно эмпирический анализ современной ситуации и перспектив развития сферы занятости. Для первого случая весьма показательной является работа П. Нолана и Г.Ленски, где раскрыты сущностные основы занятости в обществах различного типа с позиции социокультурной эволюции человечества [16]. Яркими примерами другой группы исследований могут быть различного рода отчеты, подготовленные международными организациями (МОТ, ВЭФ, ОЭСР и т.д.). Так в издании «The World Employment and Social Outlook: Trends 2018» [17], выпущенного под эгидой Международной организации труда, на основе данных статистики подробно раскрываются глобальные тренды в сфере занятости и обозначаются новые вызовы, с которыми ей придется столкнуться в будущем.

Одним из наиболее популярных направлений изучения процесса трансформации трудовых отношений может считаться отраслевой подход. Как следует из названия, основной акцент делается на структурных сдвигах в занятости населения, т.е. «перетоку» рабочей силы из одних отраслей народного хозяйства в другие. Чаще всего данные вопросы рассматриваются в контексте трехсторонней модели экономики, предложенной К. Кларком [18] и А. Фишером [19]. Она позволяет фиксировать глубинные изменения в сфере занятости посредством отслеживания динамики распределения работников между укрупненными секторами экономики: первичным (добыча сырья и сельское хозяйство), вторичным (промышленное производство и строительство) и третичным (сфера услуг). Как правило, доминирование той или иной группы отраслей дает основания предполагать о достижении определенной стадии общественного развития. При этом в научном сообществе отмечается, что по мере усложнения глобальной хозяйственной системы требуется более детализированная классификация видов экономической деятельности, которая могла бы использоваться для изучения трансформационных процессов. Так, М. Кастельс, подчеркивая неадекватность концепции секторальной экономики реалиям современности, предложил расширить представление о сфере услуг, дополнительно выделив следующие их подвиды: производственные (стратегическая поддержка функционирования новой экономики), социальные (содействие коллективному благополучию), распределительные (деятельность в области транспорта, связи, оптовой и розничной торговли) и бытовые (услуги, связанные с индивидуальным потреблением) [20, с. 221-223]. По мнению ученого, подобное разделение лучше характеризует изменения в постиндустриальном обществе, поскольку оно не является однородным по своей структуре.

Иной взгляд на изучение трансформации занятости представлен в рамках институционального подхода, в соответствии с которым данный процесс находит отражение в эволюции общественных институтов. Несмотря на их относительную устойчивость, изменение устоявшихся норм и правил оказывает заметное воздействие на характер трудовых отношений [14, с. 304; 21]. Как правило,

исследовательский фокус направлен на формальные институты рынка труда (минимальная заработная плата, профсоюзное движение, трудовое право, пособия по безработице и т.д.), конфигурация и развитие которых определяют качественные изменения в занятости населения [22, 23]. В частности, в настоящее время академическим сообществом активно изучается социальная концепция о безусловном базовом доходе и последствия ее повсеместной реализации для будущего сферы труда [24]. В качестве более «осязаемого» примера можно привести исследование Г. Бетчермана, в котором были проанализированы результаты более 150 работ о влиянии различных институтов рынка труда на уровень жизни (занятость и размер заработной платы), производительность труда и социальную сплоченность [25]. Наряду с этим в научной литературе встречаются отдельные публикации, посвященные роли традиционных институтов в развитии трудовых отношений. К их числу можно отнести работу О.В. Мраморновой, где на примере российского общества была обоснована высокая значимость обычного права, общинного землевладения, менталитета населения, государственности, внеэкономического принуждения к труду и религии [26, с. 60-61].

Организационно-правовой подход к изучению фундаментальных сдвигов в занятости населения основан на исследовании трансформации социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем, которые получили широкое распространение в контексте различных форм занятости. Как уже было сказано ранее, в настоящее время наблюдается отход от стандартной для индустриальных экономик XX века модели трудовых отношений, причинами которого являются, прежде всего, глобальные экономические (усиление конкуренции) и демографические (увеличение числа работающих женщин и пожилых людей) изменения, технологический прогресс, несовершенство трудового законодательства [27, с. 342]. Отличительной особенностью современности становится гибкость [28, с. 28], что находит отражение в развитии нестандартных форм занятости (неполная и временная занятость, контрактная и внештатная работа, самозанятость и т.д.), коренным образом преобразующих типичные трудовые отношения, делая их все менее устойчивыми [29, с. 9-10]. Востребованность и актуальность организационно-правового подхода подтверждается данными Международной организации труда, согласно которым прекаризация занятости представляет не меньшую угрозу чем безработица, поскольку затрагивает гораздо большее количество людей [30].

Трансформационные процессы в сфере занятости активно изучаются и с позиции компетентностного подхода. Это проявляется в большом количестве научных работ, посвященных исследованию изменений требований экономики к качественным характеристикам населения. Данные вопросы становятся все более актуальными в связи с ускорением общественного развития, когда одни новшества незамедлительно приходят на смену другим, нарушая привычный ритм жизни [31, с. 71-74]. Если еще в середине прошлого столетия основной акцент делался на профессиональных качествах работника, то в современных условиях хозяйствования наблюдается растущий спрос в отношении уровня цифровой грамотности, творческих способностей и некогнитивных навыков (самоконтроль, умение работать с людьми, настойчивость, открытость новым идеям и т.д.), а сам процесс обучения стал носить непрерывный характер [32]. Кроме того, все чаще высказывается тезис о переходе от знаниевой парадигмы к компетентностной модели профессиональной подготовки как попытки привести систему образования в соответствие с динамичными потребностями рынка труда [33, с. 145-147; 34, с. 45]. В этой связи динамика человеческого капитала выступает отражением фундаментальных сдвигов в занятости населения.

Большой интерес к изучению процесса трансформации занятости представляет мотивационно-ценностный подход, в основе которого лежит тезис об изменении отношения общества к труду, определяющему не только образовательные и профессиональные траектории, но и стратегии поведения населения в целом. Особую популярность данное направление научной мысли получило в работах отечественных ученых в связи с переходом России к рыночной экономике в конце XX

века [35]. Замена трудоцентристской идеологии «духом» капитализма способствовала активизации индивидуально и материально ориентированной мотивации, что вкупе с другими факторами привело к расширению диапазона трудовых возможностей (трудовой и профессиональной мобильности, предпринимательской активности и т.д.) [36]. При этом закрепление в общественном сознании инструментальной ценности труда на фоне неустойчивого социально-экономического положения страны нашло отражение как в развитии вторичной и неформальной занятости (как источников дополнительных доходов) [37, с. 15-18; 38], так и в секторальном перераспределении рабочей силы за счет привлекательности наиболее высокооплачиваемых отраслей экономики [39, с. 133]. С другой стороны, отличительной чертой того времени стало стремление к стабильной занятости, где не грозят увольнение и задержки выплаты заработной платы [40]. В результате неопределенность перспектив смещения старого и нового обусловили повышенное внимание к данному направлению.

В глобальном масштабе мотивационно-ценностный подход характеризует трансформацию занятости с точки зрения переосмысления места труда в жизни человека и общества. На сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить об изменении восприятия работы как способа удовлетворения базовых потребностей в форму самовыражения. Более того, сама трудовая деятельность становится более требовательной к креативным способностям населения [41, с. 48]. Все это приводит к падению интереса к традиционным для индустриальных экономик формам занятости и нетворческим профессиям в целом [42; 43, с. 1302].

Предложенный перечень подходов к изучению трансформации занятости сложно назвать исчерпывающим. С одной стороны, в научной литературе существуют исследования, в которых тематика трудовых отношений рассматриваются с позиции совсем иных концепций. Например, можно выделить работу Х. Бака, Э.Кистлера, Х.Г. Мендьюса, посвященную тенденциям демографического развития Германии, определяющим особенности и перспективы занятости [44]. Авторский подход безусловно мог бы использоваться для анализа трансформационных процессов, однако, по нашему мнению, он характеризует скорее отдельные изменения, а не фундаментальные сдвиги в целом. С другой стороны, нередкими являются случаи комбинирования различных научных течений с целью получения максимально полного представления об изучаемом вопросе (см. исследование Г.С. Лоу, сочетающее организационно-правовой и компетентностный подходы [45]). В настоящей же работе были затронуты только самостоятельные теории.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования обобщены существующие подходы к изучению трансформации занятости, каждый из которых по-своему характеризует сущность рассматриваемого явления. В рамках системного подхода делается акцент на комплексности изменений, которые протекают в неразрывной связи с процессом общественного развития. Отраслевой подход затрагивает вопросы, связанные со структурными сдвигами в занятости населения. В институциональном подходе трансформация занятости представлена в виде эволюции общественных институтов (прежде всего, институтов рынка труда). Организационно-правовой подход ставит во главу угла коренные изменения в социально-экономических отношениях по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем. Компетентностный подход обращает внимание на преобразовании человеческого капитала как реакции на сигналы со стороны экономики. В соответствии с мотивационно-ценностным подходом сущность трансформации занятости состоит в переосмыслении места труда в жизни человека и общества, что проявляется в определенных стратегиях поведения на рынке труда.

Несмотря на дискуссионность ряда положений, полученные результаты вносят вклад в развитие теоретических представлений о сущности процесса трансформации занятости с учетом многообразия аспектов его проявления. В свою очередь, выделение и обоснование подходов к его изучению позволит сформировать более четкое понимание о возможностях исследования данного явления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. Л.М. Бурмистрова, К.Л. Татарина, К.Ю. Бурмистров, З.А. Заритовская. – М.: АСТ, 2010. – 800 с.
2. Edgell S. The Sociology of Work: Continuity and Change in Paid and Unpaid Work. London: SAGE Publications Ltd, 2012. – 264 p.
3. Дорохова Н.В. Социально-экономические аспекты трансформации отношений в сфере труда и занятости // Дорохова Н.В. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2015. – № 4. – С. 119-122.
4. Гимпельсон В.Е. Нестандартная занятость и российский рынок труда. / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 36 с.
5. Родионова И.А. Трансформация труда и занятости в постиндустриальном обществе / И.А. Родионова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2007. – № 2. – С. 73-86.
6. Non-standard Employment Around the World: Understanding Challenges, Shaping Prospects. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326~2.pdf
7. Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How susceptible are jobs to computerisation? / C.B. Frey, M.A. Osborne // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – vol. 114. – pp. 254-280.
8. Daheim C., Wintermann O. 2050: The Future of Work. Findings of an International Delphi-Study of The Millennium Project. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/publications/publication/did/2050-the-future-of-work/>
9. Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 111-140.
10. Богдановский В.А. Российская модель трансформации занятости в переходной экономике / В.А. Богдановский // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2012. – № 3 (12). – С. 27-33.
11. Котляров И.Д. Трансформация занятости: как будет трудиться человек? // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: электронный сборник статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Полоцкого государственного университета – Новополоцк, 2018. – С. 122 – 127.
12. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу / Е.В. Нехода // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 160 – 166.
13. Gaile A., Sumilo E. The Global Perspective of Employment Relations Development: Organisational Structure and Environment, Individual Behaviour, Organisation-Individual Relationship and Career Attitudes. / A. Gaile, E. Sumilo // Economic Review. – 2016. – vol. 45. – pp. 31-44.
14. Schalk R. Changes in the Employment Relationship Across Time. In: Coyle-Shapiro J.A-M., Shore L.M., Taylor M.S., Tetrick L.E. (eds.). The Employment Relationship: Examining Psychological and Contextual Perspectives. Oxford, UK: Oxford University Press. – 2005. – pp. 284-344.
15. Ваховский Е.В. Трансформация занятости в условиях инновационного развития экономики: автореферат дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2016. – 29 с.
16. Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. New York: Oxford University Press. – 2014. – 480 p.
17. The World Employment and Social Outlook: Trends 2018. International Labour Office – Geneva: ILO. – 2018. – 82 p.
18. Clark C.A. The Conditions of Economic Progress. London: Macmillan, 1940. – 504 p.

19. Fisher A.G.B. Production, Primary, Secondary and Tertiary. *Economic Record*. –1939 – vol. 15 – pp. 24-38.
20. Castells M. *The Rise of the Network Society*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. – 1996. – 556 p.
21. *World Economic Outlook, April 2016: Too Slow for Too Long*. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2016/12/31/World-Economic-Outlook-April-2016-Too-Slow-for-Too-Long-43653>
22. Arrowsmith J., Pulignano V. *The Transformation of Employment Relations in Europe Institutions and Outcomes in the Age of Globalization*. London: Routledge. – 2013. –248 p.
23. Lehmann H., Muravyev A. *Labor Markets and Labor Market Institutions in Transition Economies*. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<http://ftp.iza.org/dp5905.pdf>
24. Harrop A., Tait C. *Universal Basic Income and the Future of Work*. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:<https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/UBI.pdf>
25. Betcherman G. *Labor Market Institutions: A Review of the Literature*. Background Paper for the World Development Report 2013. Available at: [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/12139>
26. Мраморнова О.В. Трансформация российских социально-трудовых институтов в процессе исторического развития / О.В. Мраморнова // *Труд и социальные отношения*. – 2014. – № 8. – С. 55-61.
27. Kalleberg A.L. *Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work*. *Annual Review of Sociology*. – 2000. – vol. 26. – pp. 341-365.
28. Тощенко Ж.Т. Новое явление в социальной структуре общества: прекариат / Ж.Т. Тощенко // *Общество и экономика*. – 2018. – № 11. – С. 25-45.
29. Cranford C.J., Vosko L.F., Zukewich N. *Precarious Employment in the Canadian Labor Market: a Statistical Portrait*. *Just Labour*. – 2003. – vol. 3. – pp. 6-22.
30. *From Precarious Work to Decent Work*. [Электронный ресурс] – Режим доступа. –URL:https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_dialogue/actrav/documents/_179787.pdf
31. Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press. – 2015. – 512 – p. (71-74)
32. Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех 2016 г. // UNESCO Digital Library. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_rus (дата обращения: 10.01.2019).
33. Компетентностный подход в образовательном процессе / А.Э. Федоров, С.Е. Метелев, А.А. Соловьев, Е.В. Шлякова. Омск: Изд-во ООО «Омскбланкиздат», 2012. – 210 с.
34. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. / К.А. Устинова, Е.С. Губанова, Г.В. Леонидова // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 195 с.
35. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990-2003гг.) / Г.П. Бессокирная, А.Л. Темницкий // Под общ. ред. В.А. Ядова. – М.: Реглант, 2004. – 174 с.
36. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание / В.С. Магун // *Мир России*. – 1998. – № 4. – С. 113-144.
37. Патрушев В.Д., Темницкий А.Л. Реальное поведение рабочих промышленности в сфере труда в период перехода к рыночным отношениям / В.Д. Патрушев. – М: Изд-во Института социологии РАН, 1995. – 68 с.
38. Барилко С.Г. Трансформация занятости в переходной экономике: дис. ... канд. экон. наук. – Краснодар, 2002. – 170 с.
39. Бессокирная Г.П., Попова И.М. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? (Методология изучения, результаты и перспективы исследований) / Г.П. Бессокирная, И.М. Попова //

- Мир России. – 2005. – № 4. – С. 105-137.
40. Озерникова Т.Г. Принуждение к труду в переходной экономике / Т.Г. Озерникова// Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С.100-110.
41. Хромов Н.И. Генезис концепции человеческого капитала / Н.И. Хромов// Управленец. – 2015. – № 3. – С. 46-51.
42. A Skilled Workforce for Strong, Sustainable and Balanced Growth. A G20 Training Strategy. [Электронный ресурс] – Режим доступа. –URL:<https://www.oecd.org/g20/summits/toronto/G20-Skills-Strategy.pdf>
43. Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. Quarterly Journal of Economic. – 2003. – vol. 118. – pp. 1279-1333.
44. Buck H., Kistler E., Mendius H.G. Demographic change in the world of work. Opportunities for an innovative approach to work – a German point of view. Stuttgart: Fraunhofer Verlag. – 2002. – 134 p.
45. Lowe G.S. Employment Relationships as the Centrepiece of a New Labour Policy Paradigm. Canadian Public Policy. – 2002. – vol. 28. – pp. 93-104.

НООСФЕРИЗМ – НОВАЯ СИСТЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА ЗЕМЛЕ

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор,
Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена,
вице-президент Петровской академии наук и искусств,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: subal1937@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрывается сущность ноосферизма как категории, научно-мировоззренческой системы и как научной стратегии выхода человечества из экологического тупика стихийной истории – из состояния первой фазы глобальной экологической катастрофы. Показано, что человечество переживает эпоху великого эволюционного перелома как эпоху родов действительного, ноосферного разума и ноосферно-социалистического прорыва. XXI век станет веком победы ноосферизма как новой системы сохранения и развития человечества.

Ключевые слова: ноосферизм, человек, человечество, капитализм, социализм, рынок, экология, эволюция, прогресс, эпоха, кризис, катастрофа, ноосфера, гармония, система, управление, разум, интеллект, наука, образование, космос, вселенная, биосфера, прорыв, общество, закон, жизнь, императив, основание, предпосылка.

JEL: A13; E61

NOOSFERISM - THE NEW SYSTEM OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF HUMANITY ON EARTH

Alexander Ivanovich Subetto

Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Vice President of the Peter Academy of Sciences and Arts, President of the Noosphere Public Academy of Sciences, Professor of the Russian State Pedagogical University them. A.I. Herzen
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract: The article reveals the essence of noosphericism as a category, scientific and ideological system and as a scientific strategy for mankind's exit from the ecological dead end of spontaneous history - from the state of the first phase of a global ecological catastrophe. It is shown that humanity is experiencing an era of great evolutionary change as the era of the birth of the real, noospheric mind and the noosphere-socialist breakthrough. The 21st century will be the century of the victory of noospherism as a new system for the preservation and development of mankind.

Keywords: noosphereism, man, humanity, capitalism, socialism, market, ecology, evolution, progress, epoch, crisis, catastrophe, noosphere, harmony, system, management, mind, intelligence, science, education, space, universe, biosphere breakthrough, society, law, life, imperative, foundation, premise.

1. Ноосферизм как категория, как теоретическая, научно-мировоззренческая система и стратегия будущего развития человечества на Земле

«Ноосферизм» как категория (термин был впервые введен автором в научный оборот в 1997 году) и теоретическая, научно-мировоззренческая система, одновременно – как новая парадигма стратегии развития человечества, разрабатывается автором уже более 20 лет и представлена в целой серии монографий, научных докладов, научно-философских эссе и статей [1 – 57 и др.].

В монографии «Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм» (2001) [1, с. 8, 10] ноосферизм определялся как теоретическая система, соединяющая в себе учение о ноосфере В.И.Вернадского

и учение о социализме и коммунизме, представленное в теоретической системе марксизма-ленинизма, синтезирующая философско-научные, социологические, научно-экономические взгляды и раскрывающая законы и закономерности, принципы и императивы становления социоприродной гармонии на базе общественного интеллекта и образовательного общества (в более поздних работах автор концепцию образовательного общества преобразовал в концепцию научно-образовательного общества, в котором образование обретает социально-экономический статус «базис базиса» духовного и материального воспроизводства, а наука становится не только производительной силой, но «силой» управления социоприродной эволюцией [15, 22, 23, 29, 31, 42 - 57]).

Ноосферизм, при этом, определяет будущее развитие человечества как Тотальную Неклассичность бытия человека на Земле, которая есть не только констатация по поводу расширенного перечня принципов Дополнения (Дополнительности) Антропных принципов, но и констатация действия Принципа Управляемости Социоприродной Эволюцией, который кардинально меняет и качество самой Истории, и качество будущего человека, которые можно охарактеризовать как: «Ноосферная история», «Ноосферный Человек» и «Ноосферный Разум».

«Ноосферизм – это не только теоретическая система, комплекс наук и теорий, – указывалось в «Ноосферизме» в 2001 году, – но и особый тип бытия человечества, новая парадигма Истории – Неклассической, Управляемой Истории, но в форме, управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества. Ноосферизм и есть эпоха Кооперации или, по Ефремову, (комментарий авт.: имеется в виду – ученый и писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов, С.А.) – «Эпоха встретившихся рук» [1, с. 10].

Ноосферизм как теоретическая система, как меганаука и одновременно как новый путь развития человечества, или новый – ноосферный – тип истории, которого человечество не знало, резко отличается от учения о ноосфере В.И.Вернадского, неся на себе печать качественного отличия самой исторической эпохи, в которой он появляется, от той эпохи, в которой жил и творил русский ноосферный гений Владимир Иванович Вернадский (1863 – 1945гг.). Это отличие состоит в том, что на рубеже 1980-х – 90-х годов глобальный экологический кризис перешёл, по автору [1], в состояние первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, обозначившей собою наступившие Экологические Пределы всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле, строю мировой финансовой капиталократии и наступившую Эпоху Великого Эволюционного Перелома [1, 5, 9, 11 – 16, 19, 27, 30], как эпоху перехода к Ноосферному Экологическому Социализму и соответственно к управляемой истории (о которой писал К.Маркс как о «подлинной истории» и связывал её с коммунизмом), но в новом, невиданном качестве – и это надо осознать – в качестве управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества.

Можно Ноосферизм определить и так:

- Ноосферизм – это новая система сохранения и развития человечества, к которой оно должно перейти, поскольку предьявленный Биосферой и планетой Земля как суперорганизмами императив в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы есть императив выживаемости человечества. Он отражает собой тот факт, что «предыстория» человечества и его бытийствование в форме «предысторического разума» закончились, наступили Роды Действительного Разума – Действительного Человечества соответственно – как Ноосферного Разума и Ноосферного Человечества [1, 3 – 6, 9, 13 – 15, 18, 19 – 28, 32, 34 - 37].

И с позиции этого императива и ноосферного мировоззрения возникнет необходимость глубокой революции, меняющей все фундаментальные понятия и представления во взгляде на предназначение человека, на законы прогрессивной Эволюции во Вселенной и Солнечной системе, эволюции всей Мегасистемы жизни на Земле – Биосферы, приведшими к появлению Человеческого Разума на Земле не случайно.

Ноосферизм как меганаука, или, в другой интерпретации, – теоретическая мегасистема, – определяющая систему положений, законов, закономерностей, императивов ноосферной парадигмы новой, будущей истории, выходящей за пределы своей социальной автономности, за пределы оснований Внутренней Логике Социального Развития – ВЛСР (и об этом возвестил сам факт появления к концу XX века первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы) и приобретающей форму управляемой социоприродной эволюции, осуществляющейся уже в «пространстве» действия Большой Логике Социоприродной Эволюции – БЛСЭ,

появляется как результат научного синтеза на 3-м цикле развития Ноосферной научной школы в России [41, с. 36 - 51], когда явно проявился, под воздействием катастрофического развития глобального экологического кризиса, императив выживаемости человечества (и России – в его составе) в форме единства ноосферного и социалистического императивов [58, с. 73].

В определенной степени можно ставить вопрос о развивающейся российской научной школе Ноосферизма, представляемой целой серией коллективных монографий [43 – 55, 59 - 63] и объединяющей собой большой коллектив не только российских ученых, но и ученых из Беларуси, Украины, Болгарии, Шри-Ланки и других стран [33, 34, 38, 41 – 55, 59 - 63]: Э.В. Баркова, Б.Е. Большаков, В.Н. Бобков, С.К. Булдаков, В.Н. Василенко, Л.Д. Гагут, Л.С. Гордина, А.А. Горбунов, С.И. Григорьев, Т.К. Донская, Н.И. Захаров, Л.А. Зеленов, Г.М. Иманов, И.В. Каткова, А.В. Куманова, О.Л. Краева, В.В. Лукоянов, Н.Н. Лукьянчиков, Е.М. Лысенко, Е.Е. Морозова, Т.А. Молодиченко, М.Н. Миловзорова, Д.Е. Муза, П.Г. Никитенко, В.И. Оноприенко, А.Ж. Овчинникова, В.Т. Пуляев, В.И. Патрушев, Н.В. Петров, О.А. Рагимова, В.Б. Самсонов, Ю.Е. Суслов, Л.Г. Татарникова, В.Ю. Татур, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, В.А. Чумаков, В.А. Шамахов, Дж.П. Шанти и другие.

Каковы главные предпосылки и основания Ноосферизма XXI века, исходя из его генезиса в XX веке? – Так автор поставил вопрос в работе «Ноосферизм – научно-мировоззренческая система и новая парадигма истории» [34, с. 43] и отвечал на него в виде формулировки следующих 3-х главных положений [34, с. 43, 44]:

Первая предпосылка и основание одновременно – это, конечно, учение о Биосфере и Ноосфере В.И. Вернадского, в целом – «всё творческое наследие этого великого ученого-энциклопедиста мирового масштаба».

Необходимо сразу отметить тот раскол в подходе к определению самой категории ноосферы, который наметился сразу же с момента появления термина «ноосфера».

Если французский ученый Леруа, и вслед за ним французский ученый-археолог и одновременно католический теолог Пьер Тейяр де Шарден трактовали ноосферу как «сферу разума» (разумную оболочку Земли, представленную разумным человечеством), то у В.И. Вернадского ноосфера есть новое состояние всей Биосферы, в которой научная мысль как планетарное явление становится фактором глобальной эволюции Биосферы (вследствие воздействия «энергии культуры» на живое вещество Биосферы), сопоставимым по воздействию с другими геологическими факторами эволюции.

Приведем ряд определений ноосферы – прямых или опосредованных – из работ В.И. Вернадского:

- «Цивилизация культурного человечества» – поскольку она является формой организации новой геологической силы, создавшейся в биосфере, ...это есть больше природное явление, отвечающее исторически, вернее – геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было» [64, с. 40] (выдел. авт., С.А.).

- «...за последние 10 – 20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создаёт в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую, биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу – перерабатывается научной мыслью социального человечества» [64, с. 24] (выдел. авт., С.А.);

- «...научные дисциплины о строении научного орудия познания неразрывно связаны с биосферой, могут быть научно рассматриваемы как геологический фактор, как проявление её организованности. Это науки «о духовном» творчестве человеческой личности в её социальной обстановке, науки о мозге и органах чувств, проблемах психологии или логики. Они обуславливают искание основных законов человеческого научного познания, той силы, которая превратила в нашу геологическую эпоху, охваченную человеком биосферу в естественное тело, новое по своим геологическим и биологическим процессам, в ноосферу...» [65, с. 130] (выдел. авт., С.А.);

- «...новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создаёт в настоящее время ноосферу» [65, с. 132] (выдел. авт., С.А.).

В 2013 году по инициативе А.А. Горбунова, как проректора по науке и международной деятельности Смольного института РАО, и А.И. Субетто, автора этой статьи, как президента Ноосферной общественной академии наук, был зарегистрирован Европейской академией естественных наук (ЕАЕН), Международной академией ЕАЕН по научным открытиям, Европейским научным обществом научное открытие «ЗАКОН НООСФЕРЫ В.И.ВЕРНАДСКОГО» (приоритет открытия 1944 года по публикации статьи В.И. Вернадского «Несколько слов о ноосфере», опубликованной в журнале «Успехи современной биологии», 1944 год, №18, вып. 2, с.: 113 – 120; Регистр. №01-2013) со следующей «формулой открытия»:

«Установление закона превращения биосферы на современном уровне развития человеческой цивилизации в ноосферу, т.е. сферу, где разум человека начинает выполнять функцию одного из регуляционных механизмов ноосферы как системы «человек-природа».

Открытие закреплено за Владимиром Ивановичем Вернадским посмертно.

Особенность переживаемого этапа перехода Биосферы в Ноосферу, как автор указывал выше, состоит в том, что в середине XX века человечество в единстве со сложившейся рыночно-капиталистической системой хозяйственного природопотребления во взаимодействии с Биосферой Земли вошло в состояние глобального экологического кризиса, а к концу XX века этот кризис перешел, по автору, в состояние первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Если процессы первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы не будут нейтрализованы на основе перехода к взаимодействию человечества и Биосферы – на основе Закона Биосферной – Ноосферной – Гармонии [26], когда коллективный Разум Человечества (на основе планетарной кооперации народов-этносов [21]) начинает управлять социоприродной эволюцией, соблюдая требования «законов-ограничений» гомеостатических механизмов Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов, (законы Бауэра-Вернадского-Чижевского [1, 3, 5, 9, 13, 18]), на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма [1 – 4, 10, 15, 16, 19, 20, 25, 30, 32, 35, 37, 38], то человечество ждет неотвратимо экологическая гибель, и ожидаемый переход Биосферы в Ноосферу не состоится именно вследствие антиноосферной сущности всей рыночно-капиталистической системы на Земле [2, 11 – 15, 19, 20, 22, 24 – 28, 30, 35 – 39, 42, 58 – 62, 80 - 82].

В монографии «Ноосферизм», опубликованной в 2001 году, 18 лет назад, в разделе «Антиноосферизм финансово-капиталистической глобализации по мондиалистскому сценарию» автор указывал (и одновременно предупреждал) [1, с. 363]:

«Капиталистическая глобализация в... своём фетишном качестве противостоит логике становления ноосферы, она её отрицает. Она, противостоя человеку, его жизни, противостоит человеческому разуму, общественному интеллекту...

Монетарно-финансовая мировая капиталократия начинает жить своей финансово-отчужденной жизнью, символизируя собой власть мирового финансового капитала над миром, над экономиками национальных государств, над правительствами национальных государств. В контексте противостояния капитализма и социализма в форме противостояние двух Глобальных Революций –

Капиталистической Революции Запада и Социалистической Революции Востока, приобретает черты глобального противоречия между Капиталом – и Трудом, или глобальным Капиталом и глобальным человеком (человечеством), что одно и то же. Это противоречие перестаёт быть политэкономическим, общественным (хотя им и остаётся), а приобретает характер глобального противоречия ноосферного становления человечества, глобального противоречия его исторического освобождения в XXI веке».

Вот почему императив выживаемости человечества в механизмах своей реализации в XXI веке есть синтез двух императивов – ноосферного и социалистического, на что автор впервые указал в работе «Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем, качества общественного интеллекта – социалистический императив» [58] в 1990 году. Именно поэтому категория ноосферы в теоретической системе Ноосферизма получает свое развитие (по отношению к учению о ноосфере В.И. Вернадского [63, 64]), жестко увязываясь с императивом перехода к управлению социоприродной эволюцией на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма, как единственной модели устойчивого развития человечества в Будущем [13 – 15, 19 – 25, 27 – 32, 34 – 38, 60]:

- Ноосфера есть новое качество Биосферы, в котором Человеческий Разум (общественный интеллект) – коллективный Разум человечества на базе планетарной кооперации народов-этносов, исполнения требований Закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе и Закона опережения Человеческим Прогрессом научно-технического прогресса [65], – «встраивается» в гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля, как суперорганизмов, и начинает управлять социоприродной (или Социо-Биосферной) – ноосферной – эволюцией, соблюдая «законы-ограничения», отражающие действие этих гомеостатических механизмов.

Ноосфера в будущей своей эволюционно-прогрессивной динамике – и есть управляемая эволюция Биосферы в качестве Ноосферы, в которой Разум Человечества поднимается на «духовную высоту» Ответственности за Будущее не только жизни человечества, а именно за Будущее всей мегасистемы Жизни на Земле, сохранения её разнообразия, т.е. на «духовную высоту» Управляющего Ноосферного Разума [77].

Вторая предпосылка и основание одновременно – это Эпоха Русского Возрождения, которая началась, на почве Русского Космизма, в XVIII веке с Петра Великого и М.В. Ломоносова. В книге-обобщении «Эпоха Русского Возрождения в персоналиях», опубликованной в 2008 году, автор писал [66, с. 18, 19, 23]:

«...в Истории человечества есть ещё одна «Эпоха Возрождения», противостоящая по своей ценностной базе Эпохе Западноевропейского Возрождения, – Эпоха Русского Возрождения, которую я считаю возможным назвать Эпохой Великого Русского Возрождения...

Эпоха Русского Возрождения устремляется к раскрытию «космической телесности» человека, к его Ответственности за всё сущее на Земле, к всемирности и всечеловечности, о которых, как о качестве русского человека, говорил Ф.М. Достоевский...

Эпоха Русского Возрождения в начале XXI века предстаёт как Предтеча эпохи Ноосферного Прорыва России и человечества в XXI веке.

На фоне первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы и соответственно действующего императива выживаемости человечества в XXI веке ноосферно-космическая устремленность совокупного интеллекта (совокупного разума) российской цивилизации, как цивилизации «всечеловеческой», обретает форму Ноосферизма –

- и как ноосферно-ориентированного синтеза наук,
- и как желаемого состояния системы «Человечество – Биосфера – Земля» в виде управляемой

социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества или, что то же самое, – Ноосферного Экологического Духовного Социализма» (выдел. авт., С.А.).

Эпоха Русского Возрождения прошла в своём развитии, в оценке автора [66], три цикла: «петровско-ломоносовский» или «романтический» (XVIII век и начало XIX века), «пушкинский» или «универсалистский» (XIX век и начало XX века) и «вернадскианский» или «ноосферно-космический» (начало XX века и по настоящее время, этот цикл продолжается – и по прогнозу автора должен завершиться победой Ноосферного Прорыва человечества из России [13, 14, 19, 25 – 27, 43, 66 - 68]).

Третья предпосылка и основание – это системогенетика, квалитология, учения об общественном интеллекте и научно-образовательном обществе, новая парадигма синтетического ноосферного эволюционизма, философия истории человечества и философия истории России, исходящие из теоретической концепции (также разработанной автором), раскрывающей диалектику Внутренней Логике Социального Развития (ВЛСР) и Большой Логике Социоприродной Эволюции (БЛСЭ) [34, с. 44].

В статье «Ноосферизм – новая научно-мировоззренческая система и новая парадигма истории» (2017) автором указывалось [34, с. 44]:

«Главное положение состоит в том, что Ноосферизм рождается в Эпоху Великого Эволюционного Перелома на рубеже XX и XXI веков, когда уже Природой, Космосом поставлен вопрос о том, что человечество не может жить «по-старому» на планете Земля.

Наступил Конец Стихийной, рыночно-капиталистической истории и начинается Эра Ноосферизма или, что то же самое, Ноосферного Духовного Экологического Социализма.

Наступили «Роды» истинного, действительного человеческого Разума – Разума-для-Биосферы, Земли, Космоса, т.е. Ноосферного Человека и Ноосферного Разума.

Или это произойдет в ближайшем будущем, или нас, т.е. человечества, на Земле не будет. Космос нас уберёт как неудачное «пробное существо (о человеке как «пробном существе» сказал Ф.М. Достоевский), претендовавшее на разумность».

Итак, Ноосферизм есть, с одной стороны, новый путь развития человечества [1 – 5, 9, 11 – 15, 19, 21, 25 – 28, 30 – 38, 43 – 47, 56 – 59, 62, 65 - 68], а, с другой стороны, – новая научно-мировоззренческая система, теоретическая база становления ноосферной меганауки, ноосферного образования, ноосферного общественного интеллекта, ноосферного технологического базиса и ноосферной экономики, [1, 3, 6 – 10, 13 – 15, 18, 23, 25, 27, 29, 31 – 34, 37, 39 – 41, 44 – 55, 59, 61, 63, 66 - 68].

В 2017 – 2018 года появилась целая серия научных своеобразных «деклараций», «предупреждений», фактически информирующих ученых, политические элиты и в целом человечество о том, что «Старый Мир обречён. Новый Мир неизбежен». Именно с таким вердиктом в конце 2017-го года был опубликован юбилейный доклад Римского Клуба «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», посвященный 50-летию существования этого международного – своеобразной организации клуба взаимодействия ученых (1967 – 2017), написанный современными руководителями этого клуба – Е. Вейцеккером и А. Викманом [69]. В докладе указывается, что планета деградирует, спекулятивный капитал торжествует, что переживаемый человечеством кризис не является «циклическим» и что он усиливается, и отражает не только кризис «природы вокруг нас», но и целый комплекс кризисов – социального, политического, культурного, морального кризисов, кризисов «демократии, идеологии и капиталистической системы».

Автор считает, что этот доклад только подтверждает его теоретико-аналитические выводы, опубликованные им почти 30 лет назад, в том числе – и в «Ноосферизме» в 2001 году и в других работах [1, 2, 5, 11, 12, 22, 24, 25, 27, 33, 35, 36 и др.], в которых он впервые научно доказал, что

глобальный экологический кризис, возникший в 50-х – 60-х годах XX века, на рубеже 80-х – 90-х годов перешел в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, возвестившей:

- с одной стороны, что рыночная-капиталистическая система не может больше служить основой развития человечества на Земле, что она превратилась в «экологический труп» и одновременно в «экологического могильщика человечества» [15],

- а, с другой стороны, что стратегия спасения человечества от экологической гибели – неизбежной на рыночно-капиталистическом пути (даже возможной до середины XXI века) – есть стратегия перехода человечества и России к социальной организации жизни человека и общества, к их восходящему (по качеству жизни) воспроизводству, а также к организации хозяйственно-технологического взаимодействия с Биосферой, в форме Ноосферизма или Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

Вторым предупреждающим человечество документом в 2017 году стало «Предупреждение ученых мира человечеству: второе уведомление», написанное командой ученых под руководством Уильяма Риппла, профессора из университета Штата Орегон в США, и подписанное более чем 15000 ученых из 184 стран мира [70, 71]. В нем указывается, что «человечество продолжает рисковать своим будущим», приводятся данные ухудшения экологических параметров в системе Биосферы Земли по вине миро-хозяйственного природопотребления за 25 лет (1992 – 2017) – сокращения объема пресной воды на душу населения на 26%, увеличения числа «мертвых зон» в мировом океане на 75%, сокращение площадей, поросших лесом, на 1,2 миллиона квадратных километров, сокращение численности млекопитающих, рептилий, амфибий и рыб на 29% и т.п.

В статье Е. Лариной и В. Овчинского «Климат – судный день?», опубликованной в январе уже этого 2019 года, фактически приводятся оценки разворачивающейся климатической катастрофы, с опорой на аналитические данные опубликованные в 2018 году в докладе НАСА, оценки Всемирного Банка [72]:

- «Полярные области теряют свои запасы льда в четыре раза быстрее, чем в 2000г.»; это привело к тому, что, например, из региона «земли Франца Иосифа» выбрасывается в Атлантический океан 4,4 млрд. тонн (в 2 раза больше, чем в 2000г.) холодной воды в год (в 2 раза больше по объему горы Эверест, это может привести к резкому повороту теплого течения Гольфстрима от британских островов к западным берегам Африки с наступлением резкого похолодания на территории Европы; и если эти темпы таяния полярных льдов сохраняются на протяжении ближайших 15 лет (2019 – 2034гг.), то «не позднее 2035 года произойдет скачкообразное повышение уровня мирового океана» и в зоне затопления окажутся почти все «мегаполисы в США, Западной Европы, Евразии, Средиземноморья, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки», – те мегаполисы, которые «построены на берегу морей или океанов», т.е. в зоне затопления окажется население «от 700 млн. до 1 млрд. человек»;

- резко усилится частота засух, лесных пожаров, ураганов и торнадо;

- произойдет «стремительное похолодание, которое превратит климат Франции, Италии, Германии в подобие нынешнего российского климата, а для Восточной Европы – уничтожение растительности в результате экстремальных погодных условий»;

- ожидается, что «не позднее чем через 10 лет, т.е. в 2029 году, такие города, как Карачи и Калькутта, Бомбей и Дакка, Лагос и Шеньчжень и др., станут практически непригодными для проживания»; «сочетание высокой влажности и всё возрастающей жары, по сути, не позволит людям находиться в этих агломерациях на улицах в дневное время, и вынудят переселиться в территории с более умеренным климатом».

Но в каждом из этих документов, которые признают де-факто, что первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, в диагностике переживаемой исторической эпохи, по автору [1], состоялась, – и её процессы развиваются и могут синергетически так «сработать», что человечество перейдет уже точку невозврата на пути к экологической гибели в период между 2030 и 2050-м

годами, – нет понимания того, что главная причина движения человечества к экологической гибели – рыночно-капиталистическая система, система частной собственности на средства производства (и тезис нашего знаменитого современного философа-социолога А.А. Зиновьева «Главное мировое зло – это частная собственность» [73] приобретает ноосферно-экологическое основание). Отсюда следует, что единственная стратегия спасения, и следовательно – сохранения, человечества на Земле – есть Ноосферизм в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта («управляющего Разума» [77, 78]), научно образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

2. Почему именно к концу XX века проявился

Экологический предел Стихийной Истории, или «предыстории» по Марксу, и человечеству предъявлен Природой в лице Биосферы императив выживаемости как императив перехода к Ноосферизму, т.е. к Ноосферной Истории?

Теория ответа на этот вопрос, как часть теоретической системы Ноосферизма, была разработана автором в 90-х годах XX века и представлена уже в монографии «Ноосферизм», а затем развита в серии работ [1, 5, 18 – 20, 22, 25, 27, 28, 30 – 39 и др.].

Появление в середине XX века глобального экологического кризиса, а затем к концу этого века – первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, проманифестировало «выход» на арену Истории Большой Логике Социоприродной Эволюции (БЛСЭ), которая действовала всегда, но она находилась как бы в «тени» действия механизмов Внутренней Логике Социального Развития (ВЛСР). т.е. «внутренних механизмов» исторического развития, с тех пор, как человечество почувствовало себя «независимым от природы», и даже «царём природы», черпая из неё только ресурсы и энергию. Это условно независимая, социально-автономная история человечества началась с Неолитической революции, которая произошла 100-120 веков назад (доместикация ряда животных – лошади, коровы, козы, овцы, верблюды и др. и ряда растений, в первую очередь – злаковых и бобовых и др.).

Примерами того, как неожиданно врывалась БЛСЭ в историю человечества (в ВЛСР), являются региональные экологические катастрофы, в прошлом запечатленные пустыней Сахарой в Северной Африке (катастрофа около 4-х – 5 тысяч лет назад, вследствие наступления засушливого климата на этой территории с одновременным «перевыпасом» скота в северно-африканской саванне кочевыми народами) или пустыней Кара-Кум и Кызыл-Кум в Средней Азии, и др. Не поэтому ли поводу ученый древнего Египта Имхотеп высказал 4700 лет назад, за 2800 лет до написания Иоанном Богословом своего «Апокалипсиса», мысль, которая остается предупреждением мыслящему человечеству всё это время, и которая была высечена иероглифами на пирамиде Хеопса:

«Люди погибнут от неумения пользоваться силами природы и от незнания мира» [75, с. 8; 79].

Основанием БЛСЭ, по автору, является энергетический базис хозяйственного природопотребления и «давления» на гомеостатические механизмы Биосферы, и соответственно со стороны Стихийной истории человечества на эволюцию Биосферы [1].

По этому основанию вся история человечества разделилась на две, резко отличающиеся по своей длительности, эпохи:

- I Эпоха – Эпоха Малоэнергетической Стихийной истории от Неолитической революции и до начала XX века (~100-120 веков). Эта эпоха состоялась благодаря тому, что вследствие малой энергетики хозяйствования человека (как вида) на Земле (энергия домашних животных, энергия мускулов самого человека, усиленная простыми механическими механизмами, энергия ветра и падающей воды, используемая с помощью ветряных и водяных мельниц; заметим, что энергия ископаемого топлива – угля, нефти, утилизируемая с помощью паровых машин и двигателей внутреннего сгорания, которая активно осваивалась в XIX веке, ситуацию к концу XIX в. не изменила: на новые виды энергии к

концу XIX века в энергетической вооруженности человека приходился всего 1%);

- II Эпоха – Эпоха Высокоэнергетической Стихийной истории, охватывающая всего лишь XX-й век и начало XXI века, в которой произошел скачок в энергетической мощи в «давлении» мирового хозяйства на Биосферу в 10 в 7 степени раз, что позволило автору охарактеризовать XX-й век, как «Энергетическую цивилизацию», «энергетическую революцию» или «Большой Энергетический Взрыв» в социальной эволюции человечества [1].

Именно резкий скачок энергетики в миро-хозяйственном взаимодействии человечества с Биосферой – Большой Энергетический Взрыв в социальной эволюции (в XX веке) [1, с. 32, 33] – проявил несовместимость большой энергетики миро-хозяйствования человечества и стихийности исторического развития на основаниях:

рынка, принципа прибыли, усиливающегося социального расслоения обществ стран мира и в глобальном измерении – с одновременным усилением концентрации капитала «в руках» немногих – у 1% от численности населения, которые и есть «верхушка» мировой финансовой капиталократии, контролирующая более 50% мирового капитала [1, 80, 81] (по данным М.Н. Миловзоровой, с опорой на доклад транснационального банка Credit Suisse, по состоянию на осень 2015 года, неравномерность распределения производимого общественного блага выглядит так: 0,7% населения – «золотой элитарий» сосредоточил в своих руках 45,2% мирового богатства, 7,4 % населения (следующие за этими 0,7%) – 39,4%, т.е. 8,1% сосредоточил у себя 84,6% мирового богатства [53, с. 138, 139]).

Косвенным подтверждением этого теоретического положения автора является вывод в Докладе Мировому Банку, написанном экономистами-экологами во главе с Робертом Гудлендом, Германом Дейли и Салехом Эль-Серафи в 1991 году: «в условиях уже заполненной земной экологической ниши, рыночный механизм развития экономики исчерпал себя» [74; 75, с. 9].

Фактически в этом несоответствии, даже в конфликтном противоречии, между стихийными формами развития человечества – рынком, частной собственностью, войнами и насилием и большой энергетикой хозяйственного потребления живого вещества Биосферы, сил природы и соответственно хозяйственным воздействием на системные (гомеостатические) механизмы Биосферы, проявился открытый автором Закон интеллектно-информационно-энергетического баланса или соответствия (другое название закона – «Закон опережения ростом лага упреждения последствий в долгосрочном стратегическом управлении роста энергетического воздействия социальной системы на Природу» [31, с.17]), который формулируется так [77, с. 14]:

- «чем больше со стороны социальной системы воздействие по своей энергетической мощи на природу, тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно – тем более долгосрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы».

Выполнение требований этого закона со стороны человечества, т.е. его коллективного Разума, возможно только при утверждении на Земле Ноосферизма или Ноосферного Экологического Социализма, как социального строя, обеспечивающего управляемую социоприродную – Социо-Биосферную – эволюцию. Такая форма бытия общества и человека требует качественного изменения в самой науке, в том числе и в науке об управлении [77, 78], в разуме человека (Родов Действительного Разума как Ноосферного Разума [27]), и в самой «природе» Власти и государства, через обеспечение Ноосферного Синтеза Науки и Власти, становление ноосферного государства [31].

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть выражение катастрофического несоответствия между рыночно-капиталистической, на базе рынка и частной собственности на средства производства, власти свехотчужденного финансового капитала – мировой финансовой капиталократии [1, 2, 35, 80 - 82] и большой энергетикой хозяйствования, т.е. есть катастрофическое нарушение этого закона, которое приобрело содержание Экологического Отрицания капитализма и рынка.

Итак, Высокоэнергетическая Стихийная история в рыночно-капиталистическом формате, охватившая XX-й век, породила вначале глобальный экологический кризис (в середине века), который перешёл в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, поставившей Экологический предел и рынку, и капитализму, придал социалистическому императиву содержание ноосферного императива, императива перехода Биосферы в Ноосферу (в соответствии с выше сформулированным «законом ноосферы В.И. Вернадского»), означающего одновременно переход от Стихийной парадигмы Истории к Ноосферной парадигме Истории человечества – к Ноосферизму – в форме управляемой социоприродной эволюции и Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

3. Ноосферный этап в социальной эволюции человечества – отражение действия метазакон «оразумления» космогонической эволюции и ноосферно-космического предназначения человеческого Разума

Ноосферный этап в социальной эволюции, к которому должно перейти человечество, и как форме своей будущей истории, и как выходу из Экологического Тупика рыночно-капиталистической истории, есть проявление открытых автором, в рамках разработанной им теоретической системы ноосферной парадигмы универсального эволюционизма, двух метазакон [1, 27, 28, 31, 33]:

- Метазакон Сдвига в любой системной прогрессивной эволюции, в том числе – в космогонической эволюции и в глобальной эволюции Биосферы на Земле, от доминанты Закона Конкуренции и механизма отбора – к доминанте Закона Кооперации и механизма интеллекта;

- Метазакон «Оразумления» или Интеллектуализации любой прогрессивной эволюции, в том числе – космогонической эволюции и глобальной эволюции Биосферы на Земле.

Указанные два «метазакон» составляют «ядро» ноосферной парадигмы универсального эволюционизма, разработанной автором и входящей в теоретический базис Ноосферизма.

При этом подчеркнем, что этот ноосферный универсальный эволюционизм есть своеобразный синтез 3-х парадигм во взглядах на сущность прогрессивной эволюции, сопровождающейся ростом сложности эволюционирующих систем, – дарвиновской парадигмы (автор – Чарльз Дарвин; знаменитая дарвиновская триада <наследственность, изменчивость, отбор>; главный закон эволюции – конкуренция, лежащая в основе «естественного отбора»), кропоткинской парадигмы (автор – Петр Алексеевич Кропоткин., который показал., что в основе прогрессивной биологической эволюции лежит сотрудничество, взаимопомощь, любовь; я этот подход П.А.Кропоткина назвал «коогенезом», сформулировал положение, что существует в эволюции закон кооперации, который противостоит закону конкуренции [1]) и берговской парадигмы (автор – Лев Семёнович Берг, ученый-географ-эволюционист; он выдвинул теорию номогенеза, которая утверждает существование законов («номос»), направляющих прогрессивную эволюцию по определенному руслу).

Открытие автором двух указанных метазакон [77, с. 20] составляет базис ноосферного универсального эволюционизма и методологически определяет синтез указанных 3-х – дарвиновской, кропоткинской и берговской – парадигм. Можно назвать этот синтез своеобразным ноосферным космономогенезом или ноо-космономогенезом. Метазакон «оразумления» или интеллектуализации прогрессивной эволюции, в том числе эволюции Космоса (нашей Вселенной) и эволюции Биосферы на Земле, делает наступление Ноосферного Этапа в такой прогрессивной эволюции обязательным.

Таким образом, «Закон В.И.Вернадского» как закон обязательного перехода Биосферы в Ноосферу в связи с появлением человечества в её структуре и в связи с ростом «энергии культуры» в результате прогресса науки и техники приобретает в Ноосферизме более широкую теоретико-методологическую базу. Сам этот переход, автор акцентирует на этом внимание своего потенциального читателя, есть переход, в соответствии с вышеуказанным «метазакон Сдвига», от доминанты в эволюции Закона Конкуренции к доминанте Закона Кооперации, т.е. есть смена Стихийной парадигмы Истории на базе

Закона Конкуренции Управленческой парадигмой Истории на базе Закона Кооперации (можно эту «смену» назвать и так: смена Конкурентной истории человечества Кооперационной историей), это и означает собой Ноосферную Социалистическую Революцию, которая охватит по прогнозу автора весь XXI век [30].

При этом, следует подчеркнуть особую трактовку «интеллекта», как механизма прогрессивной эволюции, противостоящего механизму «естественного отбора» (в теории Дарвина) [1]. «Интеллект системы» есть «управление будущим» со стороны этой системы, или на другом «языке» – «опережающая обратная связь», обеспечивающая перевод системы из текущего состояния («положения») в желаемое (целевое) состояние («положение») в будущем независимо от воздействия внешней среды.

Общественный интеллект есть совокупный интеллект общества как социальной системы, есть единство науки, культуры и образования, единство общественных знания и сознания, и реализуется как управление будущим (с выполнением функций такого управления – целеполагания, планирования, программирования, проектирования, нормотворчества, законотворчества, стандартизации, унификации, модуляризации и т.п.) со стороны общества как целого (как социальной системы).

В данном контексте метазакон «оразумления» прогрессивной эволюции приобретает трактовку метазакона роста «начала управляемости» (по мере развития «Разума» или «интеллекта») в «логике движения» прогрессивной эволюции.

Итак, в логике авторской теоретической системы ноо-космоногенеза в научно-теоретическом комплексе Ноосферизма человеческий разум на Земле появляется закономерно, олицетворяя собой становление предпосылок (на которые указывал в своём учении о ноосфере и В.И. Вернадский [63, 64]) преобразования Биосферы в Ноосферу. При этом, «разума» в «Разуме человека» столько и только столько, насколько он способен управлять будущим от имени системы, которую он представляет. Философии и теории разума как «управляющего Разума», встраивающегося через «управление» в механизмы прогрессивной эволюции, автор посвятил целую серию монографий и книг [1, 15, 18, 23, 25, 27, 28, 31, 33, 34, 36, 38, 41, 42, 44, 58, 59, 60, 62, 67, 77, 78, 88 - 91].

Такое определение «разума» служит одновременно и «тестом» Разума на «разумность». Происходит своеобразное разделение «разума» на «Разум» (истинный, т.е. «управляющий» разум) и «Анти-Разум», противостоящий «логике» прогрессивной эволюции и обреченный на экологическое самоуничтожение.

В монографии «Разум и Анти-Разум» (2003) автор писал:

«...прогрессивная, «оразумляющаяся» эволюция всё время тестирует разум на его разумность, т.е. тестирует качество управления будущим у нового вида «систем» новой ступени сложности их организации» [89, с. 10].

Начавшийся процесс первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, определивший рыночно-капиталистическую систему – систему глобального империализма мировой финансовой капиталократии в «экологического самоубийцу» и «экологического могильщика» человечества, есть «эволюционный тест» (в логике прогрессивной эволюции на Земле и Большой Логике Социоприродной Эволюции – БЛСЭ), который указывает на так называемый «разум» или «интеллект» мировой финансовой капиталократии, пытающийся «управлять» колонизацией мира (по Дж. Соросу «большие деньги» управляют миром), как на Анти-Разум, т.е. экологически самоуничтожающийся «Разум».

Автор в 2003 году, 16 лет назад, отмечал в вышеуказанной монографии по проблеме противостояния Разума и Анти-Разума в начале XXI века [89, с. 14, 15, 17]:

«Анти-Разум олицетворяет собой защиту капиталократии, механизмов рынка и конкуренции, стремится не замечать ноосферного императива, императива устойчивого развития через управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта и образовательного общества.

Анти-Разум устами Ф. Фукуямы, З. Бжезинского, Ж. Аттали и других апологетов рынка и либерализма утверждает рыночно-капиталистическую цивилизацию на вечные времена, одновременно

устанавливая Конец Истории в виде «рыночно-капиталистического рая», не замечая, что этому «раю» вынесла свой Приговор Природа, и это есть только канонизация ситуации Экологической – Рыночно-Капиталистической – Гибели Человечества.

Разум, который формирует логику своего экологического самоуничтожения и есть Анти-Разум (даже если он этого не понимает). В этом случае происходит отрицание разумности в разуме в том эволюционном смысле, в котором прогрессивная эволюция его и породила.

Разум – носитель будущей кооперационной эволюции человечества выступает против Анти-Разума, как той своей части, которая стремится сохранить конкурентно-стихийные начала капиталистической эволюции...

...Борьба Разума против Анти-Разума есть борьба ноосферно-социалистической или ноосферно-кооперационной будущей Истории против рыночно-капиталистической, конкурентной Истории, пределы которой обозначились первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы.

Эволюционное возвышение Разума есть ступени «снятия» предыдущих форм его эволюции, «оразумления».

Наступила эпоха ухода со сцены Рыночно-Капиталистического разума, всех его продуктов, отражающих апологетику капиталократии. Наступила эпоха ноосферно-социалистического отрицания капиталократии, Капитал-Мегамшины как антиноосферных сил, действующих против ноогенеза, коогенеза и ноосферогенеза.

Борьба Разума против Анти-Разума есть борьба за будущее человечества, в котором эгоистический, капиталистический «Разум-для-себя» трансформируется в альтруистический, ноосферно-социалистический «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса».

Так автор писал в 2003 году. Положения этого вердикта за прошедший период ещё более актуализировались.

Эпоха Великого Эволюционного Перелома, как было показано выше, усилила за прошедшее время «давление» своих императивов – императивов Большой Логике Социоприродной Эволюции (БЛСЭ) – на механизмы воспроизводства жизни человечества. Здесь срабатывает своеобразный аналог закона ньютоновский механики – «действие» рождает «противодействие», равное ему по силе. Растущее «давление» стихийно-разрушительных сил рыночно-капиталистической системы мирохозяйственного природопотребления на гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов рождает «давление» (с противоположным знаком) со стороны этих «механизмов» (реакции их «обратных связей») на системы жизнеобеспечения человечества, включая и «давление» на «внутренние» механизмы функционирования живого вещества (генетических механизмов) в организмах людей на всей поверхности планеты Земля.

Экологическое спасение человечества, стратегия его выживания в XXI веке, таким образом, базируется на Ноосферизме. Она, то есть стратегия, предполагает переход Биосферы и человечества, как её разумной части, в Ноосферу, с одновременной сменой парадигм социальной истории – с переходом от Стихийной Истории (на базе рыночно-капиталистической системы как системы глобального империализма в единстве с экономическим колониализмом) к Ноосферной Истории в форме управляемой социоприродной эволюции (на базе общественного интеллекта или «коллективного управляющего разума общества», научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма).

Наступает Эпоха Ноосферного Этапа развития человечества, которая только и может обеспечить Космический Прорыв человечества в XXI веке.

Наука приобретает качество Ноосферной и Космической Науки. Обеспечение научного управления предполагает Ноосферный Синтез Науки и Власти, меняющей миссии и Науки, и Власти в современном мире [31, 77, 78, 87 - 91].

В моем докладе на IX Всемирном Научном Конгрессе [33] Ноосферизм был раскрыт не только как

«новая обобщающая научная идея», но и как «новая парадигма истории человечества», в свою очередь определяющая миссию Эпохи Великого Эволюционного Перелома как Эпохи Родов Действительного – Ноосферного – Разума [27].

В этом докладе автор указывал на то, что меняется само содержание гуманизма. Он превращается в ноосферный гуманизм:

«Роды Действительного Человечества и Действительного Разума, а это означает – Роды Ноосферного Человечества и Ноосферного Разума, – вот основная миссия Эпохи Великого Эволюционного Перелома. «Трансгуманизм» – это «конвульсии» рыночно-капиталистического «Разума», превратившегося в «Анти-Разум», т.е. в «Разум», экологически самоуничтожающийся, а значит не «разум», а «Анти-Разум» [35, 82, 89].

Становление ноосферного гуманизма, как необходимого основания стратегии выживания человечества в XXI веке, предстает как одно из проявлений Родов Действительного, Ноосферного Разума.

Ноосферизм и есть Ноосферный Гуманизм, в котором проявляется Призвание Человека на Ноосферном Этапе Эволюции Биосферы – «Оразумление» Эволюции Биосферы, а значит и её «очеловечивание».

Действительный Разум Действительного Человечества призван, управляя социоприродной эволюцией, обеспечивать развитие Ноосферно-Космической гармонии на Земле!!!».

Чтобы это произошло, необходимо, чтобы Ноосферизм как научная «идеология XXI века» [25] стал достоянием каждого человека, каждого народа на Земле, и, конечно, стал бы идеологией Ноосферного Прорыва России в XXI веке [14, 15, 25, 36 - 38].

В «Идеологии XXI века» в 2014 году автор указывал на то, что «борьба за сохранение России – это борьба за будущее человечества», за осуществление Ноосферного Прорыва [25, с. 61 - 66], что «идеология XXI века» – это «идеология нового ноосферно-ориентированного миропорядка, подчиняющегося закону Ноосферно-Космической Гармонии» [25, с. 71 - 75].

XXI век – век Победы Ноосферизма, как новой системы сохранения и развития человечества на Земле.

Автор заканчивает эту свою работу словами из уже не раз цитируемой своей монографии «Разум и Анти-Разум» [89, с.89]:

««Камо грядеши?» – вечный вопрос, который написан на воротах в будущее. К управляемой социоприродной гармонии, к образовательному обществу, к ноосфере будущего – звучит ответ – императив человеческой истории».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: КГУ им. Н.А.Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 537с.
2. Субетто А.И. Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива – СПб.: КГУ им. Н.А.Некрасова, Изд-во «Астерион», 2004. – 98с.
3. Субетто А.И. Ноосферизм: движение, идеология или новая научно-мировоззренческая система (Открытое письмо-ответ некоторым «борцам» против ноосферизма). – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2006. – 80с.
4. Субетто А.И. Ноосферный социализм как форма бытия ноосферного человека (основания теории ноосферного социализма). – СПб.: «Астерион», КГУ им. Н.А.Некрасова, 2006. – 56с.
5. Субетто А.И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома (Посвящается 90-летию Великой Октябрьской социалистической революции). – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007. – 88с.
6. Субетто А.И. Доктрина духовно-нравственной системы ноосферного человека и ноосферного образования. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 98с.

7. Субетто А.И. Духовно-нравственный императив ноосферного развития российской школы и востребованность гения А.С.Макаренко в современных условиях. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, Изд-во «Астерион», 2008. – 23с.
8. Субетто А.И. Теоретическая экономия в начале XXI века – к новым основаниям синтеза экономической науки в системе Ноосферизма. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009. – 98с.
9. Субетто А.И. Ноосферизм как новая научно-мировоззренческая система, идеология XXI века и будущее, спасающее человечество от экологической гибели// *Контуры грядущей цивилизации/ Авт.: О.С.Анисимов, Г.В.Атаманчук, В.К.Батурин и др., всего – 9 чел. – Одинцово Московск. обл.: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. – 192с.; с. 7 – 34*
10. Субетто А.И. Владимир Ильич Ленин: гений русского прорыва человечества к социализму – СПб.: Астерион, 2010. – 498с.
11. Субетто А.И. Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества? – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010. – 44с.
12. Субетто А.И. Ноосферизм как идеология и форма спасения человечества от возможной экологической гибели в XXI веке: научный доклад на Всемирном Форуме духовной культуры, Астана, 18 – 22 декабря 2010г.). – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, Астерион, 2010. – 32с.
13. Субетто А.И., Горбунов А.А. Ноосферный формат устойчивого инновационного развития. – СПб – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова. 2010. – 33с.
14. Субетто А.И. Ноосферный прорыв в будущее России в XXI веке/Под науч. ред. д.ф.н., проф. В.Г.Егоркина. – СПб.: Астерион, 2010. – 544с. (Изд. при финансов. поддержке РГНФ).
15. Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма/ Под науч. ред. д.ф.н. проф. В.Г.Егоркина. – СПб.: Астерион, 2010. – 108с.
16. Субетто А.И. О глобализме, ноосферизме, социализме и судьбе России в XXI веке (критический анализ некоторых тезисов И.Я.Фроянова)// «Общество – Среда – Развитие» (научно-теоретический журнал). – 2011. - №3(20). – с. 53 – 58
17. Субетто А.И. «Ноосферная экономика» как наука и её значение для инновационного развития Севера России// «Перспективы развития северных территорий России: социально-экономический аспект»/ Сб. трудов межвузовской научно-практ. конф. – СПб.: ГПА, 2011. – 271с.; с. 65 – 71
18. Субетто А.И. Ноосферное смысловедение/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. – 260с.
19. Субетто А.И. Императив ноосферно-социалистического преобразования мира в XXI веке/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. В.Д.Комарова. – СПб.: Астерион, 2012. – 34с.
20. Субетто А.И. Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм – символы развития в XXI веке/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. – 460с.
21. Субетто А.И. Планетарная кооперация этносов – основа гармоничного развития человечества: научный доклад на IV Всемирном Научном Конгрессе. – СПб.: Астерион, 2012. – 12с.
22. Субетто А.И. Человек, наука и экономика в Эпоху Великого Эволюционного Перелома: ноосферный императив/ Под науч. ред. д.э.н., проф., Заслуженного деятеля науки РФ В.В.Чекмарева. – СПб.: Астерион, 2013. – 147с.
23. Субетто А.И. Вернадскианская революция как научно-методологическая основа формирования ноосферного общества (научный доклад на Московском экономическом форуме)/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ д.э.н., проф. В.Н.Бобкова. – СПб.: Астерион, 2013. – 56с.
24. Субетто А.И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова – СПб.: Астерион, 2013. – 128с.

25. Субетто А.И. Идеология XXI века/ Под науч. ред. д.т.н., д.псих.н., д.пед.н., проф. В.В.Лукоянова. – СПб.: Астерион, 2014. – 92с.
26. Субетто А.И., Джаясекара П.Шанти, Лукоянов В.В. Ноосферно-космическая гармония мира и человечества: научный доклад на VI Всемирном Научном Конгрессе. – СПб.: Астерион, 2014. – 24с.
27. Субетто А.И. Роды Действительного Разума/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2015. – 200с.
28. Субетто А.И. Революция и эволюция (методологический анализ проблемы их соотношения)/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2015. – 76с.
29. Субетто А.И. Научно-образовательное общество как основа стратегии развития России в XXI веке/ Под науч. ред. д.псих.н., д.т.н., д.пед.н. В.В.Лукоянова. – СПб.: Астерион, 2015. – 190с.
30. Субетто А.И. Ноосферная социалистическая революция XXI века: основания теории/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2016. – 139с.
31. Субетто А.И. Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений-теорем)/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2016. – 44с.
32. Субетто А.И. От учения Карла Маркса – к Ноосферизму XXI века: монография/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2017. – 132с.
33. Субетто А.И., Джаясекара П.Шанти, Лукоянов В.В. Ноосферизм – новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории человечества: научный доклад на IX Всемирном Научном Конгрессе (Россия – Шри-Ланка – Великобритания)/ Под науч. ред. д.э.н., проф., вице-президента Европейской академии естественных наук А.А.Горбунова. – СПб.: Астерион, 2017. – 100с.
34. Субетто А.И. Ноосферизм – научно-мировоззренческая система и новая парадигма истории: авторский рефлексивно-системный анализ выполненных исследований и обобщений// Ноосферизм – новый путь развития: коллективная научная монография. В 2-х кн. (по материалам «Субеттовских чтений» – Международной научной конференции, посв. 80-летию А.И.Субетто)/ Под науч. ред. Г.М.Иманова и А.А.Горбунова. Кн. 1 – СПб.: Астерион, 2017. – 488с.; с. 35 – 62
35. Субетто А.И. Экологический финал глобального империализма и императив ноосферно-социалистического прорыва человечества (100-летию Великого Октября посвящается)/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В.Воронцова – СПб.: Астерион, 2017. – 32с.
36. Субетто А.И. Ноосферная апология человечества: науч. доклад на X Всемирном Научном Конгрессе// Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Научн. изд-во «Астерион», 2018. – 52с.
37. Субетто А.И. 200-летие К.Маркса и грядущее 150-летие В.И.Ленина: ноосферизм или ноосферный социализм – «повестка дня» на XXI век/ Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д.ф.н., проф. А.В.Воронцова – СПб.: Астерион, 2018. – 108с.
38. Субетто А.И. Ноосферная Россия: стратегия прорыва (основания ноосферного россияеведения)/ Под науч. ред. проф., д.т.н., д.псих.н., д.пед.н., Заслуженного создателя и испытателя космической техники В.В.Лукоянова. – СПб.: Изд-во «Астерион», 2018. – 340с.
39. Субетто А.И. Русская наука: от прошлого – к ноосферной ответственности за будущее России и человечества/ Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2018. – 200с.
40. Субетто А.И. Творческая индивидуальность ученого в контексте ноосферного призвания, научно-философское эссе/ Под науч. ред. д.ф.н., д.пед.н., д.псих.н., проф. В.В.Лукоянова. – СПб.: Астерион, 2018. – 44с.
41. Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2012. – 76с.
42. Субетто А.И. Взгляд на мир с «вершины» восьмидесятилетия/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2018. – 416с.

43. Ноосферизм – новый путь развития: коллективная научная монография (на основе материалов «Субеттовских чтений» – Международной научной конференции, посвященной 80-летию А.И.Субетто, 28 января 2017 г.). В 2-х книгах/ Под науч. ред. Г.М.Иманова и А.А.Горбунова. – СПб.: Астерион, 2017. – 920с.

44. В.И.Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллективная монография/ Под науч. ред. А.И.Субетто и В.А.Шамахова. В 3-х томах. – СПб.: Астерион, 2013. – 1742с. (том I – 574с.; том II – 588с.; том III – 580с.).

45. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке. Материалы Первого Международного Ноосферного Северного Форума (С.-Петербург, 20 – 24 октября 2017 г) в форме коллективной монографии/ Под науч. ред. А.И.Субетто и А.Т.Шаукенбаевой. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007. – 1020с. – В 2-х кн. (Кн. 1 – 448с.; Кн. 2 – 572с.).

46. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке. Том II. Роль Арктики и Антарктики в стратегии ноосферного развития человечества и выхода из глобального экологического кризиса (коллективная научная монография в 2-х книгах)/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ А.И.Субетто. – СПб.: Астерион, 2009. – 1094с. (Кн. 1 – 680с.; Кн. 2 – 414с.)

47. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке. Том III. Роль Ноосферы Арктики и Антарктики в становлении будущей ноосферной цивилизации человечества: взгляд из России (коллективная научная монография в 2-х книгах)/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ А.И.Субетто – СПб.: Астерион, 2011. – 990с. (Кн. 1 – 492с.; Кн. 2 – 498с.).

48. Ноосферное образование в евразийском пространстве: Коллективная научная монография/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ А.И.Субетто – СПб.: Астерион; Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А.Некрасова, 2009. – 688с.

49. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том второй. От ноосферного образования – к ноосферной России (Коллективная монография). В 2-х кн./Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ А.И.Субетто, Почетного работника высшего профессионального образования РФ В.Г.Егоркина – СПб.: Астерион, 2010. – 748с. (Кн. 1 – 368с.; Кн. 2 – 380с.).

50. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том третий (Коллективная научная монография). В 2-х кн./Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ А.И.Субетто, Почетного работника высшего профессионального образования В.Г.Егоркина. – СПб.: Астерион, 2011. – 816с. (Кн. 1. – 412с.; Кн. 2 – 404с.).

51. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том четвертый (Коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто, А.А.Горбунова, В.В.Гречаного. – СПб.: Астерион, 2012. – 512с.

52. Ноосферное образование в евразийском пространстве: коллективная научная монография. Том пятый. Ноосферно-евразийская парадигма фундаментализации непрерывного образования/ Под науч. ред. д.ф.н., д.э.н., проф. А.И.Субетто. – СПб.: Астерион, 2015. – 466с.

53. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том шестой. Ноосферное образование как механизм устойчивого развития России в XXI веке: коллективная научная монография (на основе материалов VI Международной научно-практической конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», состоявшейся в Смольном институте РАО (Санкт-Петербург) 28 ноября – 1 декабря 2016 года)/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ проф. А.И.Субетто и Гранд-доктора философии, к.т.н., Г.М.Иманова – СПб: Астерион, 2016. – 576с.

54. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том седьмой. Столетняя годовщина Великой Октябрьской социалистической революции и Год Экологии в 2017 году как стимулы развития ноосферной парадигмы образования, науки и экономики как базового условия стратегии России в

XXI веке: коллективная научная монография (на основе материалов VII Международной научной конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», состоявшейся 7 – 8 декабря 2017 года в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге). В 2-х кн./ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ проф. А.И.Субетто и Гранд-доктор философии, к.т.н. Г.М.Иманова – СПб.: Астерион, 2017. – 718с. (Кн. 1 – 328с.; Кн. 2 – 398с.).

55. Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том восьмой. Ноосферное образование как механизм становления Ноосферной России: коллективная научная монография (на основе материалов VIII Международной научной конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», состоявшейся 6 – 7 декабря 2018 года в Смольном институте РАО в Санкт-Петербурге)/ Под науч. ред. Заслуженного деятеля науки РФ, председателя СПбО и ФС РКО, президента НОАН, вице-президента ПАНИ А.И.Субетто – СПб.: Астерион, 2018. – 588с.

56. Субетто А.И. Ноосферный императив развития арктического хозяйства в XXI веке// Актуальные вопросы освоения Арктики: первая научно-практическая конференция на борту ледокола «Красин», Санкт-Петербург, 22 – 23 января 2018г.: сборник докладов/ Под общ. ред. к.г.н. О.В.Подшуweit, д.г.н. Д.А.Субетто – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2012. – 262с.; с.8 – 25

57. Субетто А.И. «Ноосферная хартия Севера»// Актуальные вопросы освоения Арктики: первая научно-практическая конференция на борту ледокола «Красин», Санкт-Петербург, 22 – 23 января 2018г.: сборник докладов/ Под общ. ред. к.г.н. О.В.Подшуweit, д.г.н. Д.А.Субетто. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 262с.; с. 213 – 224.

58. Субетто А.И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив. – М.: Исследоват. центр управл. кач-вом под-ки спец-ов Гособразования СССР, 1990. – 84с.

59. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке (коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 592с.

60. Субетто А.И., В.И.Вернадский: от начала ноосферно-ориентированного синтеза наук – к вернадскианской революции в системе научного мировоззрения в начале XXI века и к становлению ноосферизма. (Серия: «Истоки ноосферизма»). – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007. – 106с.

61. Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России (коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто и В.А.Шамахова. – СПб.: Астерион, 2013. – 414с.

62. Ноосферизм и ноосферология в спасении жизни человечества и природы / Под науч. ред. Президента Ноосферной общественной академии наук А.И.Субетто/ Сб. науч. тр. участн. дискуссии Секции 1 «Ноосферизм и ноосферология в спасении жизни человечества и природы» в рамках научно-практ. конф. «Социально-экономическое познание и творчество общественной жизни России» в составе Общественного Форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2013» на тему «Философия познания и творчества» (21 – 23 ноября 2013г.) – СПб.: Астерион, 2013. – 126с.

63. Владимир Иванович Вернадский и Лев Николаевич Гумилёв: Великий Синтез творческих наследий (коллективная монография)/ Под науч. ред. А.И.Субетто. – Кострома КГУ им. Н.А.Некрасова, 2012. – 662с.

64. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление/ В.И.Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271с.

65. Субетто А.И. Сталин и Победа в Великой Отечественной войне – символы высоты Духа Советской Цивилизации/ Под науч. ред. д.ист.н. В.П.Казанцева – СПб.: Астерион, 2019. – 206с.

66. Субетто А.И. Эпоха Русского Возрождения (Титаны Русского Возрождения) – I – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2008. – 500с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ С НИЗКОГО СТАРТА

Булавко Ольга Александровна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
кафедры экономической теории,
г. Самара, Российская Федерация.
E-mail: Vikigor163@mail.ru

Аннотация: В тезисах доклада выявлены инструменты инновационного развития. Они основаны на цифровых и информационных технологиях. Эти технологии позволяют сместить вектор ресурсного обеспечения в сторону высокотехнологичных отраслей. Автором рассмотрены различные подходы относительно определения «цифровая экономика». Показано, что при формировании элементов новой экономической политики прослеживается сильная взаимосвязь темпов экономического развития от доли в ВВП инвестиций в человеческий и основной капитал.

Ключевые слова: промышленность 4.0, «цифровизация», инновационные продукты, цифровая экономика, инвестиции в человеческий капитал.

JEL: P40

DIGITALIZATION WITH LOW START

Bulavko Olga Alexandrovna
doctor of economic Sciences, Full Professor, Professor of the Department of economic theory of SAMARA state University of Economics
Samara, Russian Federation

Abstract: The theses of the report revealed the tools of innovative development. They are based on digital and information technology. These technologies allow to shift the vector of resource provision towards high-tech industries. The author considered various approaches regarding the definition of “digital economy”. It is shown that in forming the elements of the new economic policy there is a strong correlation between the rates of economic development and the share of investments in human and fixed capital in the GDP.

Keywords: industry 4.0, “digitalization”, innovative products, digital economy, investment in human capital.

В настоящее время особо актуальным для всех российских регионов является переход к развитию высокотехнологичных отраслей производства, формированию нового информационного общества. При этом возрастает потребность в разработке и реализации программного обеспечения, выпуске нового специализированного оборудования. В соответствии с новыми требованиями российские предприятия должны переориентироваться на высокотехнологичные продукты, повышая при этом инновационные показатели.

Основными инструментами стимулирования роста экономики, способствующими развитию предприятий и позволяющими сместить вектор ресурсного обеспечения в сторону высокотехнологичных отраслей, являются, на наш взгляд, цифровые и информационные технологии, программы информационного обеспечения.

Информационные технологии охватывают все сферы деятельности человека и государства и приобретают все большую важность в развитии экономики, повышении национального благосостояния и получении так называемых «цифровых дивидендов» (доклад Всемирного банка (World Bank Group/Open knowledge repository)). Согласно данного доклада «цифровая экономика» определена как парадигма ускорения экономического развития с помощью цифровых технологий. Таким образом, цифровая экономика является мощным инструментом эффективного развития экономики.

Р. Мещеряков подразделяет все существующие подходы к пониманию словосочетания «цифровая

экономика» на два направления. Согласно «классическому» подходу «цифровая экономика» – это экономика, основанная на цифровых технологиях, и при этом её правильнее характеризовать как исключительно область электронных товаров и услуг. «Расширенный» подход гласит, что «цифровая экономика» – это экономическое производство с использованием цифровых технологий» (Schulze P.W., 2017).

Позже в 1999 году Б. Гейтс (Gates B. Business 1999) также отметил существенное влияние цифровизации экономики на развитие промышленности и в целом экономики каждой страны. По его мнению, «в будущем на рынке останется два вида компаний: те, кто в Интернете, и те, кто вышел из бизнеса». Современные тенденции подтверждают правильность его идеи. Более того, страны, не уделяющие должного внимания процессам «цифровизации» и не инвестирующие в развитие инновационных технологий, в скором времени не смогут конкурировать на мировом рынке.

Распространение высоких технологий в промышленную сферу показывает необходимость распространения и развития научно-технологических разработок, основанных на определенных знаниях, являющихся предпосылкой долгосрочного экономического роста и подъема благосостояния. При этом синергетический эффект может быть получен благодаря прорыву четвертой промышленной революции, определяемой «Промышленность 4.0», основой которой как раз и является «цифровизация» промышленности и производства. П.В. Шульц (П.В.Шульц, 2017) в своих исследованиях доказывает, что «объединение высоких технологий и традиционной промышленности в сеть действующих игроков, сгруппированных вокруг «уполномоченного» государства, характеризует европейскую модель.

Данная модель основана на элементах реиндустриализации и достаточном заделе по аддитивным технологиям, цифровому проектированию и моделированию. Технологический прорыв во многих отраслях возможен при внедренных разработках и финансируемых научных исследованиях.

При формировании элементов новой экономической политики прослеживается сильная взаимосвязь темпов экономического развития от доли в ВВП инвестиций в человеческий и основной капитал. Соединение этих факторов дает приблизительно 85% экономического роста. При этом, очень важным доказательством, по мнению некоторых авторов, является тот факт, что «Централизованные функции, такие как исследования и разработки, оптимизация активов, корпоративное планирование (стратегии, инвестиционное планирование), представляют большую ценность для бизнеса» (Arnesh Telukdarie and Eyad Buhulaiga and Surajit Bag and Shivam Gupta and Zongwei Luo, 2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Развитие цифровой экономики в России. Доклад Всемирного Банка от 20 декабря 2016г. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://gosbook.ru/node/94904> (дата обращения 02.04.2018)
2. Schulze P.W. Future of industry: the fourth revolution – functions of state and society / P. W. Schulze // Экономическое возрождение России № 2 (52). – 2017. – стр. 39 – 46
3. Gates B. Business @ the Speed of Thought: Succeeding in the Digital Economy Hardcover – March 24, 1999

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: НОВЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД И СМЕНА ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Соловых Надежда Николаевна

кандидат экономимических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»,
Департамента экономической теории
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: solovyh2011@yandex.ru

Королева Ирина Владимировна

кандидат экономимических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»,
Департамента экономической теории
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: koroleva7irina@mail.ru

Стомпелева Екатерина Сергеевна

кандидат экономимических наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»,
Департамента экономической теории
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: stompeleva@mail.ru

Аннотация: Актуальность тематики исследования обусловлена тем, что в настоящее время вызывают большой интерес процессы, связанные с формированием и развитием цифровой экономики. Причем экономическая значимость цифровых технологий общепризнана, но её влияние на социально-экономическое развитие оценивается неоднозначно. Целью данного исследования является осмысление влияния цифровой экономики на реализацию экономических интересов субъектов экономики. С использованием аналитического метода, методов системного, сравнительного и ситуационного анализа в статье выделяются и анализируются основные социально-экономические противоречия, возникающие при реализации экономических интересов в условиях цифровой экономики, как на национальном, так и мировом уровнях хозяйственных систем. Делается вывод о том, что процессы формирования глобального цифрового пространства актуализируют вопросы международного сотрудничества, направленного на согласование действий по решению общих проблем в области цифровой экономики, а также на урегулирование имеющихся и потенциальных проблем социально-экономической дифференциации при развитии глобального информационного общества.

Ключевые слова: цифровая экономика; интернет вещей; информационно-коммуникационные технологии; экономическое развитие; экономические интересы; воспроизводственные процессы; глобальное информационное общество.

JEL: Q10; F63; F60

THE DIGITAL ECONOMY: A NEW TECHNOLOGICAL ORDER AND A PARADIGM SHIFT OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Solovykh Nadezda Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Professor
Professor of the Department of economic theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Koroleva Irina Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, associate Professor of the Department of economic theory of the Financial University under the government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Stompeleva Ekaterina Sergeevna, Candidate of Economic Sciences, senior lecturer of the Department of economic theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract: The Relevance of the research topic is due to the fact that at present the processes related to the formation and development of the digital economy are of great interest. Moreover, the economic importance of digital technologies is generally recognized, but its impact on socio-economic development is ambiguous. The purpose of this study is to understand the impact of the digital economy on the implementation of economic interests of economic entities. Using the analytical method, methods of system, comparative and situational analysis, the article highlights and analyzes the main socio-economic contradictions arising in the implementation of economic interests in the digital economy, both at the national and global levels of economic systems. It is concluded that the processes of formation of the global digital space actualize the issues of international cooperation aimed at coordination of actions to solve common problems in the field of digital economy, as well as the settlement of existing and potential problems of socio-economic differentiation in the development of the global information society.

Keywords: digital economy; Internet of things; information and communication technologies; economic development; economic interests; reproduction processes; global information society.

Согласно определению Всемирного банка, цифровая экономика – система социальных, экономических и культурных отношений, в основе которой лежит использование цифровых информационно-коммуникационных технологий. Ценнейшим ресурсом данной экономики выступает информация, а преобладающая часть национального продукта обеспечивается в сферах, связанных с процессами производства, обработки, хранения и распространения информации.

Большинство исследователей сходится во мнении, что цифровая экономика – это качественно новый этап развития экономической системы, где происходит переход к VI технологическому укладу [1]. Немецкий экономист, основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе, Клаус Шваб считает, что она знаменует данный этап развития четвертой промышленной революцией, в которой происходит слияние совершенно различных технологий цифрового, технологического и биологического миров, оказывающее существенное влияние на экономические, политические и социальные системы [13, с. 11].

Экономическая значимость цифровых технологий общепризнанна. Она характеризуется, главным образом, принципиально новыми бизнес-моделями, которые, по сравнению с традиционными формами хозяйствования, многократно расширяют возможности производства, продажи и потребления товаров и услуг. Представляется, что такие новейшие цифровые технологии, как интернет вещей, большие данные, использование мобильных устройств трансформируют не только способы социально-экономического взаимодействия субъектов, но и весь воспроизводственный процесс в экономической системе. Цифровая экономика создает новые возможности мирового экономического развития, формируя глобальное информационное пространство, нивелируя территориально-временные границы взаимодействия хозяйствующих субъектов, поставщиков и потребителей, существенно расширяя мирохозяйственные связи между ними.

В то же время, оценка влияния новых условий цифровой экономики на процессы социально-экономического развития неоднозначна. Цифровая экономика может создавать благоприятные условия для реализации экономических интересов за счет новых возможностей доступа к мировым рынкам информационных ресурсов, интеллектуальным и инновационным центрам, сырьевым и финансовым биржам, глобальным рынкам сбыта. С другой стороны, как тотальная глобализация и сверхконкурентная среда, цифровая экономика усиливает действующие и создаёт новые противоречия социально-экономического развития. Процессы цифровизации могут создавать препятствия при реализации национальных интересов, общественных интересов групп стран, а также экономических

интересов отдельных социально-экономических групп.

Цифровая экономика как новый технологический уклад влечет за собой смену парадигмы экономического развития. Изменения характеризуются качественными преобразованиями во всех сферах воспроизводственных процессов социально-экономической системы. Вместе с тем, текущий уровень использования бизнесом достижений цифровой экономики позволяет говорить об активном применении цифровых технологий преимущественно в сферах обмена и потребления.

Колоссальное влияние информационно-коммуникационных технологий на мировые процессы обмена и потребления товаров и услуг, в особенности доступ к интернету, приводит к резкому росту объема товарно-денежных обменов в глобальной хозяйственной системе. При этом следует отметить пока слабое использование цифровых технологий непосредственно в производственных процессах. Так, Россия входит в список стран с перспективами занять лидирующие позиции в рейтинге развития цифровой экономики, который отражает прогресс в развитии цифровой экономики стран и уровень интеграции глобальной сети в жизнь людей. Такие данные представлены в исследовании Digital Evolution Index 2017, которое подготовили Mastercard совместно со Школой права и дипломатии имени Флетчера. При этом объем патентных заявок на изобретения в области информационно-коммуникационных технологий, поданных в России, невелик и в 2017 году составил 1532 заявок. Для сравнения, в Финляндии – 3886 [3, с. 51]. С 2010 по 2017 год темпы роста данного показателя в российской экономике составили всего 24 %, в то время как за аналогичный период в Китае – 3,5 раза. Удельный вес России в общемировом числе патентных заявок в области информационно-коммуникационных технологий незначителен и в период с 2010 по 2017 год составил не более 0,5 % [10, с. 19, 20].

Переход к постиндустриальному обществу привел к такому социально-экономическому явлению, как общество потребления. Потребление перестает носить цель только восполнения физических и духовных сил человека, а стало и формой досуга. Поменялось качество личного потребления – индивидуальные предпочтения зачастую задаются символическими ценностями, модой, рекламой и, тем самым, становятся лишены свойств общей полезности. Как отмечают отечественные экономисты, глобализационные процессы способствовали массовому развитию рынков товаров-симуляторов, когда товары не направлены на удовлетворение традиционных материальных потребностей людей, а реклама рассматривается как целенаправленная асимметрия информации, способствующая данному процессу. Жан Бодрийяр, известный своими исследованиями общества потребления, напрямую противопоставляет меновую стоимость благ их символической и потребительской ценности [5, с. 11, 38].

Развитие цифровых технологий усиливает данные процессы путем интенсификации каналов распространения и продажи товаров и услуг. Интернет существенно упрощает и удешевляет процессы навязывания ценностей и стандартов потребления, позволяя повсеместно манипулировать сознанием потребителей со стороны компаний, производящих товары-симуляторы. Так, экономические потребности представителей развивающихся стран, необходимые для их нормального самовоспроизводства, могут быть недостаточно удовлетворены, поскольку реализуются символические предпочтения, навязываемые потребительскими стандартами западного общества. По мнению российского исследователя общества потребления Владимира Ильина, «в России социальная структура находится в стадии коренной трансформации, субкультуры многих групп только формируются, поэтому попытки жить по чужим стандартам — экономить на хлебе, чтобы пить французский коньяк, жить в общежитии и ездить на «Мерседесе» — здесь встречаются гораздо чаще», при этом «полностью скопировать потребительский комплекс чужого слоя не позволяют материальные возможности, но пустить пыль в глаза, купив одну-две видимые окружающим вещи из символов более высокого слоя, можно» [9, с. 25, 43].

То есть содержание реального личного экономического интереса, направленного на символическое

потребление, в эпоху цифровой экономики трансформируется таким образом, что вступает в противоречие с теоретико-методологическим экономическим интересом индивида, как с точки зрения и его неоклассической рациональности, так и его объективной экономической обусловленности в рамках политической экономии. Потребление количественно превосходит необходимый уровень экономических потребностей с целью воспроизводства экономического субъекта. При этом, потребности в нравственном, духовном и культурном развитии индивида, которые создают человеческий капитал как основу постиндустриального общества, переходят на второй план, а по сути, отрицаются. А обезличенность и виртуальность экономических отношений позволяет формировать новые потребности людей без учета этических и духовно-нравственных принципов их удовлетворения. Более того, в условиях развития новых бизнес-моделей появляются возможности формирования у людей потребностей на конкретные товары еще до их выхода на рынок.

Данная трансформация индивидуальных потребностей и экономических интересов в условиях экономики нового типа не соответствует традиционному представлению о постиндустриальном обществе как обществе, где преодолевается доминирование производящей материальные блага экономики над людьми, а основным направлением развития становится нематериальный сектор, связанный с развитием человека.

Тем самым проявляется логика развития капиталистических экономических отношений в форме бесконечного накопления капитала, которая стала приближаться к своему теоретическому идеалу – превращению всего и вся в товар, в том числе мы наблюдаем громадные масштабы превращения в товар самого процесса потребления [8, с. 71, 72].

Указанные выше процессы подтверждают выводы о том, что сущностью системы отношений глобального корпоративного капитала на современном этапе «позднего» капитализма становится тотальное подчинение капиталу (как объективной системе экономических отношений, а не тому или иному собственнику) не просто труда, а человека в целом, человека как личности, обладающей определенным творческим потенциалом [6, с. 127].

Для цифровой экономики характерны такие негативные процессы как неравномерность и противоречивость социально-экономического развития хозяйственной системы и её отдельных сфер. Наиболее значимыми являются те противоречия, которые оказывают влияние на реализацию общественных экономических интересов с точки зрения эффективности общественного воспроизводства и целостности системы интересов.

Во-первых, тотальная глобализация в условиях цифровой экономики ещё более углубляет центр-периферийную структуру организации мирового хозяйства, где осуществляется неравный обмен между рыночным ядром (центром), подчинённой ему окраиной (периферией), и промежуточной зоной (полупериферией). Если ранее центр-периферийная структура рассматривалась преимущественно как территориальная организация глобального пространства, то новейшие исследования отмечают её как пространственно-региональное и социально-структурное сегментирование мировой экономики [7]. В условиях развития цифровой экономики глобальная хозяйственная система становится ещё более социально и экономически сегментирована, и дифференцирована как в центре, так и на периферии. Ведущим способом межфирменного взаимодействия становятся сети создания добавленной стоимости, где экономическая власть и капитал отделяются от производственных центров в пользу цифровых интеллектуальных и организационных «платформ» сети. Таким образом, цифровые технологии создают новые матрицы экономических интересов хозяйствующих субъектов, представляющих собой сетевые связи между ядром – «цифровыми платформами» и периферийными звеньями. Это означает, что неравные возможности при реализации своих экономических интересов характерны уже не только для стран периферии и полупериферии глобальной капиталистической системы, но и для отдельных структурных сегментов внутри «ядра» мировой хозяйственной системы.

Некоторые исследователи в качестве главной проблемы информационного общества

выделяют информационное неравенство, то есть дифференциацию субъектов по уровню доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям, являющимся критическим ресурсом для современных бизнес-процессов. Концентрация информационных преимуществ и «цифровых платформ» в руках узкого круга субъектов «ядра» мировой хозяйственной системы создает условия для абсолютного доминирования нескольких субъектов на отдельных рынках, уничтожая конкуренцию. Возникает «эффект платформы», при котором организации, основанные на цифровых технологиях, создают сети, позволяющие объединить множество хозяйствующих субъектов и существенно повысить таким образом доходы за счет эффекта масштаба. [13, с. 15].

Конечным результатом информационного неравенства является социально-экономическая дифференциация в форме роста неравенства доходов населения. Цифровизация социально-экономической сферы разрушает традиционные основы институционального регулирования государством социально-экономической системы. Ослабление роли государства в регулировании распределения и перераспределения доходов внутри страны между различными группами экономических субъектов приводит к неизбежным социально-экономическим перекосам и увеличению неравенства в доходах и уровне жизни населения страны.

Роль корпораций, активно развивающих и использующих цифровые технологии, и в странах их резиденства, и в других странах их присутствия, оценивается неоднозначно, их деятельность может иметь как положительные, так и отрицательные последствия и результаты. К числу проблем цифровой экономики, связанных с расхождением общих национальных и корпоративных экономических интересов, вызывающих в США самый большой резонанс у общества, относятся вопросы выплаты корпорациями налогов и офшоринг рабочих мест [4, с. 44]. Показательным является имеющееся за период 1989-2009 гг. снижение активности транснациональных корпораций США на территории своей страны при соответствующем росте деятельности филиалов [15, с. 14]. Так, по доле объема продаж и занятости внутри страны снижение составило около 10 %, в то время как активность иностранных филиалов компаний выросла. Расходы на НИОКР и инвестиции внутри страны также существенно снижены.

В условиях цифровизации экономики транснациональные корпорации становятся значимым субъектом при формировании общественных экономических интересов. Глобальный капитал определяет цели хозяйственной деятельности как в национальном, так и в мировом масштабе, выбирая наиболее выгодное для себя ресурсное обеспечение, территориальное расположение, инвестиционную активность, структуру и объемы производства и т.п. Остальным хозяйствующим субъектам отводится роль всего лишь следования установленным целям, поиска наиболее эффективного для себя применения в заданных ими правилах игры. Примером является южнокорейская корпорация «Samsung». Это больше, чем просто компания в Южной Корее – её влияние ощущается во всех сферах жизни. Samsung Group – гигантская империя, состоящая из 59 компаний, её экспорт в прошлом году достиг 66,3 млрд долл. и 22 % от торгового оборота всей страны. Она обеспечивает казне 8 % всех налоговых поступлений. В связи с чем, Южную Корею нередко называют «Республикой Самсунг». Отличительная черта компании – активное участие в политической жизни страны, использование своей экономической власти для формирования общественных целей и интересов, способствующих реализации своих частных интересов. Это вызвало в 2000-х годах череду скандалов в отношении руководства корпорации «Samsung», обвиняемого в даче взяток чиновникам, получении государственных заказов, в махинациях акциями и вмешательстве в государственные дела.

Глобальный рост потребления в мировой хозяйственной системе, провоцируемый информационными технологиями, усиливает воспроизводственные противоречия за счет создания «общества потребления», не формирующее накопление, необходимое для расширенного воспроизводственного процесса. Владимир Ильин считает, что в постиндустриальном обществе появляется противоречивый механизм – «потребление как накопление», при котором в капитал

превращаются потребительские блага, приобретенные на индивидуальные накопления [9]. Представляется, что личные блага могут являться капиталом только в узком смысле. Индивиды, увеличивая личное потребление, перестают осуществлять требуемые экономике накопления, данный капитал не становится общественным. Постоянный рост личного потребления, которому способствует массовое производство, приводит не к экономическому развитию, а экстенсивному росту, подрывая ресурсные и экологические воспроизводственные процессы окружающего мира [2, с. 202-203].

Кроме того, цифровая экономика способствует дальнейшему сверхбыстрому развитию финансовой отрасли и углублению её разрыва с материальным производством. Гипертрофированное развитие финансовой отрасли приводит к существенному искажению пропорций общественного воспроизводства, между производством и потреблением, потреблением и накоплением. Результатом данных противоречий социально-экономической системы становится невозможность дальнейшего дисбалансного функционирования экономики, наступают экономические и финансовые кризисы. Как отмечают отечественные исследователи, не капитал, как было раньше, порождает финансы, а финансы порождает капитал [11, с. 65, 66].

Таким образом, возвышение роли экономических интересов субъектов финансовой сферы над остальными экономическими интересами системы приводит к дисфункции всего общественного воспроизводства. Так, глобализация общественного воспроизводства демонстрирует нам немало ситуаций, когда экономические интересы частных хозяйствующих субъектов могут реализовываться без связи с общественным (национальным) воспроизводством, когда их частные экономические интересы и хозяйственные цели противоречат общим целям развития национальной и глобальной хозяйственной системам, то есть могут приводить к антисистемному социально-экономическому развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альпидовская М. Л. Макроэкономика / М.Л. Альпидовская. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – 409 с.
2. Альпидовская М. Л. От лозунга «экономического спада» к развитию общественного хозяйства Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности: материалы IV-й Междунар. науч. конф. Сборник научных трудов / Под ред. Сорокина Д.Е., Альпидовской М.Л. Краснодар, 2017. – 494 с.
3. Алиев В. М. Политико-правовые аспекты перехода к цифровой экономике в России // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 125 – 141.
4. Богаевская О. В. Американские корпорации: механизмы сохранения лидерства в глобальной экономике / О. В. Богаевская. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. – 94 с.
5. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийар; пер. с фр. Н. В. Суслова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
6. Бузгалин А. В. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы экономики. – 2006. – № 3. – С. 125-141.
7. Булганина С. Н. Природа и структура экономических субъектов: монограф. / С. Н. Булганина. – Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2003. – 340 с.
8. Валлерстайн И. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
9. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб: Питер, 2000. – 224 с.
10. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; И60 Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 268 с.
11. Осипов Ю. М. Восхождение. Четверть века в походе за истиной.

25 лет Центру общественных наук при МГУ. 1990–2015 / Ю. М. Осипов. М.: ТЕИС, 2015. –236 с.

12. Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России / Б. А. Хейфец. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 86 с.

13. Шваб К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клаус Шваб. – М.: «Э», 2017. – 208 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ ТРЕХПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Матризаев Бахадыр Джуманиязович

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
департамента «Экономическая теория»,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: matrizaev@mail.ru

Аннотация: Общеизвестно, что политика в области науки, техники и инноваций (НТИ) формируется постоянными условиями, которые проистекают из исторического контекста. Два из них определяются как со-существующие и доминирующие в современных дискуссиях по инновационной политике. Первый комплекс условий определяется как начавшийся после Второй мировой войны, с институционализации государственной поддержки науки и НИОКР с презумпцией того, что это будет способствовать росту и устранению рыночных сбоев в предоставлении новых знаний частным сектором. Второй комплекс условий возник в 1980-х годах в процессе мировой глобализации и последовательным смещением акцента на конкурентоспособности, которая формируется национальными системами инноваций для создания знаний и их коммерциализации. Политика в области НТИ сосредоточена на налаживании связей, кластеров и сетей, а также на стимулировании обмена опытом между элементами систем и создании благоприятных условий для предпринимательства. Третий комплекс условий связан с современными социальными и экологическими проблемами, такими, как цели устойчивого развития в новом тысячелетии и призывами к трансформационным изменениям, что определенно отличается от двух предыдущих. К трансформационным изменениям относятся изменения социально-технической системы согласно их концептуализации в литературе по устойчивому развитию. В данной работе исследуется природа этой третьей системы с целью выявления его ключевых особенностей и его потенциала для изучения двух предыдущих систем. При этом мы полагаем, что все три системы актуальны для разработки эффективной инновационной политики, однако изучение вариантов трансформационной инновационной политики должно быть приоритетом.

Ключевые слова: Инновационная политика, экономический рост, социо-техническая система, национальная инновационная система.

JEL: C65; O13

RESEARCH OF SOCIAL AND TECHNICAL BASES OF MODERN THREE-POLAR SYSTEM OF INNOVATION POLICY

Matrizaev Bahadyr Jumaniyazovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, the Financial University under the Government of the RF
Moscow, Russian Federation

Abstract: It is well known that the policy in the field of science, technology and innovation (STI) is formed by permanent conditions, which stem from the historical context. Two of them are defined as co-existing and dominant in contemporary discussions on innovation policy. The first set of conditions is defined as having begun after the Second world war, with the institutionalization of state support for science and R & d, with the presumption that it will contribute to the growth and elimination of market failures in the provision of new knowledge by the private sector. The second set of conditions emerged in the 1980s as a result of global globalization and a consequent shift in the focus on competitiveness, which is shaped by national systems of innovation for knowledge creation and commercialization. STI policies focus on networking, clusters and networks, as well as on promoting the exchange of experiences among elements of systems and the creation of an enabling environment for entrepreneurship. The third set of conditions is linked to contemporary social and environmental issues, such as the sustainable development goals of the new Millennium and calls for transformational change, which are clearly different from the previous two. Transformational changes include changes in the socio-technical system according to their conceptualization in the literature on sustainable development. This paper investigates the nature of this third system in order to identify its key features and its potential for the study of the previous two systems. At the same time, we believe that

all three systems are relevant for the development of effective innovation policy, but the study of TRANS-innovation policy options should be a priority.

Keywords: Innovation policy, economic growth, socio-technical system, national innovation system.

1. Введение

Государственная политика, в том числе направленная на науку и технику, проистекает из понимания прошлого опыта действий, размышлений о современных вызовах и представлений о будущих потенциалах действий. При этом прошлое, настоящее и будущее интерпретируются учеными и экспертами как руководство к анализу и действиям. Эти интерпретационные связи создают мощные системы – интерпретации опыта, упорядочение нынешних обстоятельств и воображение будущих потенциальных возможностей, которые создают основы для анализа политики и действий и формируют ожидания в отношении потенциалов и возможностей [5, стр. 611-639]. Системы со временем развиваются и меняются, если они воспринимаются как неадекватные сложившейся ситуации.

Современный экономический рост порождается совокупностью социо-технических систем, основанных на промышленном массовом производстве и индивидуализированном массовом потреблении, которые широко используют ископаемые виды топлива, являются ресурсоемкими и энергоемкими и производят огромное количество отходов. Несмотря на значительное увеличение продолжительности жизни в последние десятилетия и улучшение материального благосостояния во многих странах, сохраняющиеся проблемы экономических кризисов и повышение уровня равенства совпадают с растущим осознанием того, что нынешние социально-технические системы удовлетворения наших основных потребностей – будь то в продовольствии, энергии, мобильности, материалах, воде или ресурсах в целом – являются неустойчивыми. Хотя имеющиеся модели научно – технической политики, сформировавшиеся после Второй мировой войны, сохраняют свою актуальность, они не дают достаточных ориентиров для преодоления существенных негативных последствий социально-технической системы современного экономического роста, в которую они внесли свой вклад и которую они разделяют. Мы полагаем, что настало время более решительно сформулировать и на практике поэкспериментировать с разработкой научно – технической и инновационной политики, в которой особое внимание уделяется изменению социально-технической системы. Можно выделить три аспекта политики в области науки и техники, два из которых уже систематически используются в научных дискуссиях. Каждая из этих элементов включает в себя модель инноваций, которая определяет роли участников и описывает действия, которые могут быть предприняты для достижения целей, которые также являются частью системы, которые мы рассматриваем. Третья структура, в которой рассматриваются вопросы изменения социально-технической системы, остается недостаточно проработанной, хотя она незримо присутствует в научных дискуссиях в течение многих лет. Примечательно, что недавно она была признана ОЭСР [26, стр. 18-25].

Первая концепция ориентирована на инновации в интересах роста, использование потенциала науки и техники в интересах процветания и создание социально-технических систем, ориентированных на массовое производство и потребление. Он возникал по мере того, как формировался устойчивый акцент на современном экономическом росте, две центральные черты которого С. Кузнец [20, стр. 247-258] определил, как наукоемкую промышленность и устойчивое улучшение производительности факторов производства. Однако, с точки зрения политики в области науки, техники и инноваций, эта формулировка оставалась молчаливой или невнятной до окончания Второй мировой войны, когда она была расширена до формирования нового видения роли государства в работах В. Буша [6, стр. 33-45] и других исследователей.

Вторая концепция – национальные системы инноваций – возникла в 1980-х годах для

описания некоторых последствий для отдельных национальных государств опыта современного экономического роста – интенсификации международной конкуренции, глобализации, перспектив отставания и перспектив наверстывания упущенного. Некоторые особенности второй концепции в неартикулированной форме присутствовали в более ранние годы, оказывая большее влияние на практику, чем на обоснование или теорию научно – технической и инновационной политики.

Третья концепция – трансформирующее изменение – находится в процессе становления, и его контуры стали яснее в последние годы. Стремление к преобразованиям были недавно описаны в Целях устойчивого развития ООН [40, стр. 17-25], опубликованного в 2015 году. К ним относятся искоренение нищеты и сокращение неравенства во всех его формах, поощрение инклюзивных и устойчивых систем потребления и производства, борьба с изменением климата и многое другое. Эта третья концепция включает в себя вопрос о том, как использовать научно – техническую политику для удовлетворения социальных потребностей и решать вопросы устойчивого и инклюзивного общества на более фундаментальном уровне, чем предыдущие концепции или связанные с ними тренды.

Появление новой концепции не обязательно заменяет существующие. Однако, системы конкурируют друг с другом за привлечение внимания регуляторов и, в конечном счете, научного сообщества. Легитимность обоснований и аргументов в пользу конкретной политики и вытекающих из нее действий зависит от преобладания и понимания рамок этих систем. Наша цель в этой статье – изучить историческое развитие всех трех концепций, иллюстрируя, как каждая из них возникает в ответ на научные дебаты, в связи с изменением социальных и экономических условий. В конечном счете, мы полагаем, что исследования, эксперименты и размышления о третьей концепции должны быть приоритетом при любом рассмотрении текущей научно – технической и инновационной политики, поскольку для нас инновации охватывают весь процесс от научных открытий до их использования. Однако мы не утверждаем, что первая и вторая концепции становятся избыточными; они имеют свое собственное обоснование, которое по-прежнему актуально сегодня и может быть совершенствовано. Фактически на практике это будет отражать некое смешение концепций. Однако более глубокое обсуждение и конфронтация концепций и процесс их критического осмысления как учеными, так и регуляторными органами являются важными и давно назревшими, поскольку концепции оказывают всепроникающее воздействие на практику.

2. Концепция 1: инновации в интересах роста

Опасения по поводу будущего промышленно развитых экономик проявились после Второй мировой войны. Были высказаны опасения относительно возможности возобновления безработицы, инфляции и экономической нестабильности, а роль государства в мобилизации и проведении военных действий узаконила вмешательство государства, которое ранее рассматривалось скептически, особенно в британском и американском контексте. До войны существовали значительные различия между странами в поддержке государством исследований и разработок (НИОКР), но за некоторыми исключениями, такими как сельскохозяйственные исследования в США и Европе, эти усилия были прямым следствием роли государства в конкретных видах деятельности, таких, как оборона, телекоммуникации, медицинские исследования, геологические изыскания и строительные работы [38, стр. 3-24]. После войны и в связи с последовавшей за ней «холодной войной» возник энтузиазм в отношении расширения роли государства в проведении научных исследований, которые, как ожидалось, обеспечат мир и принесут промышленные выгоды. Оборонные научно-исследовательские институты настаивали на переносе своих исследований за пределы военных рынков [13, стр. 10-16].

Сложился широкий консенсус в отношении того, что государство может и должно играть активную роль в финансировании научных исследований, исходя из того, что новые научные открытия будут осуществляться на практике в рамках прикладных НИОКР частного сектора. Было также признано, что наука вносит существенный вклад в модернизацию промышленности – заменяя

отдельные практики и традиции продолжением и интенсификацией научного управления, о чем свидетельствуют тейлоризм и фордизм.

Внимание к вопросам прикладных исследований и технологических разработок и их трактовка фирмами в качестве инвестиций указывают на недостатки, выходящие за рамки довоенного акцента на НИОКР, в котором особое внимание уделяется открытиям и изобретениям. Для того, чтобы эти инвестиции окупились, потребовалась коммерциализация изобретения. Коммерциализация могла бы произойти только в том случае, если бы за изобретением последовало значительное число заказчиков. Фактически, структура, описывающая происхождение и природу изобретения, унаследованная от прошлого, претерпевает изменения. Изначально это было связано с акцентом на НИОКР в качестве инвестиций и привело к вопросам о темпах «имитации» (или диффузии) новой продукции. Чтобы охватить эти процессы и отличить изобретение от более сложных процессов прикладных исследований, разработок и коммерциализации, стало использоваться слово «инновации». Самым простым определением инноваций в этом контексте является коммерциализированное изобретение.

Однако, в конце 1950-х годов предположения в пользу экономических выгод науки вызвали пересмотр роли научно – технического знания как с эмпирической, так и с теоретической точек зрения. Эмпирически связь между факторами производства и ростом производства была пересмотрена М. Абрамовичем [1, стр. 5-23], Р. Солоу [34, стр. 312-320] и другими. Абрамович и Солоу продемонстрировали, что вклад труда и прироста капитала далеко не объясняет рост экономического производства, оставляя большой «остаток», который Солоу приписал технологическим изменениям и который Абрамович назвал “своего рода мерой нашего незнания причин роста в Соединенных Штатах” [1, стр. 5-23]. С точки зрения научно – технической политики эта работа, как представляется, подтверждает преимущества, которые наука предоставляет экономике. Значимость «остатка» спровоцировала рост интереса социологов и регуляторов к процессам технологических изменений. Это также привело к пересмотру обоснования государственного вмешательства в деятельность исследовательского предприятия.

Четкое признание того, что для науки требуются инвестиции, в сочетании с эмпирическим пониманием того, что технологические изменения являются самым крупным фактором экономического роста, представляет собой теоретический вопрос для экономистов. Именно в этом контексте Р. Нельсон [26, стр. 187-193] и К. Эрроу [2, стр. 609-625] задались вопросом – достаточны ли стимулы участников рынка для получения социально желаемого уровня научных знаний? Их отрицательный ответ отражал природу научного знания (проблемы ‘присвоения’ или владения им) и логику рынка (фирма, осуществляющая расходы, которые в равной степени принесут пользу конкурентам, не принимает рационального экономического решения, поскольку конкуренты могут свободно производить и получать ценовое преимущество, не делая расходов на исследования). Таким образом, экономическая теория давала убедительное обоснование для государственной поддержки только одного компонента инноваций (открытия или изобретения).

Хотя регуляторы положительно относятся к государственной поддержке, почти ни одна страна не может позволить себе делать все в области науки и техники. Выбор необходим. Это привело к разработке механизмов выбора между конкурирующими альтернативами. Выдающимся механизмом, который развивался в течение 1980-х и 90-х годов, был технологический форсайт [23, стр. 43-48]. Форсайт-деятельность является одним из средств привнесения общественных соображений в процесс отбора, но на практике часто доминируют воспринимаемые технологические возможности.

Между тем, после ряда работ Р. Пребиша [29, стр. 24-31] и Х. Сингера [32, стр. 473-485] доктрина импортозамещения заставила ряд стран, особенно в Латинской Америке, отказаться от общей тенденции к более либеральным международным торговым тарифам в целях создания собственного инновационного потенциала и зарождающихся отраслей. Те же самые виды политики применяются в Восточной Азии, возможно, с большей степенью ориентации на конкретные отрасли

и с явным намерением создать экспортный потенциал, а не импортозамещение. Хотя в основном брошенные 1990-х годов, многие пришли к выводу, что эта политика оказала позитивное влияние в Восточной Азии и некоторые утверждали, что эта политика оказала положительное влияние в латиноамериканском контексте, например, Р. Колистет [8, стр. 14-23]. Успех этой политики также способствовал появлению второй основы для научно – технической и инновационной политики с упором на национальные системы инноваций.

3. Концепция 2 – национальные системы инноваций

Появление концепции 2 было реакцией на воспринимаемую неполноту первой концепции и на некоторые последствия использования этой модели. Опыт экономического роста после Второй мировой войны, который продолжался с относительно небольшими перерывами до нефтяных шоков 1970-х годов и серьезного спада 1981 года (часто именуемого в Европе экономическим кризисом), усилил конкуренцию между странами и высветил различия в инновационных и производственных показателях национальной промышленности. В 80-е годы стало также более очевидным, что конвергенция между странами с более высоким и более низким уровнем дохода происходит гораздо более медленными темпами, чем это можно было бы объяснить с помощью первого подхода, согласно которому научно – технические знания являются глобальным общественным благом – в принципе, доступным для всех в мире. Предполагаемого глобального догоняющего развития в результате передачи технологий не произошло, за исключением «тигров» в Восточной Азии. Объяснение такого положения дел в соответствии с первой концепцией заключалось в том, что более богатые страны защищают и сдерживают научно – технические знания, тем самым лишая другие страны возможности использовать эти знания для участия в процессе «догоняющего» развития. Эта идея была оспорена Л. Соете [33, стр. 32-39], который отметил, что промышленная структура технологических компаний часто содержит небольшие или средние фирмы, которые могут и хотят продавать технологии (например, лицензировать патенты, продавать передовые капитальные товары или приобретать по ценам ниже, чем подразумеваемые затраты на воспроизведение их технологий).

Эти сложности в применении концепции 1 заставили ученых пересмотреть линейную модель инноваций, лежащую в основе этой концепции. Было указано на четыре важных изменения. Во-первых, было признано, что научно-технические знания зачастую содержат важные незримые элементы, а не являются глобальным общественным благом. Знание не свободно перемещалось на географические и культурные расстояния, а было «липким» [41, стр. 429-439]. Во-вторых, способность поглощать знания из всемирной сети исследований и исследователей зависит от поглощающей возможности [7, стр. 569-596], которые требуют предварительного опыта исследований. В-третьих, «поглощающими способностями» были признаны социальные возможности, обусловленные не только уровнем образования, но и его качествами и социальной способностью предпринимательства. В-четвертых, был признан кумулятивный и зависимый от пути характер технологических изменений [9, стр. 7-15]. Существует баланс между крупными прорывными инновациями, которые изменяют траектории поиска и совершенствования, и накопительными инновациями, призванными усилить и укрепить существующие.

Эти изменения базовой модели инновационной деятельности свидетельствуют о том, что могут существовать важные международные различия в способности к инновационной деятельности и что основное внимание уделяется процессам обучения и отношениям между различными организациями в обществе. К. Фриман [11, стр. 330-348] и Б.-А. Лундвалль [21, стр. 50-55] использовали термин «национальные системы инноваций» для определения различных конфигураций организаций, занимающихся генерированием и использованием научно – технических знаний. Центральное место в этой идее занимало то, что некоторые конфигурации могли бы быть гораздо более эффективными, чем другие, что в значительной степени способствовало бы объяснению весьма неравномерных темпов производственной и инновационной деятельности во всем мире. В частности, К. Фриман

[там же] высказал предположение о том, что Япония внесла важные организационные новшества в генерирование и использование технологических знаний, которые объясняют ее способность догонять и перегонять компании в таких передовых производственных секторах, как автомобили и телевизоры. Линсу Ким также внес значительный вклад, указав, что не только инвестиции в НИОКР, но и локальное обучение способствовали развитию и позволили Южной Корее наверстать упущенное [17, стр. 35-47]. Это понимание подкрепляется растущим эмпирическим признанием того, что инновации часто иницируются пользователями [41, стр. 429-439] или через обратную связь между прикладными исследованиями, разработками и коммерциализацией в том, что Клин и Розенберг называли моделью цепного звена инноваций [18, стр. 275-305].

Со временем стало ясно, что процессы технологических изменений неравномерны как во времени, так и в пространстве. Кластеры инноваций, которые реструктурируют конкретные сектора, характеризуются как разрушительные или крупные инновации из-за их воздействия на действующие фирмы и рабочие места. Хотя общий оптимизм, выраженный первой и второй рамками в отношении последствий этих изменений для социального обеспечения, преобладал на протяжении всего XX века, масштабы неравенства доходов в странах с высоким уровнем дохода возросли. Ряд стран со средним уровнем дохода, как представляется, оказались в ловушке зависимости от роста и торговли на основе природных ресурсов, и хотя группа БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) является частичным исключением, многие страны с низким уровнем дохода добились незначительного прогресса в преодолении отставания. Неясно, приведут ли увеличение инвестиций в НИОКР и создание национальных инновационных систем к развитию и наверстыванию упущенного. Также задаются вопросы, позволят ли эти инвестиции сократить неравенство и решить социальные проблемы. Они могут даже углубить, потому что только небольшая часть населения получит основные выгоды от этих инвестиций. Кроме того, воздействие выбросов парниковых газов на изменение климата, воздействие объема бытовых и промышленных отходов на окружающую среду и другие внешние факторы, обусловленные динамикой роста в рамках первого и второго этапов, свидетельствуют о том, что модель регулирования, привязанная к базовой инновационной модели, не способна устранить эти внешние факторы. Для решения социальных (неравенство, нищета) и экологических проблем необходимо сосредоточить внимание на направленности социально-технических систем и применять более широкий и инклюзивный подход. Эти особенности не полноценно охватываются в первой и второй концепциях.

4. Концепция 3: трансформационные изменения и социально-технические системы

Вот уже десять лет правительства признают, что им, возможно, потребуется лучше увязывать социальные и экологические проблемы с инновационными целями. Изменение климата, сокращение масштабов равенства, нищета и загрязнение окружающей среды превратились в вызовы и возможности для научно – технической и инновационной политики. В рамках таких инициатив, как «Горизонт 2020», ЕС ожидает, что инновации позволят решить ряд социальных проблем и, например, будут способствовать переходу к низкоуглеродной и инклюзивной экономике. В Лундской декларации 2015 года четко определены приоритеты подготовки нового поколения исследователей, которые будут иметь навыки для решения больших социальных проблем, подкрепленных отличной исследовательской базой. Кроме того, недавно подписанное в Париже соглашение об изменении климата поставило амбициозную цель-достичь нулевых выбросов углерода во второй половине века, и Организация Объединенных Наций сформулировала 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), призывая к «зеленому производству», росту социальной справедливости, справедливому распределению благосостояния, устойчивому потреблению и производству.

Можно ли ожидать, что инновации позволят решить эти проблемы? Научно – техническая и инновационная политика основана на предположении о том, что инновации являются движущей силой создания лучшего мира. Идея заключается в том, что развитие новых технологий приведет к

повышению производительности труда и экономического роста, обеспечит лучшие конкурентные позиции. Ожидается, что оставшиеся внешние факторы можно регулировать. В дальнейшем инновационная политика фокусируется на стимулировании НИОКР и создании национальных инновационных систем. Предполагается, что такая политика может привести к «зеленому» росту, в рамках которого правительства смогут инвестировать в миссии по внедрению экологически чистых технологий, сокращению загрязнения и очистке окружающей среды. Предполагается также, что неравенство будет сокращаться за счет новых рабочих мест, создаваемых в результате роста и перераспределения доходов. Главная проблема заключается в том, действительно ли государство в состоянии выполнить эту задачу.

А ещё более фундаментальная проблема заключается в том, можно ли реально управлять внешними факторами, порождаемыми такими темпами роста, как изменение климата, с помощью экологически чистых технологий и мер распределения, даже при наличии сильного государства. Наше основное предложение заключается в том, что существующие НИОКР и национальные системы инновационных рамок для научно – технической и инновационной политики непригодны для решения экологических и социальных проблем. Важная причина заключается в том, что обе концепции 1 и 2 предполагают, что стимулирование инноваций является позитивным, нет глубокого взаимодействия с тем фактом, что инновации всегда представляют определенную направленность. Конечно, обе структуры признают, что развитие технологий может привести к некоторым плохим результатам в краткосрочной перспективе, но утверждается, что общая выгода компенсирует это. Например, инновации могут привести к безработице в секторах, переживающих быстрые технические изменения; однако в долгосрочной перспективе от этого выиграют все, поскольку будут созданы новые высококачественные рабочие места. Именно по этой причине Й. Шумпетер [31, стр. 42-55] рассматривал технические изменения как процесс созидательного разрушения. Однако, как напоминает Л.Соете [33, стр. 1-13], инновация также может привести к разрушительному созиданию, принося пользу немногим за счет многих, приводя к низкокачественным рабочим местам и создавая больше проблем, чем решает. Мы считаем, что пришло время признать в рамках нашей инновационной политики, что многие технологии глубоко связаны с сохраняющимися экологическими и социальными проблемами. Инновации вносят огромный вклад в нынешнюю ресурсоемкую, расточительную и основанную на ископаемом топливе парадигму массового производства и массового потребления [24, стр. 34-36]. Она также вносит непосредственный вклад в неравенство, поскольку современные инновационные траектории благоприятствуют высокотехнологичным решениям, предполагающим наличие высококачественной и всепроникающей инфраструктуры, и производят массовую продукцию, ориентированную в основном на потребителей с существенной покупательной способностью [16, стр. 81-87]. Инновационная политика в ее нынешнем формате может привести к экономическому росту, но часто усугубляет неравенство. Даже такой быстрый рост, как в Китае, сопровождается ростом неравенства [10, стр. 30-43]. Отправной точкой новой третьей рамочной программы в области науки, техники и инновационной политики должно стать то, что инновации нельзя приравнять к социальному прогрессу, даже при наличии корректирующей социальной политики. В конце концов, инновации сами по себе могут вызывать растущий набор внешних эффектов. Как же тогда наука, техника и инновационная политика могут решить двойную социальную и экологическую проблему?

Мы полагаем, что для решения амбициозных задач, выраженных, например, в ЦУР, необходима новая структура инновационной политики. Это то, что мы называем концепцией 3, направленной на трансформационные изменения. Возникает вопрос – что нужно трансформировать? На основе исследований в области переходов к устойчивому росту мы считаем, что трансформация социально-технических систем необходима в энергетике, мобильности, продовольствии, воде, здравоохранении, коммуникации, системообразующих системах современных обществ [15, стр. 61-63]. Трансформация социально-технической системы сильно отличается от разработки новых радикальных технологических

решений. Это то, что мы называем социально-техническим системным переходом, он подразумевает совместное производство социальных, поведенческих и технологических изменений взаимосвязанным образом. Трансформация (или переход) социально-технической системы связана с изменением навыков, инфраструктуры, отраслевых структур, продуктов, правил, предпочтений пользователей и культурных пристрастий. Речь идет о радикальном изменении всех элементов конфигурации. Это также затрудняет системные переходы, поскольку элементы имеют тенденцию выравняться и усиливать друг друга. Она предполагает социальные инновации, поскольку основное внимание уделяется многим социальным элементам и их связи с технологическими возможностями. Это могут быть как высокотехнологичные решения, так и инновации в старых технологиях (велосипеды в примере выше). Системная инновация всегда включает в себя множество действующих лиц, включая гражданское общество и пользователей, которые могут играть решающую инновационную роль – а не просто формулировать спрос, который должен быть обеспечен инновациями фирмы [28, стр. 45-49].

Наконец, необходимо решить проблему рефлексивности. Для К. Вебера и Х. Рорахера [42, стр. 1037-1047] речь идет о способности контролировать, предвидеть и вовлекать всех участников в процесс самоуправления трансформационных изменений. Это действительно важно, но с точки зрения неудачи мы хотели бы подчеркнуть особую форму рефлексивности, которая связана с глубоким обучением (или обучением второго порядка), которое происходит, когда участники ставят под сомнение свои основополагающие предположения, например, о мобильности и потреблении энергии [30, стр. 1045-1059]. Глубокое обучение предполагает, что участники критически оценивают свои предпочтения и экспериментируют с альтернативами. Это то, что должно быть связано с отказом от рефлексивности: стимулирование способности смотреть издалека (это может быть воображаемое будущее; или набор социальных и экологических проблем) на свои собственные глубоко укоренившиеся процедуры, которые управляют коллективным поведением и социально-техническими изменениями в направлении оптимизации вместо трансформационных изменений.

5. Выводы

В концепции 3 поднимаются вопросы о недостатках науки, техники и инноваций в решении вопросов устойчивости и несправедливого распределения доходов. Эти недостатки в значительной степени остаются за рамками концепций инновационной политики 1 и 2. Это делает эти концепции частично несовместимыми. Тем не менее, наша формулировка концепции 3 не подразумевает, что мы считаем, что регуляторы должны полностью отказаться от концепций 1 и 2. Инвестиции в инфраструктуру знаний и НИОКР являются важным компонентом любой научно – технической и инновационной политики, а также укрепления комплекса связей между основными субъектами и поощрения продуктивного взаимодействия и процессов обучения между ними в контексте национальных, секторальных, региональных и фактически транснациональных инновационных систем.

Последний вопрос заключается в том, являются ли трансформационные изменения чрезмерно амбициозной целью для научного и экспертного сообщества, которое в настоящее время занимается политикой в области науки, техники и инноваций. С одной стороны, ответ однозначно утвердительный: такие изменения не могут быть достигнуты исключительно с помощью политики в области НТИ.

Таким образом, трансформирующую инновационную политику следует рассматривать как ответ на то, что происходит в современном переходном мире. Мы хотели бы добавить, что проблемы, определенные и выраженные в ЦУР, очень реальны. Если неравенство станет более серьезным, то последствия изменения климата и загрязнения начнут ощущаться сильнее, что приведет, например, к увеличению миграции и, возможно, даже будет способствовать возникновению новых проблем социально-экономического характера, что в конечном счете вынудит правительства и других субъектов принять ответные меры. Наука, техника и инновации должны стать частью этих ответных

мер, поскольку они в огромной степени связаны с созданием всех этих так называемых внешних факторов. Поэтому регуляторным органам и исследователям в этой области необходимо разработать не только новые концепции, но и начать экспериментировать с новой практикой в области политики. Они должны быть направлены на решение двойных социальных и экологических проблем и способствовать мирному и недорогостоящему переходу к новым социально-техническим системам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Abramovitz, M., 1956. Resource and output trends in the United States since 1870. *Am. Econ. Rev.* 46 (2), 5 – 23.
2. Arrow, K.J., 1962. Economic welfare and the allocation of resources for invention. In: Nelson, R. (Ed.), *The Rate and Direction of Inventive Activity*. National Bureau of Economic Research and Princeton University Press, Princeton NJ, pp. 609 – 625.
3. Arthur, W.B., 1983. On Competing Technologies and Historical Small Events: the Dynamics of Choice Under Increasing Returns. IIASA Working Paper WP-83-090. IIASA, Laxenburg, Austria.
4. Bardi, U., 2011. *The Limits to Growth Revisited*. Springer, New York, NY.
5. Benford, R.D., Snow, D.A., 2000. Framing processes and social movements: an overview and assessment. *Annu. Rev. Sociol.* 26, 611 – 639.
6. Bush, V., 1945. *Science: The Endless Frontier: A Report to the President on a Program for Postwar Scientific Research*. United States Office of Scientific Research and Development (1945), National Science Foundation (reprint 1960), Washington DC.
7. Cohen, W.M., Levinthal, D.A., 1989. Innovation and learning: the two faces of R&D. *Econ. J.* 99 (397), 569 – 596.
8. Colistete, R.P., 2010. Revisiting Import-substituting Industrialisation in Post-war Brazil. Downloaded on 14 July 2018 from. Department of Economics, University of Sao Paulo. Munich Personal RePEc Archive. https://mpira.ub.uni-muenchen.de/24665/1/MPRA_paper_24665.pdf.
9. David, P.A., 1975. *Technical Choice, Innovation and Economic Growth*. Cambridge University Press, Cambridge.
10. Dutrénit, G., Sutz, J. (Eds.), 2014. *National Systems of Innovation. Social Inclusion and Development. The Latin American Experience*. Edward Elgar, Cheltenham UK.
11. Freeman, C., 1988. Japan: a new national system of innovation. In: Dosi, G., Freeman, C., Nelson, R.R., Silverberg, G., Soete, L. (Eds.), *Technical Change and Economic Theory*. Pinter Publishers, London, pp. 330 – 348.
12. Frenken, K., 2017. A Complexity-theoretic Perspective on Innovation Policy. *Complexity*. Downloaded on 14 July 2018 from. *Governance and Networks*, pp. 35–47. [http:// ubp.uni-bamberg.de/ojs/index.php/cgn/article/view/41/pdf](http://ubp.uni-bamberg.de/ojs/index.php/cgn/article/view/41/pdf).
13. Galison, P., Hevly, B. (Eds.), 1992. *Big Science: The Growth of Large-Scale Research*. Stanford University Press, Stanford CA.
14. Goffman, E., 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of the Experience*. Harper Colophon, New York NY.
15. Grin, J., Rotmans, J., Schot, J., 2010. *Transitions to Sustainable Development: New Directions in the Study of Long Term Transformative Change*. Routledge, New York NY.
16. Kaplinsky, R., 2011. Schumacher meets Schumpeter: appropriate technology below the radar. *Res. Policy* 40 (2), 193 – 203.
17. Kim, L., 1999. *Learning and Innovation in Economic Development*. Edward Elgar, Cheltenham UK.
18. Kline, S.J., Rosenberg, N., 1986. An overview of innovation. In: Landau, R., Rosenberg, N. (Eds.), *The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth*. National Academic Press,

Washington D.C, pp. 275 – 305.

19. Kuznets, S., 1973. Modern economic growth: findings and reflections. *Am. Econ. Rev.* 63 (3), 247–258.

20. Lundvall, B.-A., Joseph, K.J., Chaminade, C., et al., 2009. *Handbook of Innovation Systems and Developing Countries*. Edward Elgar, Cheltenham UK.

21. Markard, J., Raven, R., Truffer, B., 2012. Sustainability transitions: an emerging field of research and its prospects. *Res. Policy* 41 (6), 955 – 967.

22. Martin, B., Irvine, J., 1989. *Research Foresight: Priority Setting In Science*. Pinter, London.

23. Meadows, D.L., Randers, J., Meadows, D.L., 2004. *Limits to Growth: The 30-Year Update*. Chelsea Green, White River Junction VT.

24. Mowery, D.C., Rosenberg, N., 1989. *Technology and the Pursuit of Economic Growth*. Cambridge University Press, Cambridge.

25. Nelson, R.R., 2013. In: Fagerberg, Martin, Andersen (Eds.), *Reflections on the Study of Innovation and on Those Who Study It*, pp. 187 – 193 2013.

26. OECD, 2015. *System Innovation: Synthesis Report*. OECD, Paris.

27. Oudshoorn, N., Pinch, T. (Eds.), 2003. *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technology*. MIT Press, Cambridge, MA.

28. Prebisch, R., 1950. *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. United Nations Department of Economic Affairs, Lake Success, NY.

29. Schot, J., Kanger, L., 2018. Deep transitions: emergence, acceleration, stabilization and directionality. *Res. Policy* 6, 1045 – 1059.

30. Schumpeter, J.A., 1949. *The Theory of Economic Development*. Harvard University Press, Cambridge MA.

31. Singer, H., 1950. The distribution of gains between investing and borrowing countries. *Am. Econ. Rev.* 40 (2), 473 – 485.

32. Soete, L., 2013. From emerging to submerging economies: new policy challenges for re-search and innovation. *Sci. Technol. Innov. Policy Rev.* 4 (1), 1 – 13.

33. Solow, R.M., 1957. Technical change and the aggregate production function. *Rev. Econ. Stat.* 39 (3), 312 – 320.

34. Steffen, W., Richardson, K., Rockström, J., 2015. Planetary boundaries: guiding human development on a changing planet. *Science* 347 (6223), 736 – 746.

35. Steward, F., 2012. Transformative innovation policy to meet the challenge of climate change: socio-technical networks aligned with consumption and end-use as new transition arenas for a low-carbon society or green economy. *Technol. Anal. Strateg. Manag.* 24 (4), 3331 – 3343.

36. Taylor, C., 2003. *Modern Social Imaginaries*. Duke University Press, Durham NC.

37. Tindemans, P., 2009. Post-war research, education and innovation policy-making Europe. In: Delanghe, H., Muldur, U., Soete, L. (Eds.), *European Science and Technology Policy: Towards Integration or Fragmentation?* Edward Elgar, Cheltenham UK, pp. 3 – 24.

38. Turnheim, B., Geels, F.W., 2012. Regime destabilisation as the flipside of energy transitions: lessons from the history of the British coal industry (1913-1997). *Energy Policy* 50, 35 – 49.

39. Von Hippel, E., 1988. *The Sources of Innovation*. Oxford University Press, New York NY. von Hippel, E., 1994. ‘Sticky information’ and the locus of problem solving: implications for innovation. *Manag. Sci.* 40 (4), 429 – 439.

40. Weber, K.M., Rohracher, H., 2012. Legitimizing research, technology and innovation policies for transformative change. Combining insights from innovation systems and multi-level perspective in a comprehensive ‘failures’ framework. *Res. Policy* 41, 1037 – 1047.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ ПОНЯТИЯ, СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Никифорова Юлия Михайловна

аспирант,
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
кафедра «Экономики и управления предприятиями и производственными комплексами»
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: nikiforova.yu.m@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрена значимость интеллектуального капитала (далее ИК) с точки зрения концепции управления стоимостью фирмы. Проанализированы теоретические аспекты в подходах к формулированию трактовок ИК, объяснению сущности и установлению его структурных элементов. Благодаря анализу раскрыта сущность ИК как ресурса, потенциала и результата, одновременно выступающих формациями производства и воспроизводства данного капитала. На каждой стадии капиталу присущи свои отличительные признаки, для ИК – ресурса характерен факт наличия, для ИК – потенциала возможность получения полезного эффекта, а ИК – результат изображен в виде актива, наделенного стоимостью. Разобраны наиболее известные в научной литературе подходы к структуризации ИК и выявлены новые компоненты ИК: духовный капитал, социальный, культурно-нравственный и креативный капитал. В работе обсуждена структура ИК относительно объекта и целей исследования (типа компаний), а также определена важность управления ИК в данного рода фирмах. Предложена новая структура ИК в целях управления капиталом и увеличения стоимости компании, благодаря взаимосвязи составных компонентов человеческого (далее ЧК) и структурного (далее СК) капиталов. Конкретизированы элементы структуры ИК и выявлен в структурном капитале новый составной элемент – ценностный капитал, выраженный через ценности компании: миссию, цели, вид деятельности, продукцию, услуги, имидж, корпоративную культуру и т.д.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; сущность, производство и воспроизводство капитала; человеческий капитал; ценностный капитал; управление стоимостью компании; отношенческий капитал.

JEL: E22, O15, G32, J24

ANALYSIS OF THEORETICAL ASPECTS IN THE APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE CONCEPT, NATURE AND STRUCTURE OF INTELLECTUAL CAPITAL

Nikiforova Julia Mikhailovna, Postgraduate Student, Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, St. Petersburg State University of Economics;
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract: This article examines the significance of intellectual capital (hereinafter IC) from the point of view of the concept of firm value management. The theoretical aspects in the approaches to the formulation of interpretations of IC, the explanation of the essence and the establishment of its structural elements are analyzed. Through analysis reveals the essence of the IC as a resource, capacity and results, at the same time projecting formations of the production and reproduction of capital. At each stage, capital has its own distinctive features, the presence of an IC – resource is characteristic, for IC – potential the possibility of obtaining a beneficial effect, and the IC – result is depicted as an asset endowed with value. The most famous in the scientific literature approaches to the structuring of IC are disassembled and new components of IC are revealed: spiritual capital, social, cultural moral and creative capital. The paper discusses the structure of IC with respect to the object and objectives of the research (such as companies), and also determines the importance of managing IC in this kind of firms. A new IC structure was proposed in order to manage capital and increase the value of a company, due to the interconnection of the human capital components (hereinafter the HC) and the structure capital (hereinafter the SC). The

elements of the IC structure were specified and a new constituent element was revealed in the structural capital – value capital expressed through the company's values: mission, goals, type of activity, products, services, image, corporate culture, etc.

Keywords: intellectual capital; essence, production and reproduction of capital; human capital; value capital; company value management; relational capital.

Введение

Зарубежные и российские ученые и экономисты-практики давно проявляют интерес к анализу факторов, которые, так или иначе, воздействуют на характеристики деятельности фирм. Поскольку большинство руководителей компаний желали получить ответы на волнующие их вопросы. В результате чего какая-либо продукция реализуется по сравнительно дорогой цене, в отличие от другой, в то время, как их покупательские качества совершенно идентичны? За счет чего фирме удастся увеличить годовой объем продаж, который иная компания не может достичь даже за несколько лет? Почему в несколько раз может превосходить рентабельность одной компании перед другими ей аналогичными, осуществляющими свою деятельность в той же отрасли? и др.

Безусловно, к одному из важнейших и отличительных признаков, характеризующих результативную жизнедеятельность фирмы, относится её рыночная стоимость, в нее включены: объемы продаж, рентабельность и потенциал компании. К тому же повышение рыночной стоимости (согласно концепции управления стоимостью) в долгосрочном периоде должно быть ключевой целью для каждой компании, а решения руководства при этом должны предприниматься в соответствии с данной задачей. В конце 80-х годов прошлого столетия зарубежными аналитиками при анализе компаний, занимающихся аналогичной деятельностью был выявлен следующий факт, а именно: рыночная стоимость некоторых фирм в несколько раз превзошла оценку их балансовой стоимости (по существу – оценку чистых активов). Тогда как раньше, оценка чистых активов примерно составляла чуть ли не 90 – 95% от рыночной стоимости компании. Больше всего это было заметно на примере высокотехнологичных фирм. Наглядный пример – рыночная стоимость компании Microsoft в 1996 году подскочила до 85,5 млрд. долл. относительно стоимости основного капитала в 930 млн. долл. [26]. Также, согласно экспертным оценкам агентства Arthur Partnees, балансовая стоимость 3500 крупных американских компаний в 1978-м году была 95% от рыночной стоимости, а в 1998-м году данный индекс составил уже 28% [23]. Такое значительное расхождение в оценке активов, воспроизведенных в балансе компании, и ее рыночной капитализации могла бы объяснить концепция интеллектуального капитала (далее ИК). В основе этой концепции, кроме общепринятых видов капитала: материального, финансового, трудового, фирмы располагают капиталом, который основывается на знаниях, опыте, связях, репутации и прочих нематериальных компонентах, благодаря которым формируется доход и создается стоимость. Тема ИК по сей день заслуживает внимания, как с общетеоретической точки зрения, так и со стороны практического применения. Владельцам, руководителям бизнеса, менеджерам высшего звена, заинтересованным в успешной деятельности своих компаний, а значит, и росте их рыночной стоимости необходимо осознавать, из чего складывается ИК компании (т.к. он является неотъемлемой частью всеобщего потенциала фирмы), а также иметь представление, как он может быть учтен, измерен и оценен. Одним словом, как им результативно распорядиться, владеть и управлять. Всё же при значительном количестве научных публикаций в области изысканий ИК, хотелось бы заметить, что эта среда и сейчас признается недостаточно изученной. По мнению Т. Стюарта, который внес существенный вклад в полемику ИК, «большинство бизнесменов желают получить уже готовые ответы и рекомендации на интересующие их вопросы, но даже я не в состоянии этого сделать, поскольку не обладаю достаточными знаниями, чтобы написать “сборник кулинарных рецептов”. ИК – это пока не совсем изведенная область...» [26]. В данной статье будет представлен детализированный подход к пониманию трактовки и сущности

ИК, а также предложено объяснение классификации ИК, т.е. его составных компонентов с точки зрения управления стоимостью компании. Данное исследование было вызвано тем, что содержащиеся в научной литературе трактовки ИК неодинаково излагают его сущность. Поскольку ИК можно рассматривать и как ресурс, и как потенциал, и как результат (и не с позиции результативности как меры достижения результата, а с точки зрения активов и имущества организации). Причем, природа капитала (сущность) предполагает его производство и воспроизводство. Стремление компании к продуктивной и эффективной трансформации капитала с целью увеличения рыночной стоимости может быть обозначено в качестве одной из важнейших задач в управлении фирмой. Стоит отметить, что структурная модель ИК той или иной организации формируется в зависимости от целей и специфики конкретной фирмы, владеющей и распоряжающейся ИК. Если цель организации направлена на управление стоимостью, то в имеющейся (выбранной) структуре ИК должны быть определены: источники возникновения капитала, его способы трансформации и характерная взаимосвязь всех существующих составных компонентов. Элементарную (распространенную) структуру ИК можно отобразить в виде «комбинации» двух видов капитала: ЧК и СК. Объяснения здесь довольно просты, так как именно человек (индивид) выступает источником ИК. В связи с этим, преимуществом в структуре, соответствующей цели управления стоимостью будет обнаружение компонентов ЧК (свойственных индивидуумам) и их взаимоувязка с компонентами структурного капитала, которые используются для обеспечения внутреннего взаимодействия в работе конкретной организации. В данной статье предлагается структура ИК, в которой ЧК представлен следующими элементами: капитал знаний, капитал способностей, духовный капитал и социальный капитал, а элементами структурного капитала выступают процессный, инновационный, ценностный и отношенческий капитал. Увеличение рыночной стоимости фирмы во многом зависит от умения владельцев и руководителей компаний, а также менеджеров высшего звена учитывать и оценивать компоненты ЧК и находить особенно эффективные способы (приемы) трансформации ЧК в СК с последующими этапами производства и воспроизводства используемых элементов ИК.

Сущность и понятие интеллектуального капитала.

На данный момент существует значительное множество трактовок и классификаций ИК, предложенных как зарубежными, так и российскими учеными. Это указывает на то, что в экономический среде нет единого понимания сущности данного вида капитала, а также отсутствует единое мнение по структуре ИК, его важнейшим составляющим. Следует напомнить, что теория ИК основывается на концепции ЧК. Одними из первых, кто представил наиболее современную трактовку ЧК в своих научных публикациях, были американские экономисты Т. Шульц (1961 г.) и Г. Беккер (1962 г.). Впоследствии Г. Беккер – профессор экономики и социологии Чикагского университета – был награжден Нобелевской премией по экономике (1992 г.) за работы в этой области, а сформулированные им постулаты стали теоретической основой для будущих исследований. По мнению Г. Беккера, «ЧК – это содержащий у индивидуума ресурс, представленный комплексом природных способностей, приобретенных знаний, навыков и мотиваций, благодаря действенному и эффективному применению тех или иных, возможен рост доходов и прочих благ» [7]. Термин ИК впервые применил Джон Кеннет Гэлбрейт (1969 г.), отметив тот факт, что «ИК – составляет нечто «большую часть», нежели “чистый интеллект индивида”, это построенная, достаточно правильная и четкая система управления знаниями каждого сотрудника компании, в том числе и руководителей, где в стратегии управления заинтересован весь совокупный персонал, а не отдельная личность» [10]. Согласно определению американского учёного Т. Стюарта, ИК – это совокупность всех знаний и умений работников фирмы, их “коллективная умственная энергия”, отвечающая за конкурентное преимущество компании на рынке и гарантирующая ее конкурентоспособность. ИК – накопленный материал: совокупность патентов, управленческих и деловых навыков, технологий и технических описаний, сведений о клиентах, включая потребителей и поставщиков, а также весь накопленный

опыт [26]. Л. Эдвинссон, член совета директоров шведской компании Skandia, охарактеризовал ИК как «совокупность творческой составляющей ЧК и его производных» [29]. Л. Эдвинссон и М. Малоун выделяли в рамках ИК человеческий и структурный капитал, акцентируя внимание на то, что данные типы капитала порождены человеческими запасами знаний, (ресурсом, которыми обладают сотрудники фирмы) поскольку как раз их совокупность обуславливает скрытые «источники ценности», обеспечивая фирме особую, отличную от других компаний высокую рыночную оценку [30]. К тому же компания Skandia в 1993 году одна из первых в своем годовом отчете вписала сведения о ИК.

Как отмечалось выше, источником ИК выступает индивид (т.е. ЧК), но понятийный смысл ИК в отличие от ЧК имеет наиболее расширенное определение и рассматривается на уровне не каждой личности, а касается общности индивидуумов (относительно коллектива фирмы) и деятельности всей организации в целом. Концепция ИК анализирует формирование капитала в рамках конкретной организации, которая заинтересована в создании стабильного конкурентного преимущества, а значит в развитии, результативном управлении, оценке и учете ИК.

Огромный интерес к проблематике изучения сущности и понятия ИК был проявлен как со стороны зарубежных, так и со стороны российских исследователей, из них стоит отметить: зарубежные экономисты – К. Свейби, Т. Ллойд, Э. Брукинг, П. Салливан, Д. Клейн, Л. Прусак, С. Альберт, Д. Тис, Г. Петраш, Т. Фортюон, Б. Лев, П. Друкер, Н. Бонтис и др.; российские учёные: В. Л. Иноземцев, Б. Б. Леонтьев, Р. И. Капелюшников, В. П. Басов, Л. Мельник, О. Б. Казакова, В. С. Ефремов, О. В. Новосельцев и др. Ниже в таблице 1 и таблице 2 представлена классификация определений ИК по его составляющим, а также конкретизирована сущность ИК (его роли в деятельности фирмы) с точки зрения анализа понятий ИК (с позиции исследователей – экономистов).

Таблица 1 – Структура элементов ИК и конкретизация сущности ИК с позиции зарубежных экономистов [составлено автором]

Экономисты-исследователи	Элементы ИК	В чем проявляется	Сущность ИК
Дж. Гэлбрейт [10]	Система управления знаниями (интеллектуальная деятельность)	—	Ресурс
С. Альберт [1]	Аккумулированные знания и опыт, а также ноу – хау	Источник обновления	Потенциал
Д. Клейн, Л. Прусак [3]	Формализованный и применяемый интеллектуальный материал	Создание ценного актива	Потенциал
Т. Стюарт [26]	Совокупность знаний, информации, накопленный опыт, а также интеллектуальная собственность	Ценности, конкурентные преимущества	Потенциал

К. Свейби, Т. Ллойд [5]	Совокупность способностей, навыков, опыта и специальных знаний	—	Ресурс
Э. Брукинг [8]	Обозначенные нематериальные активы	Конкурентные преимущества	Потенциал
Л. Эдвинссон, П. Салливан [29]	Совокупность знаний	Стоимость	Потенциал
Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем [24]	Все неденежные и нематериальные ресурсы	Ценности	Потенциал

Таблица 2 – Структура элементов ИК и конкретизация сущности ИК с позиции российских учёных [составлено автором]

Экономисты-исследователи	Элементы ИК	В чем проявляется	Сущность ИК
Б. Б. Леонтьев [17]	Стоимость интеллектуальных активов, включая способности, интеллектуальную собственность, базы знаний, деловые отношения	Стоимость	Результат
В. Л. Иноземцев [13]	Аккумулированные знания, информация, собранный опыт, интеллектуальная собственность, информационные сети, выстроенная организационная структура, имидж	—	Ресурс
О. В. Новосельцев [22]	Объекты и права на интеллектуальную собственность, являющиеся имуществом предприятия	Доход	Результат
В. П. Багов и др. [6]	Интеллектуальное богатство	Интеллектуальная и инновационная продукция	Потенциал
Л. Г. Мельник и др. [18]	Умственные способности плюс созданные материальные и нематериальные средства, т.е. нематериальные и материальные активы	Интеллектуальная продукция	Потенциал
О. Б. Казакова и др. [14]	Интеллектуальные ресурсы, умения и навыки	Прибыль	Потенциал
В. С. Ефремов [12]	Совокупность знаний	Передаваемая форма знаний	Ресурс

Г. В. Чернолес [28]	Результаты интеллектуальной деятельности, представленные кодифицированной и материализованной информацией, через способности, навыки, знания	Конкурентное преимущество	Результат
---------------------	--	---------------------------	-----------

Как видно из таблицы 1 и таблицы 2, нет единого суждения в трактовках ИК. Первоначально ИК ассоциировался с «интеллектуальной деятельностью» (Дж. Гэлбрейт), «интеллектуальным материалом» (Д. Клейн, А. Прусак), далее «со знаниями, информацией, интеллектуальной собственностью» (Т. Стюарт), и лишь с эволюцией концепции ИК состав элементов ИК несколько расширился, и впоследствии в ИК были включены «способности, навыки, опыт, коммуникации, деловые отношения, образование, научная деятельность, мотивация, организационная структура и т.д.». Стоит отметить, что, как и прежде, в нынешней теории и практике нет «классического» определения понятия ИК, так как нет единства в его структуре, ввиду того, что каждый в отдельности исследователь по-своему рассматривает данный тип капитала. Изучение имеющихся определений ИК, предложенных сторонниками концепции ИК, с точки зрения характеристик капитала предполагает конкретизацию ИК по его сущности. Это значит, что ИК можно рассматривать на этапах развития и функционирования компании как ИК – ресурс, ИК – потенциал, ИК – результат. На рисунке 1 представлено деление ИК, согласно его ключевым характеристикам развития.

Рисунок 1 – Деление ИК по ключевым характеристикам, определено автором на основе данных таблицы 1 и таблицы 2

Хотелось бы добавить, что трактовки ИК, представленные авторами в таблицах 1 и 2, имеют авторские представления, так как каждый исследователь имел собственную точку зрения, выделяя приоритеты (преимущество) в установлении и объяснении ключевых характеристик капитала. И следует заметить, что каждый был прав. Нельзя не подчеркнуть, что ИК как капитал – ресурс (источник), капитал – потенциал (возможности), капитал – результат (активы, имущество) принимает участие в создании добавленной стоимости, повышая эффективность процессов производства, обеспечивая при этом стабильное конкурентное преимущество (далее СКП) фирме, а также одновременно увеличивает рыночную стоимость компании, т.е. ведет к росту ее капитализации (это ее рыночная стоимость, которая представлена произведением цены акций, согласно биржевым котировкам на общее их число (Р. Кох)). Рост данной стоимости находит свое отражение в балансе

(активе).

Исследователи, рассматривая ИК как ресурс, ставили на первое место его фактическое существование, поэтому в их трактовках большее предпочтение было уделено установлению и факту наличия составляющих капитала. Примерами данного утверждения могут служить определение В. Л. Иноземцева, т.к. по его мнению: «ИК – это аккумулированные знания, информация и собранный опыт, специфические по своей природе и формам участия в производственном процессе факторы, которые внутри компании приобретают черты, присущие ИК» [13], а также, формулировка, данная В. С. Ефремовым, который расценивал ИК как «совокупность знаний, коими распоряжается и которые использует та или иная фирма, причем они отражены в ясной, определенной и достаточно быстро и легко передаваемой форме» [12].

Изучая ИК в качестве потенциала (т.е. возможности), учеными делался акцент на возможном (видимом) извлечении от применения капитала любого общепольного для компании эффекта. Т. Стюарт видел в этом «ценности» и «конкурентные преимущества», Л. Эдвинссон и П. Салливан – «стоимость», С. Альберт – «источник обновления», Д. Клейн и Л. Прусак – «ценность активов», Э. Брукинг – «конкурентные преимущества». Российские экономисты-исследователи полагали, что полезный результат ощущается в «прибыли» (О. Б. Казакова), в «интеллектуальной и инновационной продукции» (В. П. Багов и др.) и т.д. К тому же предполагаемый результат от применения капитала (ИК – потенциал) во многом зависит от сложившихся обстоятельств, условий и реально существующей среды, где образовался и задействовался капитал.

ИК – результат учеными признается как сформировавшийся актив, по сути, генерированный доход, который обладает стоимостью. Примером могут служить оформленные нематериальные активы – права, торговые марки и пр. ИК – как результат исследовали многие учёные. Исходя из данного подхода, Б. Б. Леонтьев сформулировал следующее утверждение: ИК – это стоимость интеллектуальных активов, включая интеллектуальные способности (как природные, так и приобретенные) и навыки персонала, интеллектуальную собственность, накопленные базы знаний и деловые отношения [17]. Сторонником этого же подхода, О. В. Новосельцевым, ИК рассматривался в виде объектов и прав на интеллектуальную собственность, являющихся имуществом предприятия, применяемых в ходе жизнедеятельности организации и обеспечивающих ей доходность [22]. В свою очередь, О. Г. Чернолес – будучи также сторонницей данного подхода в своих исследованиях в области ИК, сопоставляла ИК непосредственно с «результатами интеллектуальной деятельности» [28].

Как отмечалось выше, ИК на этапах своего развития проходит стадии производства и воспроизводства. Обсуждаемые ранее ключевые характеристики ИК (т.е. его сущность) могут напрямую отображать ступени производства и воспроизводства капитала. На рисунке 2 показаны формации ИК, которые проходит капитал через трансформацию из одной формы (характеристики) в другую.

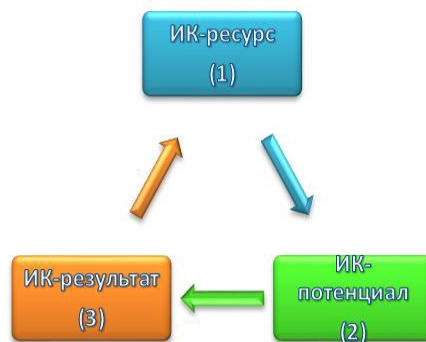

Рисунок 2 – Производство и воспроизводство ИК, согласно его ключевым характеристикам

Как видно на рисунке 2, на начальной стадии ИК выполняет роль ресурса, далее в зависимости

от конкретной ситуации он может трансформироваться (преобразоваться) в потенциал, а в процессе своей реализации приобретает значение результата. Причём, ИК – результат может, в конечном счете, предстать одновременно и ресурсом, который будет впоследствии задействован в целях достижения следующего очередного результата, т.е. воспроизводства и приращения ИК. Наглядный пример: индивид, обладающий способностями, как природными, так и приобретенными, а также умениями и знаниями является ИК – ресурсом. Но как только он оказывается оформленным на работу в какую-либо компанию, его конкретные знания, способности и навыки для данной организации приобретают функцию (характеристику) капитала – потенциала. Затем, знания работника «воплощенные» в результатах интеллектуальной собственности, в виде разработанных документов, собранной информации, подготовленных баз данных, а также приобретенных в процессе работы сотрудником новых знаний оказываются сразу же и ИК – результатом и ИК – ресурсом. Именно, от формации к формации в процессе передвижения капитала создается стоимость. Поскольку ИК – ресурс образует стоимость относительно оценки понесенных затрат (затратный подход). ИК – потенциал повышает возможность, а именно позволяет задействовать в оценке доходный и рыночный подход. Это когда доход ещё не извлечен (не получен), однако он может быть спрогнозирован и фактически сравнен с доходами компаний, осуществляющими аналогичный вид деятельности. Стоит отметить, что предполагаемый анализ в данном случае имеет довольно обширные границы (т.е. возможности оценки). ИК – результат фактически позволяет трансформировать ожидания в существующий актив, который может быть к тому же определен, выделен, и при необходимости в зависимости от сложившейся ситуации реализован.

К вышеизложенному необходимо добавить, что ряд изыскателей при рассмотрении и анализе понятийного смысла ИК в дополнение вводили отдельные классификации, либо для большего разделения в подходах к капиталу, либо к большей степени, чтобы их совместить. Так, например, К. Эрроу, Г. Саймон, М. Полани обращали внимание, что в структуре капитала имеются «явные» (формализованные, формально оформленные) и «неявные» знания. К «явным» можно отнести исключительные права на объекты интеллектуальной собственности и результаты НИОКР, а именно: патенты на изобретения, товарные знаки, бренды, тогда как «неявные» знания представлены в виде «ценностей», обеспечивающих конкурентные преимущества в ведении и развитии бизнеса. Следовательно, в этом случае «явные» знания отображает ИК – результат, а «неявные» же знания отождествляет ИК – потенциал. В частности, для того чтобы объединить ИК – потенциал и ИК – результат, Х. А. Фасхиевым был предложен «уровень интеллектуального капитала». По мнению автора, это «один из определяющих конкурентоспособность компании интегральный показатель, объединяющий интеллектуальный потенциал, построенный из человеческих, инфраструктурных, маркетинговых активов и интеллектуальной собственности, а также результата его реализации, выраженного через добавленную стоимость за оцениваемый период» [27].

Хотелось бы напомнить, что в финансовой экономике существует понятие «отрицательный капитал», обычно данное определение применяется к некоторым элементам капитала (например: к собственному, оборотному капиталу и пр.), в случае соотношения их со стоимостью других активов компании. Однако, Ю. А. Корчагин, занимающийся исследованиями в области ИК и ЧК, вводит данный термин относительно ЧК. С его точки зрения, понятие «отрицательный человеческий капитал» может быть истолковано следующим образом: это «ничто иное, как запас специфических знаний, даже можно сказать псевдознаний и навыков, а также психологических отклонений у индивида, благодаря которым он получает для себя доходы и блага через аморальную, противоправную, мошенническую, некомпетентную деятельность, тем самым мешая творческой деятельности других лиц в создании ими доходов и новых благ» [16]. Конечно, следует понимать, что формулировка «отрицательный капитал» должна быть применена к ИК – результату, так как ИК – ресурс не может быть отрицательным.

Структура интеллектуального капитала.

Визображении структуры ИК, в равной степени, как и в подходах к осознанию и формулированию трактовок и сущности данного капитала нет единого мнения ни среди учёных-исследователей, ни среди экономистов-практиков. В таблице 3 представлены возможные подходы в определении и систематизации структуры ИК различными экономистами.

Таблица 3 – Подходы в определении и систематизации структуры ИК с позиции известных исследователей [составлено автором]

Экономисты-исследователи	Система компонентов ИК	Детализация компонентов ИК (что входит)
К. Свейби [4]	1. Человеческие компетенции	Умения, знания сотрудников
	2. Внутренняя структура	Процессы, процедуры компании
	3. Внешняя структура	Имидж компании, взаимоотношения с клиентами
Э. Брукинг [8]	1. Рыночные активы	Репутация фирмы, торговая марка, каналы распределения, постоянные клиенты
	2. Интеллектуальная собственность	Патенты, товарный знак, ноу-хау, знак обслуживания, авторское право
	3. Человеческие активы	Знания, умения, профессиональные навыки, психометрические характеристики, стимулы и мотивация, самоорганизация в обучении
	4. Инфраструктурные активы	Специфика управления, организационная культура, управленческие процессы, информационные технологии, отношения с инвесторами, сетевые системы связи
Л. Эдвинссон, М. Малоун [30]	1. Человеческий капитал	Креативность, личные компетенции, социальные навыки и пр.
	2. Структурный капитал	Потребительский (клиентский капитал) – включает: базу клиентов, взаимоотношения с клиентами, оценку лояльности и удовлетворенности клиентов; Организационный капитал – включает: инновационный капитал – генерирование новых знаний и идей, патенты, разработки; процессный капитал – информационные системы, процессы и организационная культура
Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем [24]	1. Человеческий капитал	Знания, умения, накопленный опыт, творческие способности работника, моральные ценности, культура труда

	2. Организационный капитал	Организационная структура, организационные процессы и процедуры, система баз данных, НИОКР, интеллектуальная собственность фирмы
	3. Отношенческий капитал	Ресурсы, обеспечивающие отношения с клиентами, партнерами, поставщиками
М. Халик и др. [2]	1. Человеческий капитал	Знания, опыт, интеллект, инновационность сотрудника
	2. Структурный капитал	Процедуры, технологии, программы базы данных
	3. Потребительский капитал	Взаимоотношения с клиентами, партнерами, поставщиками, акционерами
	4. Технологический капитал	Инновационность, технологичность
	5. Социальный капитал	Межличностные коммуникации
	6. Духовный капитал	Духовные и религиозные знания, принципы, ценности, эмоции, видение, вера
О. Н. Колпакова [15]	1. Человеческий капитал	Знания, умения, опыт, квалификация, компетенции, способности, моральные ценности, творчество, отношение к работе, мотивация, культура труда
	2. Структурный капитал	Организационный капитал: интеллектуальная собственность, в т.ч. законные права, идеи, ноу-хау, гудвилл; Процессный капитал: инфраструктура фирмы, информационные сети, база данных, стратегия и корпоративная культура; Потребительский капитал: товарный знак, знаки обслуживания, репутация, наличие постоянных клиентов
	3. Эмоциональный капитал	Социальное поведение индивида, интересы, увлечения и потребности
Е. Н. Селезнев [25]	1. Кадровый капитал	Человеческие активы: знания, опыт, личностный потенциал; Структурные активы: управленческая система, корпоративная культура
	2. Интеллектуальная собственность	Производственные активы: знания, авторское право, патенты; Маркетинговые активы: постоянные клиенты, торговая марка, репутация фирмы

На основании данных, представленных в таблице 3, видно, что каждый ученый по-разному представлял структуризацию ИК, но почти каждый подчеркивал и определял в структуре ИК –

ЧК. Так, по мнению Л. Эдвинссона и М. Малоуна ИК организации может быть представлен в виде комбинации двух главных составляющих: ЧК и СК. При этом, авторы уточняют, что в состав СК входят потребительский (клиентский) и организационный капитал, который также они подразделяют на инновационный капитал и процессный капитал. Такая структуризация ИК была построена на основании отличительного признака «отношение к собственности». Поскольку ЧК присущ только работникам компании и воплощен в их знаниях, способностях, умениях, навыках, талантах и т.д., а СК, как отмечал Т. Стюарт, «это те знания организации, которые не уходят по вечерам домой», а хранятся в компании и представляют собой опыт организации, накопленный за всю ее историю, причем этими знаниями могут овладевать новые сотрудники [26]. Впоследствии Т. Стюартом, Х. Сент-Онжем и другими учеными была уточнена структура ИК, выдвинутая Л. Эдвинссоном и М. Малоуном, на основании того, что потребительский (клиентский) капитал не может считаться составной частью СК: дело в том, что клиенты не представляют собственность фирмы, а значит, клиентский капитал нужно рассматривать как отдельный компонент в структуре ИК, наравне с ЧК. Далее Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем, развивая и конкретизируя состав клиентского капитала, вводят определение «отношенческий капитал» (капитал отношений), который, как они отмечают, охватывает не только непосредственные взаимоотношения с покупателями, но и включает отношения и связи с поставщиками, партнерами, акционерами и др. [24]. Стоит отметить, что за последние 20 лет развития концепции ИК учеными предлагались и обосновывались различные структурные компоненты ИК. В частности, в качестве важнейших составляющих ИК в исследованиях зарубежных деятелей науки выдвигались следующие типы капитала:

- «социальный капитал» (в работах П. Бордюю, Дж. Коулмана, С. Гошала);
- «креативный капитал» (в исследованиях Р. Кушинга);
- «духовный капитал» (в научных публикациях Р. Хефнера, М. Исмаила, П. Бергера);
- «технологический капитал» (в изданиях Э. Буено, Э. Фернандеза).

В научных работах российских экономистов можно встретить следующие типы капитала:

- «культурно-нравственный капитал» (в работах А. В. Гладышевой, О. Н. Горбуновой) [9];
- «абилитивный капитал», под которым авторы понимали способности человека (в публикациях

В. П. Дудяшовой, Н. А. Кипень) [11];

- «инновационный капитал», который учеными рассматривался как самостоятельная составляющая, вне СК (в научных публикациях А. В. Новикова, И. Я. Новиковой) [21];
- «эмоциональный капитал» (в научных исследованиях О. Н. Колпаковой) [18].

Такая разновидность структурных составляющих в структуре ИК объясняется тем, что та, или иная структуризация (структура) обусловлена целями и объектами исследования.

Безусловно, изыскания в области ИК имеют фундаментальное значение не только с теоретической, но и с практической точки зрения, поскольку измерение и оценка ИК, учет ИК, управление ИК – должны быть главными целями каждой компании. Оценка и измерение ИК и его звеньев (может быть отдельная оценка ЧК) представляет значимость для владельцев и собственников компаний, инвесторов, менеджеров высшего звена и других заинтересованных сторон, потому что конечные данные оценки можно применить при необходимой реорганизации компании, в ходе совершения и оформления сделок купли-продажи, а также прибегнуть к ним в интересах осуществления главнейших управленческих бизнес-задач и т.д. Важен, к тому же, и учет ИК, так как в бухгалтерской отчетности имеет место проблема правильного и полного отражения ИК, в частности в учете затрат. К примеру, нет общего решения, какие виды расходов (на обучение персонала, сертификацию, благотворительность, маркетинг и пр.) будут отнесены к затратам, а какие будут считаться инвестициями.

Управление ИК – одна из важнейших целей в управлении компанией. Ввиду того, что ИК, как отмечалось выше, в процессе производства и воспроизводства преодолевает три формации: ИК – ресурс, ИК – потенциал, ИК – результат, – то поэтому задача преуспевающей компании заключается

в грамотном и высокоэффективном управлении содержащегося у нее ИК – ресурса, поскольку верные действия должны привести к наибольшей продуктивности, выраженной ИК – результатом (в виде других активов компании), а значит и к росту рыночной стоимости фирмы. Однако следует признать, что управление ИК подразумевает полную ясность в осмыслении и представлении источников создания тех типов капитала, которые формируют структуру ИК в конкретной компании. Иными словами, необходимо иметь видимое представление, как складывается и благодаря чему складывается тот, или иной капитал. Давайте поподробнее остановимся на ЧК, представляющем огромную ценность для компаний, так как именно ЧК выступает в качестве источника создания, формирования и развития СК – как части ИК, принадлежащего фирме. Структура ЧК может быть представлена следующими элементами:

- «капитал способностей» – это капитал, под которым следует понимать врожденные у индивидуума способности (физические, умственные, психические, эмоциональные и др.), запас здоровья, навыки (талант);
- «духовный капитал» – это капитал, характеризующий индивида как личность, включающий нравственные ценности, принципы, взгляды, убеждения, веру;
- «капитал знаний» – это капитал, который складывается из знаний, приобретенных навыков, интеллекта, вследствие полученного образования и накопленного опыта;
- «социальный капитал» – это капитал, обусловленный внешними общениями и коммуникациями, т.е. связями и отношениями индивида в социуме.

ЧК и его компоненты находят свое отражение в организации, образуя тем временем ее СК. Вы спросите, причем здесь «духовный капитал»? Поэтому стоит привести наглядные примеры. На этапе «зарождения» и открытия компании «ценности человека» (будущего владельца, либо соучредителей) могут быть определяющими в выборе деятельности, а также в установлении миссии и целей. Капитал знаний, в виде знаний и имеющего опыта, может быть использован и отражен в первоначальных организационных документах: уставе, штатном расписании и пр. К тому же внешние связи и отношения собственников, применяемые от имени организации, но на основе личного выбора, выраженные впоследствии через договора с арендодателем, банком, аудиторской компанией и т.д. характеризуют «социальный капитал». Данные примеры, позволяют видеть процесс трансформации ЧК в СК, через приращение ИК – ресурса в ИК – потенциал. Хотя, на этапе создания фирмы итогов деятельности, т.е. ИК – результата пока ещё нет, но уже заложен фундамент, чтобы его извлечь. Как отмечалось выше, в формировании, а затем в последующем становлении СК участвует ЧК (весь персонал компании: владельцы, менеджеры, сотрудники). Однако, стоит сделать акцент, что вероятно и «самовоспроизводство» данного вида капитала (например: увеличение числа клиентов (клиентской базы) за счет репутации фирмы – на сегодняшний день это важный нематериальный актив в бизнесе).

На рисунке 3 отображена распространенная структура ИК организации в виде комбинации важнейших составляющих: ЧК и СК, с конкретизацией их составных частей.

Рисунок 3 – Структура ИК организации, выработанная автором на основе анализа подходов к структуре ИК и предложенной структуре ИК П.А. Новгородовым [20]

В воспроизведенной структуре (см. рис. 3) «духовный капитал» и «социальный капитал» квалифицируют исключительно индивида, хотя у ряда исследователей (см. табл.3) было иное понимание. Расширенное представление элементов ЧК и составных компонентов СК в структуре ИК (см. рис.3), а также их соотнесение по структурным составляющим четко проводят грань между данными видами капиталов, то есть позволяют понять их «принадлежность» (к индивиду, либо организации). Также, такого рода структуризация допускает определение источников формирования конкретных типов капитала, и в случае необходимости менеджерам высшего звена принимать управленческие решения в целях эффективной трансформации и использования того или иного капитала. На рисунке 3 стрелками представлены возможные соотнесения компонентов ЧК со структурными составляющими СК и их характерные трансформации. Однако стоит отметить, что предлагаемая структура ИК (см. рис. 3) в данной интерпретации идеальна лишь на начальном этапе создания и учреждения фирмы, поскольку с последующей «эволюцией» фирмы взаимосвязи между видами капиталов могут усложняться и не иметь таких четких границ. Действительно, с развитием компании четкость границ размывается, так как воздействие прямых исполнителей и непосредственно организации на формирование и воспроизводство тех или иных типов капитала может быть выражено не совсем явно. Тем не менее, в ряде случаев можно наблюдать конкретное действие составляющих капитала на результаты деятельности компании, а, следовательно, на ее рыночную стоимость. Наглядный пример – увольнение менеджера по продажам и уход в конкурирующую фирму может вызвать «отток части клиентов» (т.е. части отношенческого капитала) следом за менеджером и, таким образом, может сказаться на рыночной стоимости компании. Это указывает на тот факт, что этим клиентам собственно важен «социальный капитал» этого сотрудника, то есть ЧК, а не СК. В состав СК включен «ценностный капитал», в фирме он выражен через ее миссию, цели, сферу деятельности, корпоративную культуру, имидж, услуги, продукцию и другие различные «ценности компании», которые в той или иной мере могут быть использованы для привлечения партнеров, покупателей (а значит, благоприятствуют приросту отношенческого капитала), тем самым увеличивая дополнительные денежные потоки фирмы, и как результат повышается ее рыночная стоимость. Источниками «ценностного капитала» компании могут выступать как «духовный капитал», так и «капитал знаний» (владельцев компании). Наглядной иллюстрацией в первом случае может служить пример открытия спортивного клуба бывшим спортсменом как приверженцем «рационального подхода к здоровью» (его убеждение). Во втором случае, собственник фирмы по продаже спортивного питания может не быть приверженцем здорового питания, а открытие фирмы вызвано следствием востребованности к данной продукции среди потребителей на рынке данного товара. Существует и обратная связь, когда источником «духовного капитала» для персонала организации становится «ценностный капитал», а именно: в контексте организационной культуры для вовлечения работников в «ценности» компании, со стороны руководства используются мотивационные игры, встречи, тренинги.

Выводы исследования

Подводя итог вышеизложенного, можно с определенностью признать, что структура ИК изображенная на рис. 3 не только специфицирует (определяет и уточняет) составляющие ИК, но и характеризует взаимосвязь между ними с позиции управления стоимостью фирмы. В свою очередь, нельзя не остановиться ещё на одном немаловажном моменте, который надлежит учитывать при практическом применении какой-либо структуры ИК. Речь идет об объекте исследования, в качестве которого выступает та или иная фирма как обладатель капитала. Все компании, по этой причине, должны быть условно разделены на 3 типа:

1. Первый тип – это компании, где значение и влияние ИК сравнительно невелико, а главную роль при изготовлении продукции, осуществлении услуг и создании стоимости выполняют такие типы капитала, как материальный и финансовый (пример: низкотехнологичное производство). Однако

стоит отметить, что важность ИК в подобных фирмах приобретает в долгосрочном периоде, когда стоит задача о смене технологий. У такого типа предприятий внутри не свойственно развивать ИК: у них нет патентов, отделов разработки, проектных бюро, ими не осуществляются НИОКР, поскольку таким фирмам выгоднее и гораздо проще прибегнуть к услугам промышленного аутсорсинга (приобрести производственный процесс, т.е. завершённое бизнес-решение). Среди данных компаний управление ИК не признается первостепенной задачей;

2. Второй тип – это компании, в интересах которых роли ИК отведено существенное место, как в производстве товаров, так и в предоставлении услуг, а значит и в создании стоимости. Примером могут служить финансовые компании, компании, производящие высокотехнологичную продукцию и т.д. Таковым фирмам в целях наращивания конкурентоспособности и стоимости формирование, развитие, результативное использование ИК через информацию, знания, технологии, модели управления, клиентов и пр. просто жизненно необходимы. Вот почему владельцы и руководители таких предприятий должны прийти к решению, что будет считаться в их организациях главной составляющей в бизнес-модели (т.е. способ, используемый для создания ценности и получения прибыли), а затем сопоставить с конкретным элементом ИК, обозначив его источники и способы приращения и взаимосвязи с остальными элементами. К примеру, главным источником в создании стоимости для социальных сетей или разработчиков мобильных приложений признаются клиенты, то есть «отношенческий капитал», основополагающим источником которого становится «социальный капитал», представленный в виде личного контакта пользователя с близкими и друзьями. В данном случае, иные компоненты ИК здесь не имеют столь существенной важности, так как для «эксплуатации» соцсетей, либо мессенджеров (мобильные приложения для обмена сообщениями через интернет) не обязательны определенные способности, конкретные знания и не важны ценности и убеждения индивида. Второстепенными тут будут «процессный» и «инновационный» капитал, а именно собственно сам программный код и возможности его модернизации, ввиду того, что данный вид бизнеса главным образом ориентирован на распространение продукта, а не на его генерирование (создание). Вследствие этого, показателем оценки стоимости данного типа фирм является численность (количество) пользователей;

3. Третий тип – это компании с ключевой ролью ИК, потому что результат их деятельности составляет «новый» ИК. В число данных фирм, пожалуй, могут быть включены юридические, консультационные, дизайнерские, проектные и другие подобные фирмы, а также научные и образовательные организации и институты. Такому типу организации свойственно главенствующее положение в структуре ИК отводить ЧК, потому как человек (индивид) занимается созданием новых знаний и «генерированием» созидательных, креативных, творческих решений и результатов. Рост капитализации в таковых компаниях в большей степени зависит от управления кадрами, т. е. для руководящего состава и собственников предприятия значимым, по всей вероятности, должно быть измерение и оценка элементов ЧК – знаний, способностей, связей, ценностей через обучение сотрудников, мотивацию, принципы и методы корпоративной культуры и пр.

В заключение хотелось бы особо выделить, что детальный анализ трактовок и сущности ИК, а также его структурных компонентов с позиции концепции управления стоимостью дал возможность обрисовать обновленную структуру ИК, т. е. добавить в нее другие новые элементы капитала и уточнить их значимость для конкретной категории фирм. Дополнение структуры ИК таким отдельным «звеном», как «ценностный капитал», ещё больше раскрывает важность в последующих поисках и изысканиях его сущности, источников, методов измерения и оценки, а также обнаружения новых подходов к управлению ради увеличения и наращивания стоимости компании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Albert S., 1995. The Management of Intellectual Capital, unpublished monograph. London: The Business Performance Group Limited
2. Khalique M., Shaari J., Isa A. Intellectual capital and its major components // International Journal of Current Research. 2011 June. Vol. 3, Iss. 6. URL: <http://www.journalcra.com/article/intellectual-capital-and-its-major-components>
3. Klein, D. A. & Prusak, L., 1994. Characterizing Intellectual Capital, multiclient program working paper. March, Boston: Ernst & Young Center for Business Innovation.
4. Sveiby K.E. The New Organizational Wealth-Managing and Measuring Knowledge-based Assets. San Francisco: Berrett-Koehler, 1997.
5. Sveiby, K. E. & Lloyd, T., 1987. Managing Know-how: Add Value by Valuing Creativity. London: Bloomsbury.
6. Багов В.П., Селезнев Е.Н., Ступаков В.С. Управление интеллектуальным капиталом /В.П. Багов, Е.Н. Селезнев, В.С. Ступаков. – М.: ИД «Камерон», 2006. – 248 с.
7. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Изб. труды по экономической теории / Г.С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
8. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: ключ к успеху в новом тысячелетии / под ред. Л.Н. Ковачин. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
9. Гладышева А.В., Горбунова О.Н. Формирование культурно-нравственного капитала трудовых ресурсов / А.В. Гладышева, О.Н. Горбунова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 4 (050). – С. 49 – 53.
10. Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества / под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Прогресс, 1979. – 406 с.
11. Дудяшова В.П., Кипень Н.А. Взгляд на интеллектуальный капитал с позиции экономики знаний // Науч. вестн. Костромского государственного технологического университета. 2012. № 2. URL: http://vestnik.kstu.edu.ru/numbers.php?id_k=18.
12. Ефремов В.С. Бизнес-системы постиндустриального общества: О труде, капитале и прибыли коммерческого предприятия // Менеджмент в России и за рубежом. –1999. – № 5. – С. 3 – 24.
13. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia-Наука, 1998. – 640 с.
14. Казакова О.Б., Исхакова Э.И., Кузьминых Н.А. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, структура // Экономика и управление: науч.-практ. журн. – 2014. – № 5. – С. 68 – 72.
15. Колпакова О.Н. Развитие теоретико-методологических положений по формированию и эффективному использованию интеллектуального капитала предприятия в условиях инновационной экономики: автореф. дис. ... докт. экон. наук. Уфа: ГОУ ВПО БАГСУ, 2011. – 40 с.
16. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал – основной фактор развития инновационной экономики. URL: <http://viperson.ru/articles/yuriy-korchagin-chelovecheskiy-kapital-osnovnoy-faktor-razvitiya-innovatsionnoy-ekonomiki>.
17. Леонтьев Б.Б. Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в Российском бизнесе. М.: Изд. центр «Акционер», 2002. – 200 с.
18. Мельник Л.Г., Ильяшенко С.Н., Касьяненко В.А. Экономика информации и информационные системы предприятия. Учебное пособие. – Сумы, «Университетская книга», 2004 – 400с.
19. Нестеров А.А., Третьякова Н.И. Интеллектуальный потенциал и формы его реализации // Вестн. СамГТУ. Сер. Экономические науки. – 2014. – № 1 (11). – С. 7 – 17.
20. Новгородов П. А. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, структура // Вестник Удмуртского университета. Экономика и Право. – 2017. Т. 27, вып. 2. – С.38-49
21. Новиков А.В., Новикова И.Я. Интеллектуальный капитал: структура, источники и приоритеты

- в формировании стоимости компании // Сибирская финансовая школа. – 2012. – № 2. – С. 117 – 124.
22. Новосельцев О.В. Интеллектуальная собственность в имуществе предприятия: документальное оформление, оценка, учет. М.: Патент, 2006. – 69 с.
23. Редченко К. Революция в учете. URL: http://www.cfin.ru/ias/rev_in_acc.shtml.
24. Руус Й., Пайк С., Фернстрем Л. Интеллектуальный капитал: практика управления / под ред. В.К. Дерманова. 3-е изд. СПб.: Высш. шк. менеджмента, 2010. – 436 с.
25. Селезнев Е.Н. Интеллектуальный капитал как объект управления // Справочник экономиста. – 2007. – № 2. URL: http://www.profiz.ru/se/2_2007/intelkapital.
26. Стюарт Томас А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организации/Пер. с англ. В. Ноздриной. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.
27. Фасхиев Х.А. Интеллектуальный капитал – основа инновационного развития предприятия // Вестн. УГАТУ. – 2012. Т. 16. – № 1 (46). – С. 207 – 219.
28. Чернолес Г.В. Интеллектуальный капитал в структуре активов предприятия, основанного на новых знаниях: сущность, содержание и функциональные роли его составляющих // Инновации. – 2008. – №9. – С. 106-111.
29. Эдвинссон Л. Корпоративная долгота: Навигация в экономике, основанной на знаниях. М.: ИНФРА-М, 2005. – 247 с.
30. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, – 1999. – С. 435 – 436.

ОБЗОР КНИГИ Б.С. СЕРЖИ (B.S. SERGI) И У.А. БАРНЕТТА (W.A. BARNETT) «СОВРЕМЕННЫЕ ФИНАНСЫ И РАЗВИТИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА» (“ASIA-PACIFIC CONTEMPORARY FINANCE AND DEVELOPMENT”)

Позднякова Ульяна Александровна

кандидат экономических наук,
Директор АНО «Институт научных коммуникаций»,
г. Волгоград, Российская Федерация.
E-mail: wua@list.ru

Аннотация: представлен обзор книги Б.С. Сержи (B.S. Sergi) и У.А. Барнетта (W.A. Barnett) «Современные финансы и развитие азиатско-тихоокеанского региона» (“Asia-pacific contemporary finance and development”). В 14 главах книги, авторами которых стали ведущие мировые ученые-эксперты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, раскрыты основные секреты экономического успеха стран данного региона: Отдельное внимание в книге уделено вопросам партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского с Россией. Предложены три наиболее перспективных направления партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского региона с Россией (на примере стран Центральной Азии и Китая): сбыт готовой азиатской продукции в России через систему электронной торговли, привлечение частных российских инвестиций в реализацию перспективных инновационных проектов в азиатских странах, а также налаживание транснационального сотрудничества предпринимательства. Обоснованы преимущества для обеих сторон партнерства, а также предложены авторские рекомендации для системной реализации данных направлений.

Ключевые слова: современные финансы, экономический рост и развитие, страны Азиатско-Тихоокеанского региона, Россия, сотрудничество.

JEL: L26; O11; O12

REVIEW OF THE BOOK OF B.S. SERGI AND W.A. BARNETT “ASIA-PACIFIC CONTEMPORARY FINANCE AND DEVELOPMENT”

Pozdnyakova Uliana Aleksandrovna, candidate of Economic Sciences
Director of ANO «Institute for Scientific Communications»
Volgograd, Russian Federation

Abstract: in this article is present an overview of the book by B.S. Sergi and W.A. Barnett “Asia-Pacific Contemporary Finance and Development”. The 14 chapters of the book, authored by the world’s leading scientific experts from the countries of the Asia-Pacific region, reveal the main secrets of the economic success of the countries in the region: The book pays special attention to issues of partnership between the Asia-Pacific countries and Russia. The three most promising areas of partnership between the countries of the Asia-Pacific region and Russia (on the example of Central Asia and China) are proposed: the sale of finished Asian products in Russia through the e-commerce system, the attraction of private Russian investments in the implementation of promising innovative projects in Asian countries, and the establishment of transnational entrepreneurship cooperation. The advantages for both parties of the partnership are grounded, and the author’s recommendations for the system implementation of these areas are proposed.

Keywords: modern finance, economic growth and development, countries of the Asia-Pacific region, Russia, cooperation.

Ярким событием в мировой науке стал выход книги Б.С. Сержи (B.S. Sergi) и У.А. Барнетта (W.A. Barnett) «Современные финансы и развитие Азиатско-Тихоокеанского региона» (“Asia-Pacific

Contemporary Finance and Development”), в которой представлен опыт азиатского «экономического чуда», благодаря которому страны Азиатско-Тихоокеанского региона не только демонстрируют высокий темп экономического роста на протяжении последних десятилетий, но и достигают высокой устойчивости данного роста [1].

Преимуществом данной книги по сравнению со многими существующими научными публикациями по теме развития азиатской экономики является то, что, хотя большинство исследований проведено исследователями из различных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их выводы резюмированы европейскими учеными – Уильямом А. Барнеттом, профессором макроэкономики Освальда в Университете Канзаса, директором Центра финансовой стабильности в Нью-Йорке, основателем и первым президентом Общества экономических измерений и редактором журнала Cambridge University Press “Macroeconomic Dynamics” и Бруно С. Серджи, преподавателем Гарвардского университета по экономике развивающихся рынков и политической экономии России и Китая, а также научным директором Гарвардской лаборатории IQSS по предпринимательству и развитию (LEAD) и сотрудником Центра Дэвиса по российским и евразийским исследованиям в Гарварде.

Благодаря этому книга отвечает на актуальные вопросы не только азиатской, но и европейской читательской аудитории о том, что лежит в основе прошлого опыта и каковы перспективы дальнейшего экономического развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также какие приоритеты ставят перед собой страны этого региона при реализации практики международного экономического сотрудничества. В книге акцент сделан на финансовое развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Одним из наиболее интересных моментов в книге является исследование европейских ученых, посвященное объяснению системного риска в латиноамериканской банковской отрасли в 2002-2015 гг., а также логики мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., авторами которого выступили Карло Беллавит Пеллегрини (Carlo Bellavite Pellegrini), Лаура Пеллегрини (Laura Pellegrini) и Эмилиано Сирони (Emiliano Sironi).

В 14 главах книги, авторами которых стали ведущие мировые ученые-эксперты из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, раскрыты основные секреты экономического успеха стран данного региона:

- активная международная интеграция предпринимательства: авторами главы выступили Хаким Мухаммед Мохсин (Hakeem Muhammad Mohsin) и Кен-ичи Сузуки (Ken-ichi Suzuki);
- нетрадиционная денежно-кредитная политика (на примере Японии): авторами главы выступили Такаясу Ито (Takayasu Ito);
- модернизация предприятий реального сектора (на примере Таиланда): авторами главы выступили Чосита Пестонжи (Chosita Pestonji) и Сария Вичитсатиан (Sareeya Wichitsathian);
- повышенное внимание к преодолению диспропорций в развитии региональной экономики (на примере Кореи): авторами главы выступили Джунхонг Им (Junhong Im) и Сун Хе Хонг (Sung Hyo Hong);
- специализация на предпринимательстве сферы розничной торговли (на примере Индии): авторами главы выступили Супачарт Иамратанакул (Supachart Iamratanakul);
- управление стратегическими рисками в сфере страхования имущества и несчастных случаев (на примере Китая): авторами главы выступили Яюн Ян (Yaun Yan) и Сампан Неттаянун (Sampan Nettayanun);
- преобладание отечественной собственности в предпринимательстве: авторами главы выступили Хассаан Тарик (Hassaan Tariq), Фейсал Шахзад (Faisal Shahzad), Асим Анвар (Asim Anwar) и Иджаз Ур Рехман (Ijaz Ur Rehman);
- систематический риск-менеджмент в предпринимательстве: авторами главы выступили Си-Ни Ли (See-Nie Lee);

- государственное стимулирование деловой активности (на примере Индонезии): авторами главы выступили Датиен Эриска Утами (Datien Eriska Utami), Ирван Тринугрохо (Irwan Trinugroho) и Бруно С. Сержи (Bruno S. Sergi);
- диверсификация предпринимательской деятельности: авторами главы выступили Линг-Фун Чан (Ling-Foon Chan), Бани-Ариффин Ан (Bany-Ariffin An) и Эньюал Бин Мд Насир (Annual Bin Md Nasir);
- институционализация практики корпоративной социальной ответственности как фактора финансового успеха бизнеса: авторами главы выступили Вун Леонг Лин (Woon Leong Lin), Мурали Самбасиван (Murali Sambasivan), Джо Энн Хо (Jo Ann Ho) и Сионг Хук Лоу (Siong Hook Law);
- гибкость предпринимательства и повышенное внимание к изменению потребительских предпочтений (на примере Китая): авторами главы выступили Минчжи Ху (Mingzhi Hu), Цзяци Лю (Jiaqi Liu) и Сюэ Ван (Xue Wang).

Отдельное внимание в книге уделено вопросам партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского с Россией. Они освещены в главе «Центральная Азия и Китай: финансовое развитие через сотрудничество с Россией», авторами которой выступили редактор книги Б.С. Сержи; д.э.н., проф., президент Института научных коммуникаций Е.Г. Попкова; д.э.н., проф. Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) Н.Г. Вовченко и д.э.н., проф. Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) М.А. Пономарева [2].

В этой главе предложены три наиболее перспективных направления партнерства стран Азиатско-Тихоокеанского региона с Россией (на примере стран Центральной Азии и Китая): сбыт готовой азиатской продукции в России через систему электронной торговли, привлечение частных российских инвестиций в реализацию перспективных инновационных проектов в азиатских странах, а также налаживание транснационального сотрудничества в предпринимательстве. Обоснованы преимущества для обеих сторон партнерства, а также предложены авторские рекомендации для системной реализации данных направлений.

Книга рекомендуется для ознакомления российскими учеными, студентами и аспирантами в качестве источника актуальных фактологических данных по теме развития экономики стран Азиатско-Тихоокеанского региона, их сотрудничества с Россией. Уделенное в книге повышенное внимание вопросам финансов предпринимательства позволяет включить в состав ее целевой читательской аудитории также финансовых менеджеров современных российских предприятий, заинтересованных в ознакомлении с успешным мировым опытом управления финансами на примере стран Азии.

Благодарности

«The reported study was funded by RFBR according to the research project №18-010-00103А».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sergi, B.S. Asia-Pacific Contemporary Finance and Development. Series: International Symposia in Economic Theory and Econometrics / B.S. Sergi, W.A. Barnett // USA: Emerald Publishing Limited, Vol. 26, 275 p.
2. Sergi, B.S. Central Asia and China: Financial Development Through Cooperation with Russia / B.S. Sergi, E.G. Popkova, N.G. Vovchenko, M.A. Ponomareva // Asia-Pacific Contemporary Finance and Development. Series: International Symposia in Economic Theory and Econometrics, USA: Emerald Publishing Limited, Vol. 26, 275 p.

ОТЗЫВ НА СТАТЬЮ А.А. АНАНЬЕВА «ЧТО МЕШАЕТ РАЗВИТИЮ РОССИЙСКОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ? ЧАСТЬ 1 – ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ»

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»,
г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: galinarodina@mail.ru

Аннотация: В отзыве рассматривается статья А.А. Ананьева «Что мешает развитию российского машиностроения? Часть 1 – внутренние проблемы», напечатанная в журнале «Теоретическая экономика» № 3 2019 года. В ней А.А. Ананьев анализирует препятствия, мешающие поступательному развитию предприятий отечественного машиностроения в современных условиях хозяйствования. В рецензии даётся оценка основных положений и выводов статьи. При этом высказывается собственная авторская позиция рецензента по рассматриваемым проблемам.

Ключевые слова: машиностроение, менеджмент, кадры, высшее образование, российский менталитет, отношения собственности.

JEL: L26; O11; O12

REVIEW ON ARTICLE A.A. ANANYEVA "WHAT IS HINDERING THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN AUTOMOTIVE BUSINESS? PART 1 - INTERNAL PROBLEMS"

Homeland Galina Alekseevna
doctor of Economics, Full Professor Yaroslavl,
Yaroslavl state technical University,
Russian Federation.

Abstract: The review deals with the article by A. A. Ananyev «What is hindering the development of Russian automotive business? Part 1 – internal problems», published in the journal «Theoretical Economics» № 3, 2019. In it A. A. Ananyev analyzes the obstacles to the progressive development of domestic engineering enterprises in modern economic conditions. The review assesses the main provisions and conclusions of the article. At the same time, the author's own position of the reviewer on the issues under consideration is expressed.

Keywords: automotive industry, management, staff, higher education, Russian mentality, property relations.

Рецензируемая работа посвящена рассмотрению препятствий, мешающих поступательному развитию предприятий отечественного машиностроения, что с учётом значимости отрасли в структуре национальной экономики априори востребовано в текущих политико-экономических условиях.

Новизна проведённого А.А. Ананьевым исследования заключается в обобщении личного опыта работы автора на предприятиях отечественного машиностроения, что позволило ему выявить и систематизировать внутренние проблемы в области управления, тормозящие, а нередко и блокирующие поступательное развитие российского машиностроения.

Также автором была проведена верификация выдвинутых гипотез с использованием расширенной фактологии и официальной статистики, что вызывает несомненный интерес к статье и рождает желание дождаться заявленной им второй части исследования.

Ценным является то, что А.А. Ананьев не просто даёт срез состояния российского машиностроения, акцентируя внимание на его управленческие проблемы, а «зрит в корень», призывая поскорее научиться «делать стулья самим, да чтобы ещё они не ломались под весом нужд народного хозяйства и безопасности страны». Почему? Мы же до сих пор продолжаем преподавать студентам теорию сравнительных преимуществ в международном обмене Д. Рикардо и необходимость включения в международное разделение труда как главное условие национальной конкурентоспособности! А потому, отвечает А.А. Ананьев, что «Россия находится в состоянии большой и страшной экономической войны с Западом». Так что, если страна вовремя не освоит импортозамещение, будущего у неё нет никакого.

Месседж статьи правильный: во-первых, пора признать неотвратимость перехода (возврата?) к политике опоры на собственные силы, с учётом, разумеется, сложившихся реалий (мягкой автаркии); во-вторых, у нас нет понятия (а, следовательно, и запроса на него), как устроена современная экономика в мире, насколько она жёстко зарегламентирована и застандартизирована. И что с сегодняшним шапкозакидательством мы рискуем потерять идентичность в ближайшее время. Мы отдаём себе отчёт в том, что построить полностью автаркичную замкнутую экономику сегодня нереально. Однако вера в то, что при санкциях достаточно патриотично всем сплотиться, напрячься на благо России – и сама собой, будто «по щучьему велению, по моему хотению» выстроится сильная экономика в кольце блокады, когда все против нас, а мы всех победим, - это миф.

Статья намного выиграла бы, если бы это обоснование было более развёрнутым. По нашему мнению, этого «окормления» статье не хватает. Одной ссылкой на мнение помощника Президента РФ В.Ю. Суркова о России как «западно-восточной стране-полукровке» с её «двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей», что делает её, как положено полукровке, «харизматичной, талантливой, красивой и одинокой» [7], недостаточно: слишком судьбоносный вызов предстоит отразить России.

«Соответствуют ли внутренние условия и климат на предприятиях этому глобальному вызову»? Нет, не соответствуют, - к такому выводу приходит А.А. Ананьев.

Вместе с тем с «инвентаризацией и систематизацией сделанных наблюдений» можно поспорить и с методологической (так, включение полемики: тезис – антитезис – синтез, на наш взгляд, значительно повысило бы научный уровень статьи, ибо без приведения точек зрения оппонентов материал выглядит несколько публицистичным), и с теоретической точек зрения.

«Современному состоянию отрасли присущ в целом низкий уровень подготовки кадров / развития компетенций». По поводу этого тезиса хочется высказать два соображения.

Во-первых, с количественной точки зрения, в последние годы СССР 20% выпускников школ могло поступить в вузы на бесплатные места. Сейчас это стало возможным практически для 85%. Это не показатель качества, поскольку общий уровень качества снижается, но это общий тренд во всём мире. Если мы хотим конкурировать в мире, то должны понять, что мы среди лидеров по доступности высшего образования.

Во-вторых, с качественной точки зрения, по международным рейтингам наши дети в начальной школе отличаются умом и сообразительностью, входят в первую пятёрку; в средней школе они оказываются на 38-м месте в мире; в высшей школе дифференциация огромна: мой родной МГУ держится в первой сотне, где-то не очень далеко – Санкт-Петербургский государственный университет, остальные далековато, а уж «хвосты» находятся просто в катастрофическом положении [8]. Мы можем обратиться и к неофициальному показателю – насколько российское образование пользуется спросом у российской элиты. Крупные российские предприниматели и чиновники, которые публично говорят о том, что российское образование по-прежнему является отличным и конкурентоспособным, посылают своих детей учиться в Европу или Америку. Прибавим к этому печальный рейтинг: по условиям работы талантов Россия находится на 116-м месте. У нас устойчиво

нисходящая линия идёт [4]. Это наша беда – с А.А. Ананьевым нельзя не согласиться.

Задача университета в подготовке инженерных кадров – не успеть попасть в актуальную сегодня повестку, скажем, IT-технологий, а быть быстрее, стать центром изменений, т.е. идти и перед индустрией в потребности по кадрам, и перед технологией. Задача сложная, т.к. надо понять и оценить мировые тренды.

Образовательные программы должны быть гибкими, особенно в информационных технологиях, когда платформы меняются буквально ежегодно. И это общемировая проблема - отставание системы образования от нужд народного хозяйства. На переобучение выпускника и адаптацию его под потребности компании уходит от 6 до 12 месяцев. Для бизнеса это чрезвычайно большая инвестиция. Институт Гэллага опубликовал на своём сайте начало исследования проблем образования, свидетельствующего о том, что запросы работодателей начинают драматически расходиться с тем продуктом, который предоставляют университеты, – вплоть до того, что Google и Ernst & Young больше не обращают внимания на наличие диплома при поступлении к ним на работу. Вот насколько разошлось образование и потребности, что возникают такие диспропорции.

Дело в том, что у работодателя очень короткий горизонт планирования: что касается профессий, - год-два, никто больше ждать не готов, с одной стороны; а с другой, - у университета горизонт планирования дольше. Как университет может адаптировать академические программы, если работодатель не знает, чего он хочет, да и рынок труда меняется очень быстро? Это объективное противоречие, выходы из которого неоднозначны. Например, надо обращать внимание не на те тенденции, которые уже хорошо известны, а на так называемые «дикие» дорожные карты. Нам представляется интересным опыт Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, который признан мировым лидером по подготовке в области слабо формализованных задач, - в отличие, скажем, от рынка, который заняли Индия, Китай, Вьетнам, когда решаются формализованные задачи – кодировщики, тестировщики. А вот по слабо формализованным задачам, которые требуют построения оригинального алгоритма решения в зависимости от конкретной ситуации, для которой могут быть характерны неопределённость и динамичность исходных данных и знаний, российский рынок может и должен занять лидирующие позиции. Мы наблюдаем сегодня достаточно серьёзные изменения; гиганты типа Microsoft будут уходить, нынешний Интернет, основанный на четвёртом протоколе, исчезнет. Думая о будущем, мы должны представлять университет как венчурное предприятие, в которое надо вкладывать ресурсы в какие-то «дикие» дорожные карты, и по некоторым получить прорыв, а где-то проиграть. Это университеты, которые рассчитаны на глобальный рынок. Недаром в США 5 тыс. университетов, а на слуху не более 150 исследовательских. Надо вкладываться в большое количество разных, порой неожиданных направлений [6].

Другой университет ориентируется на ту или иную отрасль промышленности. Третий рассчитывает обеспечить кадрами свой регион. Возможны комбинации. Если университет готовит бакалавров-прикладников, то это, скорее, техникум повышенного типа.

Давайте отталкиваться от тех преимуществ, которые имела наша советская высшая школа, - фундаментальность образования. Т.е. образовательные программы должны выстраиваться таким образом, чтобы фундаментальное образование позволяло выпускнику достаточно быстро адаптироваться к новым вызовам, с которыми он не встречался при изучении базовых дисциплин в университете. И последние год-полтора подстраиваться под конкретное рабочее место. Как говорится, если вузы хотят получить хорошего своего абитуриента, они должны идти в школу. Так и здесь: если работодатель хочет получить своего мотивированного выпускника, он должен прийти в вуз. Это - с одной стороны.

А с другой стороны, мы не можем игнорировать цифровую революцию, идущую во всех ключевых индустриях. Давосский форум 2016 года, сосредоточившийся на обсуждении 4-й промышленной

революции, констатировал начало резкого вытеснения рутинных рабочих мест роботами [9]. Причём речь шла о рутинном интеллектуальном труде! Прогнозы по разным странам драматические: в Великобритании это 35% вытеснения, в США – 47%, в Китае – 77%. В России при интенсивном развитии этого сценария под вытеснение попадут 2/3 рабочих мест. Это полная перестройка фундаментальных индустрий: промышленность роботизируется, транспорт роботизируется, энергетика роботизируется, финансы роботизируются и переходят на новые технологии. На том же Давосском форуме-2016 были приведены такие цифры: на 4,5 тыс. сокращаемых рабочих мест появится новых 400. Т.е. это должны быть очень высококвалифицированные кадры, способные к проектному мышлению, креативные, трансдисциплинарные, кросс-культурные, - люди совершенно другого склада. Те университеты, которые это понимают, начинают более активно действовать в методах и программах, позволяя с 1 курса заниматься проектной деятельностью, создавать гибкие программы, заниматься междисциплинарностью. Если это роботизированный транспорт, то это искусственный интеллект, логистика, смесь инженерных, экономических и менеджерских знаний. Просто создавать смешанные команды может быть неэффективно. Специалист должен быть «и, и». Сейчас это происходит, но стихийно – в формате различных летних и зимних студенческих школ, клубов. Нужно эти ростки переносить в институциональное образование.

«Необязательный российский менталитет», продиктованный «внутренней склонностью, непонятно чем обусловленной, – генетически либо глобальным подходом к воспитанию». Ох, уж этот российский менталитет! Кто только его не проклинал! Эта «загадочная русская душа», как и сама Россия, которую «умом не понять». Эти вечные «дураки и дороги», отчего у иностранцев-управленцев в России начинает «трещать шаблон». Кажется, все наши хозяйственные огрехи можно на это списать – не придерёшься.

Однако разве не «трещит шаблон от местных реалий» в любой развивающейся стране? Достаточно вспомнить пример из международной миграции капитала, объясняющий причины роста прямых инвестиций (несмотря на то, что портфельные при аналогичном уровне прибыли сопряжены с меньшими рисками), в том числе, из-за слишком «дорогой» национальной специфики, которую не объехать через портфельное инвестирование?

Продуктивнее задуматься над тем, во-первых, какова российская специфика этой общемировой черты; и во-вторых, чем она вызвана. Без ответа на эти вопросы мы вечно будем на одни и те же грабли наступать.

«Вся земля наша зело богата и обильна, но наряда в ней нет» [3]. Эта фраза принадлежит монаху Киево-Печерского монастыря конца XI – начала XII веков, одному из авторов «Повести временных лет», Нестору Летописцу. «Наряда» нет в нашей богатой стране, – то есть порядка и организованности. И сегодня, спустя 9 веков, представить, что россияне могут, скажем, стать универсальными сборщиками в мире и потеснить «жёлтую сборку», трудно, – именно потому, что «хочешь иметь одну уникальную вещь – закажи её русскому; хочешь иметь 10 одинаковых вещей – закажи их кому угодно, только не русскому». Есть ли на это ответ или, как считает А.А. Ананьев, всё дело во «внутренней склонности, непонятно чем обусловленной»?

Рисовая культура Юго-Восточной Азии характеризуется следующим: рисовое земледелие трудоёмко, но при соблюдении регламента, правильном систематическом возделывании риса обеспечивает гарантированную урожайность. Отсюда выработалась национальная традиция стандартизации и соблюдения регламента. Рисоводческая культура – это то же самое, что и сборочное производство. Т.е. современное сборочное производство легло на традиционные патерны, которые существовали в рисоводческой культуре. А в России, которая всегда являлась зоной рискованного земледелия, когда результат зависел не столько от прикладываемых усилий, сколько от объективных внешних неуправляемых факторов, соответственно, это в принципе не могло прижиться. Начиная с XIX века, было зафиксировано, что каждые 5-7 лет русский крестьянин менял поле и поэтому

было совершенно бессмысленно создавать некий стандарт интенсивного земледелия, потому что его придётся переделывать с нуля. Этносоциологи говорят, что русские в этом смысле являются полукочевым народом.

Отсюда укоренившееся в нашей культуре избегание неопределённости, получившее в России реализацию в практике минимизации рисков, что закрывает возможности развития, т.к. как только вы минимизируете риски, вы закрываете возможности роста. Напомним, что есть принцип максимина, нацеленный на максимизацию прибыли, который может проявляться и с другой стороны - как принцип минимакса, нацеленный на минимизацию ущерба. Так вот в России принцип человеческого поведения – это не попытка достичь лучшего, а попытка избежать худшего. Как говорится, «не до жиру, быть бы живу» [5].

Таким образом, наша модель хозяйственного поведения заложена давно, но есть «эффект колеи», освободиться от которого быстро не получится. В России такая попытка уже предпринималась – Великие реформы Александра II, которые планировались как длинные реформы. Их судьба, равно как и судьба самого реформатора, нам известна. В качестве положительного примера можно сослаться на деятельность Дэн Сяо пина в Китае, который, несомненно, заложил длинные реформы, заранее выходящие за пределы его жизни.

Выражаясь современным языком, нам достался в наследство опыт работы в институционально и нормативно неопределённой среде. Отсюда - сложности в решении формальных и рутинных («скучных») проблем, потребность быть «творцом», а не «исполнителем»; отсюда и пресловутая недоделанность и пр. До тех пор, пока у нас считается, что стандарт не стоит уважать, экономия на масштабе невозможна, конкурентоспособность в больших серьёзных проектах, как в машиностроении, невозможна. Однако отсюда же способность решать сложные нестандартные уникальные задачи (способность работать без правил, т.е. способность работать в условиях опытных производств или цифровой экономики).

Данная культура трудовой характеристики чревата не только недостатками (хотя мы предпочитаем термин «ограничения»), но и конкурентными преимуществами, которые можно расценивать как возможности, от чего надо отталкиваться для того, чтобы преодолеть «эффект колеи». Ответ на вопрос, как конкретно это сделать, выходит за пределы данной статьи; здесь же сошлёмся на предложения экспертов о налоговой и образовательной реформах, используя «всё то, что не требует устоявшегося стандарта, а наоборот создаёт возможность работы вне регламентированной ситуации, потому что эти особенности у нас в стране воспроизводятся населением давно и серьёзно» [1].

«Разобщенность/взаимоудалённость интересов собственника и работников». Да, это интересная проблема, исторически вытекающая из отношений частной собственности и порождающая проблему отчуждения труда, когда «предмет, производимый трудом, его продукт, противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя... Отчуждённость труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы... Непосредственным следствием того, что человек отчуждён от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека» [2]. Преодоление, «снятие» отчуждения К. Маркс связывал, как известно, с ликвидацией частной собственности и заменой её общественной.

Однако, как нам кажется, А.А. Ананьев эту сущностную проблему заменил отношением высокопоставленных лиц и вообще руководителей к, как он пишет, «народу», что «очень хорошо улавливается и зеркально отражается линейным персоналом». Можно только пожелать автору уйти от этой поверхностности и провести анализ разобщённости интересов собственника и работников на эндотерическом уровне.

Считаем возможным подключить к данному анализу специфические российские условия, в которых осуществлялась торопливая приватизация в 90-е годы прошлого столетия, результатом

которой стала передача собственности зачастую в руки бандитов и бюрократов, не способных наладить её эффективное функционирование. В итоге сложилась весьма своеобразная полуолигархическая-полуфеодальная система отношений собственности. Решение проблемы, выявленной А.А. Ананьевым, видится только на пути социализации отечественного капитализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декан экономического факультета МГУ А. Аузан выступил в рамках «Времени эксперта» на заседании Совета Федерации (апрель 2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=w6Mn7bme9rA> (дата обращения 24.05.2019).
2. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42.
3. Нестор. Летопись временных лет, с. 8. – Цит. по: Алексей Толстой. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. 1868. А.К. Толстой. Полное собрание стихотворений в 2-х т. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://librebook.me/zemlia_nasha_bogata__poriadka_v_nei_lich_net_/vol1/5 (дата обращения 24.05.2019).
4. Родина Г.А. Вверх по лестнице, ведущей вниз, или вниз по лестнице, ведущей вверх? / Международная научная конференция «Российский миттеншпиль: экономика, техногенез, геостратегия»: Сборник тезисов / Под ред. Ю.М. Осипова, С.С. Нипа, Т.С. Сухиной. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. – С. 48-50.
5. Родина Г.А. Социальные инновации: возможность применения принципов максимина и минимакса/ Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею ВЗФЭИ. 26-27 октября 2010 г. Заседания секций. Т.3. – М.: ВЗФЭИ, 2011. – С. 47-51.
6. Родина Г.А. Новая модель образования XXI века: новое финансовое обеспечение? // Философия хозяйства. – Специальный выпуск. – 2016. – Март. – С. 172-179.
7. Сурков В.Ю. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (дата обращения 24.05.2019).
8. Тем временем. Смыслы с Александром Архангельским. Как вас теперь называть? Эфир 26.03.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2143815/video_id/2165447/ (дата обращения 24.05.2019).
9. Human capital report 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2016/> (дата обращения 24.05.2019).